

ISSN 0131-6656

СМЕНА

№ 7 (1365) АПРЕЛЬ 1984

НАШ
КОРРЕСПОНДЕНТ
ВЕРНУЛСЯ
ИЗ УРЕНГОЯ.

**Медицина
XXI века.**

**Новая рубрика.
Молодежная мода.**

Из записок
космонавта

ХЛЕБ И КОСМОС

В апреле нынешнего года страна отмечает замечательный юбилей — 50-летие со дня установления высшей степени отличия — звания Героя Советского Союза.

Историей выдающихся подвигов во имя социалистической Родины пронизаны эти годы. За каждым золотым пятиугольником награды — личность, характер, осознанный героизм лучших людей многонационального Отечества.

Как складывается эта личность, этот характер, откуда корни этого героизма? Нам думается, в записках Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР Виктора Савиных читатель во многом найдет ответ на эти вопросы.

Виктор САВИНЫХ,
летчик-космонавт СССР,
Герой Советского Союза

С какого возраста помнит себя человек?

Я стою на подоконнике, обеими руками держу за раму, чтобы не упасть, и вижу огромный красно-золотой шар по ту сторону улицы. Шар пышет жаром и обжигает мне лицо. Это не солнце. Это пожар: горит наша изба, а я стою на подоконнике соседской избы, куда меня на руках вынесла мама, и пытаюсь осмыслить происходящее. Мне бы опечалиться, заплакать, да маленький я совсем, и к тому же больно весело горит изба — с треском, искрами сыплется! Заплачу я потом, когда на холодном пепелище буду искать любимую расписную деревянную ложку и не найду.

Нас, погорельцев, приютили земляки — жители вятской деревни Березкины (в устной речи Березачи), где я родился и где случился вот этот пожар. Тогда шла зима военного сорок третьего года. Мой отец был на войне. Мне шел четвертый год. Вот с этого времени — с пожара! — я помню себя и веду отчет более или менее осознанной жизни своей.

У нас, у вятчей, есть, быть может, не всем понятное слово — «помочь». Если вслушаться, оно очень похоже на слово «помощь». И по звучанию и по смыслу слова эти родственны, хотя и не тождественны: «помощь» — понятие более общее, а «помочь» — конкретное, артельное.

«Помочь» — это когда люди, много людей не по службе, а по доброте своей, по сути русского характера собираются в артель, в сердечный коллектив и помогают земляку своему бескорыстно сделать доброе дело, которое ему одному не под силу.

Дом нам взамен сгоревшего строила «помочь». Помню веселые, разгоряченные работой лица старших. Сверкали

щеки топоров. Золотились стружки. Скипидарный запах сосновых венцов щекотал ноздри. Помню коричневый мох с зеленой верхушкой, которым конопатили пазы, чтобы изба тепло держала. Мой дедушка Кузьма Платонович ходил с конопаткой — широкой деревянной стамеской для конопачения, забивал мох в пазы и мне, гордому доверием старшего, поручал забивать да еще и похваливал мои старания.

Эти подробности живут в памяти, и как я благодарен моим родителям и дедушке моему Кузьме Платоновичу за то, что они с малолетства, с самых истоков жизни, исподволь, в охотку приучали меня к труду! С годами эта благодарность становится более осознанной и глубокой, и я стараюсь, чтобы дочь моя росла трудолюбивой.

...Мне седьмой год. Сенокос. Травы скрывают меня с головой, пахнут медом,

Рисунок Игоря СУСЛОВА

— Помощник растет!
Косари ночевали в шалашах на лугу, чтобы ранешенько утром захватить самую росу, самую витаминную, сочную траву и скосить ее по складному и точному присловью:

*Коси, коса,
Пока роса.
Роса долой —
И мы домой.*

Я тоже ночевал в шалаше вместе со всеми, с дедушкой. Ночью на небо высыпало столько звезд, что темноты на нем не оставалось. Звезды были всякие — большие, маленькие, белые, синие, зеленые. Некоторые не мигали, а большинство звезд мигало. Я спрашивал дедушку:

— Дед, почему их так много?
— Тебе надо, чтобы было мало?
— Зачем? Пусть будет много.
Выплывала луна, красная, как пожар, и я спрашивал про нее:
— Дед, чего она улыбается?
— Чего ей — плакать, что ли? — отвечал Кузьма Платонович. — Погода хорошая. Ведро. Сено косим мы хорошо. Вот она и улыбается.
И я верил тогда, что луна все знает о нас и улыбается нам за хорошую работу. Да разве я один одушевлял этот мир — от малой травинки и до звезд небесных? Все маленькие дети верят, что в мире нет неживых предметов.

...Летом 1947 года из армии вернулся отец, Большой, худой, незнакомый. Я его не помнил и не мог помнить: когда он уходил на войну, мне и года не было.

Он смотрел на меня и говорил:
— Сынок! Сыночек...
Голос дрожал, и в голос прокрадывались слезы. Мать упрасивала меня:
— Скажи ему «папа»! Чего тебе стоит, Витя? Он же отец твой родной.
А как я скажу, если не знаю этого человека?

Потом отец слег в постель, кашлял, лежал без движения, и фельдшер сказал матери, что дело совсем плохо. Дедушка готовил большому отвар из липового цвета, зверобоя, еще каких-то трав и просил меня в чашке подавать отцу.

— Папой зови его. Папой! — наказывал мне дедушка.

и громко, аж сердце замирает, гудят пчелы. Земляки вышли в луга с косами. Я прошу у Кузьмы Платоновича:
— Дед! Дай мне косу! Я косить хочу.
— Порежешься, внучек.
— Не-ет!
— Я тебе дам на первый случай грабельки, — говорит дедушка. — Сено грести будешь.

И вправду подарил мне дедушка грабли: аккуратные, свежеструганные, без сучка и задоринки, такие, как у всех, только маленькие. Этими грабельками вместе со взрослыми я греб сено. Конечно, пользы от меня было мало, но какая-никакая, а была, и Кузьма Платонович хвалил меня:

И я звал больного «папа», сперва стесняясь, а потом все бойчее.

Мало-помалу отец поправился — на парном молоке, на хлебе, на целебном отваре, потихоньку стал ходить и хлопотать по хозяйству.

Хорошо, во всей последовательности помню, как отец учил и научил меня запрягать лошадей.

Лошади! Крестьянская опора и мальчишеская радость! Я повторял их клички, как имена товарищей моих: Ветерок, Серко, Калижанка...

Большие мальчишки посадили меня, семилетнего, на Ветерка, и оттуда, с лошадиной спины, мир увиделся далеко-далеко: поле, стога на лугу, речка, лес.

Я рот открыл от изумления: до чего далеко видно!

Простор-то какой!

Ветерок — недаром же у него такое быстрое и легкое имя! — понес меня, и ручонками я изо всех сил вцепился в гриву. Ветер свистел в ушах, из глаз высекал слезы. Перед поскотиной была широченная канава. Не раздумывая, Ветерок перемахнул через нее. А я перелетел через его голову и кубарем покатился по траве.

Очнулся я оттого, что Ветерок стоял надо мной, щекотал лицо горячим дыханием и как бы спрашивал: «Живой?»

Я потрогал голову, встал, оцупал ноги, ребра, руки и ответил:

— Вроде живой...

Так мы подружились с конем.

После я много раз, что называется, с ветерком катался на Ветерке, и временами мне казалось, что несет меня не конь, а большая рыжая птица, и не по лугам, а по воздуху.

Справедливости ради скажу, что кататься так приходилось нечасто. Мальчишками лет с восьми мы работали в колхозе: возили навоз на поля, и, хотя работа эта тяжелая, мы делали ее весело, потому что знали: больше положим навоза — больше возьмешь хлеба.

Знали мы это не понаслышке, не с чужих слов, а знали всей жизнью своей, как трудно дается батюшко-хлеб, вкуснее и слаще которого нет ничего на свете.

Мальчишкой я возил сено на волокуше... Волокуша — это древнее изобретение: две молоденькие березы с кроной, с ветвями скрепляются поперечиной, на них наваливается сено или трава, и лошадь волочет волокушу по лугам-кочкарникам, по сырым местам, куда тебе надо. Телега застрянет, а волокуша проедет.

Вы сами понимаете, что волокуша была не от хорошей жизни, а от бедности, что сейчас она отошла в безвозвратное прошлое. Но что делать, если другой «техники» для вывозки сена с сырых мест в те горькие годы в нашем колхозе не было? Кроме того, все подорожности труда на земле мне представляются значительными, достойными памяти людской; прошлое обладает удивительной способностью, про которую прекрасно сказал Пушкин: «Что пройдет, то будет мило»...

Гоняли мы коней в ночное.

Это не столько работа, представлялось нам, сколько отдых и тайны. Кони ночью щиплют траву, а мы у костра печем картошку и прислушиваемся к ночным звукам. Помню, на наш костер пришли двое городских, муж и жена, поели они печеной картошки, похвалили:

— В ресторане такой нет.

Что такое ресторан, я не знал. Хотел спросить, да постеснялся. Небо было светлое. Заря с зарей сходились. Видны были кони, и городские спросили про них:

— Почему они не ложатся?

Я ответил:

— Кони почти никогда не ложатся.

— Все на ногах?— удивились городские.— А если начнут ложиться, что тогда?

— Значит, старость пришла.— повторил я дедушкины слова.— На пенсию пора!..

— На мясо?..

— На мясо.

Если бы была моя воля, я бы всех лошадей, честно отработавших свой век, отправил бы на пенсию — и тогда, в голодное послевоенное время, и сейчас, когда жизнь наша год от года становится обесцененнее... Почему-то мне кажется, что рано или поздно такое время наступит: наши «верные помощники, «братья наши меньшие», заслужили отдых после трудов праведных.

Был у нас свой огород — сорок соток, и здесь я знал наизусть каждый квадратный метр земли. Огород требовал постоянного ухода, вскапывания, удобрений, прополки — одним словом, знаний и умения, и для меня было радостью всей семьей работать на огороде, обихаживать его. Здесь у нас росли огурцы, картошка, ячмень, рожь, капуста...

На всю жизнь запомнил я приметы моего дедушки Кузьмы Платоновича:

— В Федоров день (21 июня) высевай капусту.

— Сей овес в грязь — будешь князь.

Меня всегда удивляла тайна сотворения злака, плода, дерева; казалось бы, из ничего — из малого семечка, земли и воздуха — возникало нечто большое, полезное и красивое. Откуда у него взялись силы? Каждое утро я бегал на огород узнать, какая там новость, и новостей было много. Наливались силой колосья, огурчики покрывались гусиной кожей и лежали пупырчатые, словно озябли под жарким вятским солнышком. Можете себе представить, каких усилий мне стоило преодолеть искушение сорвать их и съесть тут же, не отходя от грядки, и, что там говорить, искушение иногда оказывалось сильнее меня.

Огурцы мы солили на зиму со смородиновым листом, укропом и чесноком в звонких кадушках, и кадушки эти на зиму опускали под лед в прорубь в чистую речную воду. Выдержанные в ключевом холоде, огурцы приобретали изумительный вид, не передаваемый словами, и слава о наших огурцах шла далеко. А помидоры у нас до красноты (солнышка мало!) созревали редко. Большой частью мы их собирали зелеными, клали в валенки, и там, в валенках, они доспевали до желанного красного цвета.

Я подробно пишу о деревенском огороде потому, что он, этот огород, в трудные годы помог всей России, всем крестьянам и горожанам выжить, выдюжить, и в этом утверждении преувеличения нет никакого. И если моя мама, пройдя через неслыханные испытания самой страшной войны, жива и здорова сегодня, то этим она обязана и нашему огороду и своему труду на земле. Я с нежностью рассказываю про огород и потому, что для многих детей счастье работы на земле, познание ее великой животворной силы начинается именно со своего сада-огорода, и заменить его здесь чем-либо другим вряд ли возможно.

...В моей деревне Березкины школы не было, а была она в соседней деревне. Вставали мы очень рано, чтобы не опоздать на уроки — школа-то далеко-далеко! — и шли пешком несколько километров.

Осенью и зимой светает поздно, и мы, ученики начальной школы, чтобы не страшно было в темноте, ходили на уроки группой, артелью — с разговорами, а то и с песнями.

Чтобы не сбиться с пути, зажигали факелы — палки, с торцов смазанные солидолом или керосином. Зрелище было незабываемое!

Мы, ребята, идем весело, дружно, грудно! Трещит пламя факелов, сыплются искры, полыхают огни. Бывает, в круг, очерченный светом, забежит заяц и, на миг замешкавшись, отпрянет в темноту. Где-то далеко в лесу заухает филин — глухо, тревожно, и сожмется сердце от неосознанной тревоги. А потом подумаешь: чего бояться — ты же не один, кругом твои товарищи.

Те ребята, у кого не было факелов, завидовали нам, факельщикам-светоносцам, и жалобно просили:

— Дайте понести!

— Недолышко!..

— Понесу и сейчас же отдам. До леска только понесу... Пожа-луй-ста!

Конечно, в таких просьбах мы не отказывали товарищам и говорили:

— Понеси. Только не погаси.

— Что ты!

Жители ближних к школе деревень завидовали нам, дальним: нам дальше со светом идти!

Понятно, о каких-нибудь автобусах, которые бы подвезли нас до школы, тогда не могло быть и речи. Они появились потом, когда страна стала побогаче.

Автобусы — это хорошо, не спорю.

И все-таки я благодарю судьбу за то, что в детстве много ходил пешком, что утром вставал рано и в жизни моей были незабвенные походы с факелами по деревенскому проселку, и, смею думать, свет этих факелов сделал мою жизнь светлее и помог в ней увидеть нечто важное.

Со мной солидарны участники этих походов, бывшие «факельщики» Коля Желтиков (сейчас он работает на шинном заводе), Паша Решетников, Саша Лундовских (сейчас он работает в милиции)... Мой однофамилец Петр Савиных был тогда на три года старше меня, а в детстве это невероятно большая разница. Был он куда крепче и плечистее многих из нас и научил меня, тогда худого, как заяц, мальчишку, заниматься зарядкой, развивать мускулы, и я ему на всю жизнь благодарен за это. Как тут не вспомнить восточную пословицу: «Если у вас есть друг и он слабее вас, передайте ему свою силу. Если у вас есть друг и он сильнее вас, научитесь у него, как стать сильным, ибо нет ничего сильнее дружбы».

...В нашей деревне, кажется, в 1948 году я первый раз в жизни увидел комбайн СК-4, по нынешним понятиям старомодный и, что называется, давно снятый с вооружения. Тогда он мне показался чудом техники. Чудом техники мне казались и тракторы — кони стальные, как поется о них в песне 30-х годов.

Живые кони мне нравились куда больше — они понятливые, умные, все понимают, только что не говорят.

Или порывая дружбы с конями, я вольно или невольно присматривался к технике, понимал, что она сильнее живых коней, и относился к ней со сдержанным любопытством... Известно, что родство

в деревне очень ценится, а из родни моей один дядя Миша работал трактористом. Он почувствовал во мне сокрытый интерес к машине и сказал:

— Пошли, моряк, в поле — землю пахать.

(Я носил отцовскую бескозырку, вот меня и прозвали моряком.)

— Я не умею.

— А я научу.

В кабине трактора пахло машинным маслом, не продохнуть, все кругом гудело и дрожало, и гул этот отдавался в голове. Трактор тащил многолемешный плуг, и плуг этот вспахивал землю играючи. Дядя Миша дал мне подержать рычаги, положил поверх моих ручонков свои большие, тяжелые ладони.

— Дядя Миша! — попросил я. — Можно, я сам поведу трактор?

И осекся: а вдруг откажет дядя Миша?

Но мой могущественный родственник спокойно убрал свои руки с моих, и какое-то время, пусть небольшое, я один — самостоятельно! — вел трактор.

Сейчас-то я понимаю, что это была иллюзия самостоятельности: рычагами я не двигал, а только сидел за ними, и дядя Миша в любой момент мог подстраховывать меня. Но и такая иллюзия мне была очень нужна тогда!

Очень!

Из кабины трактора я увидел иные дали. Горизонт раздвинулся. В цилиндрах мотора было много лошадиных сил, образно говоря, там был целый табун лошадей. Я предощутил великую радость управления сильной машиной, которая, как убедился впоследствии, необходима всем без исключения, кто имеет дело с техникой.

Тогда мне было двенадцать лет...

...Когда кончается детство? По моему, трудно провести четкую границу: вот, мол, по эту ее сторону детство, а по ту юность, а здесь зрелость и т. д. Мальчишки мужают быстро, если они рано познали сладость крестьянского труда, и все-таки они в определенном смысле на всю жизнь остаются мальчишками. И где бы я ни был, в каких бы городах я ни жил, я никогда не порывал связей с родной землей — со страной моего детства и отрочества, — со светлой моей вятской сторонкой, с землей-кормилицей, в прямом смысле вскормившей меня. Я всегда приезжал на родину не как праздный турист, а как работник, и этим я обязан моим родителям, моему дедушке, моим учителям, товарищам моим по школьной скамье.

Каждый год, как бы он ни складывался, я старался приехать на каникулы или в отпуск на родину и, как правило, приезжал... Впрочем, были и исключения: в 1958 году я, будучи учащимся техникума железнодорожного транспорта, в каникулы поехал на целину — убирать урожай.

Да и нельзя было не поехать: мои сверстники и люди постарше хорошо помнят, что тогда значила целина для всей страны и особенно для молодежи! Не поехать было нельзя, как нельзя было, скажем, комсомольцу 20-х годов уклониться от участия в гражданской войне или в восстановлении разрушенного хозяйства.

Урожай был отменный.

Чтобы ни одно зернышко не пропало, работали мы и днем и ночью. Ведешь комбайн ночью, и на пшенице, на колосьях лежит лунная дорожка — отлунье, как зовут ее у нас на Вятке, а мне думается, что это моя родная Вятка блестит.

И виделась мне новые дали.

...Как человек становится космонавтом? Сколько судеб, столько и путей в космос, и пути эти далеко не всегда похожи. Я в этих путях вижу одну прекрасную закономерность: чтобы подняться в космос, надо горячо любить и хорошо знать родную землю, уметь приложить к ней руки, чтобы она стала еще дорожее и краше. В этом смысле путь в космос начинается с детства — с тех начальных полезных дел, которые делает человек независимо от возраста.

...Земля из космоса увиделась мне удивительно родной и близкой, и я с гордостью всматривался в просторы моего Отечества. Земля сияла теплыми, яркими красками, такими же, как у великого русского живописца Андрея Рублева. Удивляло, как этот художник, современник Куликовской битвы, живший 600 лет назад, мог провидеть Землю из космоса. Чудо? Как сказать. Я задумался над этим и пришел к выводу, что провидение древнерусского художника идет от родной земли, которую он любил всем чутким сердцем своим, и краски ее запечатлел на своих творениях. В его работах полыхает синева цветущего льна, зеленеет послеважная рожь, золотится пшеничное поле, краснеет калина...

Одним словом, краски родной нашей среднерусской стороны, быть может, уярченные, ликующие, и эта же родная Земля видится из космоса уярченной и ликующей...

Поля пшеницы, ржи, льна — я пишу о них не случайно: в космосе я продолжал оставаться хлеборобом в самом прямом смысле.

Да разве я один?

Все советские космонавты без исключения в той или иной степени являются работниками сельского хозяйства. Дело в том, что человеку на космической орбите приходится выполнять колоссальный объем работ, и говорить о нем подробно нет возможности да и необходимости тоже.

Среди множества обязанностей космонавта есть одна — святая: помощь родному полю, милой моему сердцу сельщине.

Как же из космоса поможешь полю?

А вот как.

Специальной аппаратурой мы фотографируем из космоса поля, луга, леса, виноградники, пастбища... Аппаратура эта сверхчувствительная, и видит она куда зорче, чем любой сверхмощный бинокль.

Известно, что основу плодородия почвы составляет гумус (от латинского земля) — перегной, который накапливается веками. Если гумус в почве истощается, то такая почва нуждается в срочном и внимательном лечении — ей нужно много удобрений... Если же в почве гумуса вообще не осталось, то тут и удобрения не всегда могут помочь. Здесь все как в медицине: важно вовремя принять меры. Успеть, не опоздать. Спасти!.. Снимки, сделанные из космоса, дают точную картину состояния здоровья почвы на огромнейших площадях и помогают вовремя вылечить поля или же обнаружить плодородные участки земли, которые до этого считались непригодными для посевов.

Вы скажете:

— А не проще ли все это проделать непосредственно на Земле? На ее поверхности?

Нет, не проще.

Снимки из космоса, не сменяя ни одного колоска, ни одной травинки, не топчут посевов, охватывают сразу об-

ширнейшее пространство, и диагноз их точен и правдив.

Случайности здесь исключены... Бывает, пробы почвы, взятые непосредственно на Земле, дают отрывочную, неполную картину ее состояния. Копнет человек в одном месте, в другом, в третьем — земля неплодородная, гумуса нет, пахать и сеять не стоит. А может быть, она неплодородна только в тех местах, которые обследовал копатель, а на всей остальной площади плодородна и богата гумусом?

Разве так не может быть? Конечно, может.

И тут на помощь пахарю приходит космическая техника, и космическое око поможет точно определить истинную ценность угодий земных.

Взгляд из космоса, снимки из космоса могут точно сказать пастухам-чабанам, куда им следует перегонять отары овец, а где пасты не нужно, в какой долине, на каком склоне трава удалась, а где — нет...

Есть такое слово, которое знают далеко не все, а вот хлопкоробы знают его отлично и очень не любят. Слово это «вилт», грибковое заболевание хлопчатника. Вилт коварен: подкрадывается он незаметно, исподволь и внезапно, как саранча, на больших пространствах поражает посевы.

Здесь, как никогда, важно своевременно увидеть, угадать, разглядеть начальную стадию заболевания и победить болезнь в зародыше... Опять же космическое око позволяет это сделать.

Помогаем мы и рыбакам. Из космоса можно зорче зоркого увидеть многое такое — очень важное и нужное людям, что с Земли разглядеть сложнее.

Совсем как в стихотворении Сергея Есенина:

Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится
на расстоянии.

...В городе Краснодаре на Кубани — широкие, просторные, под стать степи, где расположен этот город, улицы, светлые здания. В одном из этих зданий расположен Центр агрокосмических исследований...

Сюда, в Агрокосмический центр, поступает информация из космоса, связанная с сельским хозяйством, и здесь она не лежит мертвым грузом, а по ней принимаются неотложные меры:

удобряются поля;
распахиваются залежи;
ведется борьба с вилтом на полях хлопчатника;
перегоняются отары на самые лучшие пастбища;
выезжают истребительные отряды по борьбе с сусликами и другими вредителями полей;
гасятся лесные пожары...

Одним словом, делается много добрых, полезных и мирных дел, так необходимых жителям планеты Земля.

Именно мирных дел.
Мирных!
Мир.

В отличие от США, где империалисты стараются сделать космос плацдармом для нападения на Советский Союз, мы, советские люди, обживаем космические просторы ради мира.

Ради того, чтобы урожай на полях был

богаче, чтобы краше и светлее была наша планета — теплый остров, затерянный в холодном космосе, чтобы счастливее жили обитатели этого острова — землянам.

По сути дела, наша Продовольственная программа, к которой мы, космонавты, имеем самое прямое отношение, — это Программа мира.

Я верю, что когда-нибудь американцы вместе с нами будут осваивать космос ради мира. Был же незабываемый 1975 год, когда в космосе советские и американские космонавты обменялись рукопожатием, и это рукопожатие вселяет добрые надежды. Рано или поздно американский народ, кстати, умеющий прекрасно возделывать землю и знающий истинную цену Хлебу, настоит на своем:

— Быть космосу мирным!

...Невооруженным глазом из космоса расстояние в 5 километров на Земле видится точкой. Возьмите остро отточенный карандаш, поставьте на белой бумаге отчетливую точку, вот вам и будет 5 километров. Много это или мало?

Кто-то скажет «много», кто-то — «мало», но главное не это: главное то, что на помощь нам приходят зоркие, чуткие приборы, которые год от года становятся все совершеннее, и чем они будут зорче, тем существеннее будет наша помощь сельскому хозяйству.

Вам, наверное, приходилось видеть — на снимках, в кино, по телевизору, — чем питается человек в космосе. В тубиках, похожих на тубики с зубной пастой, высококалорийные продукты.

А хлеб вы заметили? Нет? Жаль.

Без хлеба нигде нельзя — ни на Земле, ни в космосе. Помните пословицу: «Хлеба ни куска, и стол — доска. А хлеб на стол, и стол — престол».

Наш космический хлеб по виду напоминает плитку шоколада, бороздочками разделенную на дольки.

На самом деле это хлеб, который, как и всякий хлеб, во сто раз вкуснее шоколада, особенно там, в космосе. Он обернут в целлофан и разделен на дольки, чтобы не было крошек, опасных в условиях невесомости: плавая в воздухе, они могут попасть в глаза или дыхательные пути.

Хлеб в космосе бывает разный — бородинский, кутузовский, столовый, ржаной, пшеничный, всякий...

При всех обстоятельствах он — хлеб, выстраданный трудом всенародным, и слово это в школе я писал с заглавной буквы.

Хлеб в космосе пахнет Хлебом, Полем, Родиной.

Да и само хлебное зерно по структуре своей поразительно напоминает космический корабль, отправившийся в далекое путешествие. Зерно походит на него формой, твердой оболочкой, в которую заключен запас углеводов (запас космического горючего). Зародыш-росточек — это кабина космонавтов. И зерну и кораблю предстоит длительный полет на пользу человечества.

И зерну и кораблю я говорю:
— В добрый час!

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 7 (1365) АПРЕЛЬ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
будущие фрезеровщики
из профессионально-
технического
училища № 40
Каунаса.

Фото
Сергея
ПЕТРУХИНА

- 1 Виктор САВИНЫХ, летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза. «ХЛЕБ И КОСМОС».
- 4 «О ШОЛОХОВЕ».
- 5 Председатель Комитета молодежных организаций СССР Владимир АКСЕНОВ: «СО ВСЕХ КОНЦОВ ЗЕМЛИ».
- 6 ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНИ»: ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ — ФАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ЛЮДИ. Владимир АНИСИМОВ. «УРЕНГОЙ: ИЗДЕРЖКИ ТЕМПА...»
- 7 Георгий БАЖЕНОВ. «ТЕЛЕФОННЫЙ РОМАН». Маленькая повесть.
- 12 Яковас ШАДЯВИЧУС. «ГОРОД ПО ИМЕНИ ПТУ».
- 14 ПИСЬМА ИЗ РАЙКОМА. Павел ЕМЕЛИН. «СВЕТА ВЫХОДИТ В «СВЕТ».
- 18 ЭРА БИОЛОГИИ. Николай БОЧКОВ, академик АМН СССР. «МЕДИЦИНА XXI ВЕКА».
- 20 НОВАЯ РУБРИКА: МОЛОДЕЖНАЯ МОДА. Вячеслав и Егор ЗАЙЦЕВЫ. «КОСТЮМ СОВРЕМЕННОГО».
- 22 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 24 СИЛУЭТЫ. Владимир ПОРУДОМИНСКИЙ. «ГАРШИН».
- 27 Повесть Льва ПРОЗОРОВСКОГО «ОХОТНИКИ ЗА ПРОШЛЫМ».
- 30 «ОТЕЧЕСТВО, РАБОТА И ЛЮБОВЬ — ВОТ ДЛЯ ЧЕГО И НАДОБНО РОДИТЬСЯ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Ю. М. ПОЛЯКОВ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБИЧКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1984 г.

О ШОЛОХОВЕ

Каждое шолоховское слово — сокровенное достояние любого из нас. Пронзительное, многомерное, оно навсегда остается в сердцах, уходя в века...
Сын тихого Дона, всей советской земли, он до самых глубин раскрыл душу своего народа, сделав его помыслы и чаяния понятными каждому читателю планеты. Великий ему поклон!

Феликс ЧУЕВ

Памяти гения

В звуке «Шолохов» шепчутся маки,
И волна догоняет волну,
И летят дончаки, аргамаки,
Натянув горизонта струну.
О, как больно летят, задевая
Окончания нервов земли!
Плачь, крутая земля золотая,
Плачьте белым венком, ковыли...
Не затихнут о нем разговоры
Новых листьев под ветром донским.
Потому что, конечно, не скоро
Кто-то в слове сравняется с ним.

Николай ДОРИЗО

... Я знаю
Шолохова лично,
Так, что интимнее нельзя,
Не по-житейски, не привычно,
А по душам — читатель я!..
Я в нем люблю свою Аксинью,
Знакомый с детства тихий Дон.
Свое Отечество — Россию,
Все, что всем сердцем любит он!

Из лирического дневника
1957 года

Татьяна СМЕРТИНА

Чистая звезда

... Одни уходят без следа,
Других родня в округе чтит,
А Он, как чистая звезда,
Для всех над Родиной горит.

И поколение не одно
Под той звездой опять,
Склонясь над книгами Его,
Учиться будет и страдать.
И вновь Григорий среди двора
Детей, тоскуя, позовет.
И у Аксиньи из ведра
Вода светлейшая плеснет...

Хуршид ДАВРОН

Его окликает вечность

Ветер выл в обнаженных деревьях,
На просторах ковыльных, древних.
Чьи он жизни уносит прочь?
Над донскими степями ночь,

Но и в той пустоте бездонной,
Черноту могуче поправ,
Синева глаз сольется с Доном,
Вздых последний —
с шорохом трав.

Накануне он видел сон:
У порога его ждал конь.
В тишине февральского дня
Слышен топот того коня.
Вся земля, словно поле полынное,
Черным солнцем насквозь просвечена,
Но отныне его по имени
Окликать сможет только вечность...

Перевел с узбекского
Юрий ЛАССКИЙ.

Тамара ПОНОМАРЕВА

Вещее слово

Колокол слышится в яростном —
«Дон»,

«Шолохов» — эхом несется.
Там и снискал бессмертие он,
Сыном казаков зовется.
И обжигает имя его
Сердце народное снова.
Вечно нет на земле ничего, —
Кроме вещего слова.

На вопросы корреспондента «Смены» отвечает председатель Комитета молодежных организаций СССР Владимир АКСЕНОВ

— Владимир Александрович, как известно, летом 1985 года наша столица ждет у себя дома XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Планета в гости к нам! Обнаруживая к теме живой интерес, читатели «Смены» просят редакцию рассказать о месте этого предстоящего масштабного события в ряду ему подобных, посвятить их в подробности планов гостящейся встречи...

— Хотя в прессе уже появилось немало информации, интерес к фестивалю, думаю, не иссякнет даже и тогда, когда фестиваль станет свершившимся фактом. А пока еще мы в самом начале разбега...

Молодым читателям журнала напомню, что уже однажды Москва принимала всемирный форум молодежи. Напомню также, что фестивальная ромашка—эмблема движения—украшала улицы Праги, Будапешта, дважды—Берлина, Бухареста, Варшавы, Вены, Хельсинки, Софии и Гаваны. И, наконец, добро пожаловать—готовится сказать Москва!

Молодежь нашей страны относится к проблемам своих сверстников за рубежом с большим пониманием, ее чувства и симпатии к борцам за мир, справедливость, социальный прогресс широко известны. XIX съезд ВЛКСМ традиционно высказался в поддержку фестивального движения. Развитием этой позиции стало наше официальное предложение провести XII Всемирный в столице нашей Родины.

— Москва фестивальная! А что означала эта роль, отвечая кратко, для столицы предыдущего молодежного форума?

— Июль 1978 года. Самый последний опыт фестивальных торжеств—Гавана. Она приветствовала 18 с половиной тысяч фестивальных делегатов.

Фестиваль—это всегда большая честь, но и большая ответственность! Ведь фестивальный город становится на время как бы маленькой моделью нашей разноязычной планеты, каждый гость рассчитывает на максимум возможностей для общения, дискуссий, встреч, он хочет слушать и говорить сам и, наконец, видеть, какими заботами живет молодежь принимающей страны...

— Тогда такой вопрос. Само слово фестиваль—расхожее в словаре времени, оно отсылает ко многим интересам и сторонам современной жизни. Фестивали театра, музыки, кино, балета, песни... Есть именитые, тоже собирающие гостей из разных стран. Давайте поясним, какие задачи выдвигают Всемирные фестивали молодежи и студентов на первое место, какие политические и гуманистические традиции питают движение?

— У этих традиций уже своя большая история. Несколько месяцев спустя после того, как знамя Победы взметнулось над фашистским рейхстагом, в Лондоне была основана Всемирная федерация демократической молодежи. «Дети разных народов, мы мечтаем о мире живем...» Слова гимна ВФДМ—это ведь, собственно, и широкая гуманистическая программа, актуальная вчера и сегодня. Федерация дала путевку в жизнь встре-

чам молодежи и студентов планеты. Уже давно мы убедились: фестивальное движение оказывает мощное воздействие на климат в мире, способствует взаимопониманию молодежи разных стран, расширяет географию нашего сотрудничества. Вспоминая праздничную Гавану, хочу напомнить: там было представлено две тысячи молодежных организаций из 145 государств. Это количественная сторона. Важной была и сторона качественная: за счет социал-демократов, некоторых центристских организаций и т. д. обогатилась палитра представительства, раздвинулся круг участников.

В рамках нашего сотрудничества сложились свой демократический фестивальный статус, традиции, порядок. Так, решение о форуме молодежи в Москве принял в феврале с. г. на первом своем заседании Международный подготовительный комитет. Опять же согласно фестивальной традиции делегаты 186 международных, региональных и национальных молодежных организаций из 92 стран провели первое заседание МПК в столице страны, где проходил последний Всемирный фестиваль.

СО ВСЕХ КОНЦОВ ЗЕМЛИ

съедутся в Москву делегаты XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

И там же, в Гаване, где передавалась эстафета Москве, провозглашен Призыв к молодежи и студентам мира. В этом документе отмечается, что фестиваль состоится в год 40-летия Победы над фашизмом, он созывается в стране, народ которой внес выдающийся вклад в разгром гитлеровского фашизма и японского милитаризма. Молодежный праздник совпадает с десятилетием заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. И одновременно приходится на Международный год молодежи, которым, по решению ООН, объявлен 1985-й. Словом, фестивальный лето сфокусирует венки дат и событий, каждое из которых достойно стать серьезной темой политических дискуссий московской встречи.

— Что можно добавить еще, характеризую идею XII Всемирного?

— Лозунг фестиваля «За антимпериалистическую солидарность, мир и дружбу» сегодня как никогда актуален. Невольно просится одно сравнение. Если пять лет назад, когда к гаванской набережной причаливали океанские лайнеры с посланцами молодежи и гостями на борту, было как бы время подъема разрядки, то что мы имеем на телетайпной ленте событий в мире сегодня? Милитаристы всех мастей раскручивают гонку ядерных вооружений, преследуя далеко идущие цели, они переносят свои военные приготовления в космическую сферу. Планета большая очагами военной и политической напряженности, и за этими, чуждыми духу разрядки неврагическими узлами угадывается почерк империализма.

Есть повод для широкой молодежной дискуссии на высшем уровне! Фестивальная Москва должна донести до каждого посланца, делегата, гостя нравственный императив: остановить гонку ядерных вооружений! Сплотить усилия! Действовать сообща!

— Можно предположить, что приезд к нам делегатов, сам форум, его итоги Запад встретит не только уважительным вниманием, сочувствием и аплодисментами?

— Мы прекрасно понимаем, что у СССР, Ленинского комсомола, советской молодежи есть за рубежом не только друзья. Достаточно злопыхателей, клеветников, противников. Это ими изобретены клише «советской угрозы», «руки Москвы», «агентов Кремля»—ярлыки, которыми буржуазная пропаганда награждает прогрессивную молодежь собственных стран. Наверное, найдутся и любители искать несовместимость, надуманные противоречия между Международным годом молодежи и встречей посланцев мира в советской столице...

— 1350 организаций из 140 стран мира. Так ветвисто древо нашего сотрудничества, наших контактов, связей.

— Значит, для многих делегатов дорога в Москву не станет первооткрывательством?

— Верно. Надеемся, что сблизят, познакомят деятелей международного молодежного движения и предстоящие совместные заботы.

— Итак, подготовка началась, идет, набирает темп. А какие международные молодежные события ждут нас в канун фестиваля?

— Читатели «Смены» уже, наверное, знают, что недавно создан Советский подготовительный комитет, который возглавил первый секретарь ЦК ВЛКСМ, член Президиума Верховного Совета СССР В. М. Мишин. Планируются новые заседания Международного подготовительного комитета—и очередное, второе, состоится в Софии.

Для фестивального процесса, на мой взгляд, важна и предполагаемая осенью нынешнего года Международная встреча трудящейся молодежи в Москве. У нее самостоятельная задача, но, думается, она поможет ускорить брожение «фестивальных идей». А дальше? В начале будущего, уже фестивального года предполагается международная конференция в Конго. Ее тема: проблемы и вопросы антиимпериалистической борьбы молодежи за национальное освобождение и мир.

Словом, путь длинный.

— Подготовка к фестивалю, видимо, охватит всю нашу страну?

— Представим Москву через одно лето, в конце июля—начале августа: море улыбок, краски национальных костюмов, речи, песни, общение на всех языках. В какой-то мере это можно сравнить с Олимпиадой, которую хорошо помнят москвичи. Однако уточним: праздничная столица увидит и ощутит пик самого фестивального движения, я бы сказал, его девятый вал.

Но есть еще принадлежащие тому же событию прелюдия, живые будни, долговременный и плодотворный процесс. Думается, от Москвы и до самых до окраин в комсомольских и молодежных организациях, на предприятиях, в вузах, учреждениях, школах вспыхнут живые искры творческого соревнования за право получить путевку на международный праздник. Фестивалю будут посвящены молодежные субботники, его благодарная идея побудит комсомольцев и молодежь на созидательный, высокопроизводительный труд. Не сомневаемся, форум послужит доброй службой делу коммунистического и интернационального воспитания молодежи нашей страны.

Беседу вел Юрий МАКАРЦЕВ.

— Кстати, какими «числительными» вы бы охарактеризовали связи КМО СССР с молодежной планетой?

УРЕНГОЙ: ИЗД

Владимир АНИСИМОВ,
специальный корреспондент
«Смены»

Тигант в распашонке... Это выражение — из сменовского очерка о Новом Уренгое шестилетней давности. Не требовалось быть пророком, чтобы уже тогда предсказать блестящую будущность новорожденного поселка: его судьбу определили геологи, разведавшие громадные запасы газа.

Новорожденный стремительно «прибавлял в весе» и в 1980 году стал самым молодым и бурно развивающимся городом страны. Сегодня в Уренгое живет более пятидесяти тысяч человек. А в скором времени население увеличится до 100—150 тысяч.

«Будущая столица газиков тюменского Севера», — писали мы шесть лет назад. Сегодня можем лишь подтвердить это, но без слова «будущая». Правда, перед последней командировкой в Новый Уренгой слышали мы и голоса сомневающихся:

— А не утрачивает ли Уренгой свое значение? Ямбург — вот куда смещается «центр тяжести» добычи, вот где перспектива.

— Так вопрос вообще ставить нельзя, — пояснили нам специалисты — геологи объединения «Уренгойгаздобыча». — Ямбург очень перспективен, но и уренгойским топливом будут пользоваться наши внуки и правнуки.

Мы «путешествовали» по карте, изображающей в разрезе уренгойские недра. Если сравнить их с многослойным пирогом, то газ, которым мы сейчас пользуемся, взят из самого верхнего слоя — сеномана. Почти чистый метан идет из более чем трехсот скважин.

Начали бурение скважин и во втором слое — волонжине — до глубины трех километров. Здесь найдены газовый конденсат и нефть, запасы их уточняются.

Приступили к разведке и более глубоких слоев. Результаты бурения на глубину свыше трех километров обнадеживают: есть конденсат, вероятно, есть и нефть. Данные сейсморазведки говорят, что и на больших глубинах может быть нефть... Так что гигант еще не проявил всех своих возможностей. А это значит — будет расти и развиваться столица газиков.

...В рейсовом самолете Москва — Новый Уренгой знакомятся быстро. Мой сосед, московский рабочий, летит проведать дочь, а заодно познакомиться с зятем и внуком. Летит впервые и потому немного растерян: будем на месте ночью, встретят ли? Адреса есть, да как добраться?

Бывалые уренгойцы вмешиваются в разговор и дружно растолковывают соседу:

— Таки еще нет, зато рейсовый автобус у нас бесплатный. В городе выйдешь у светофора, сразу направо...

— А у какого светофора?

Вопрос подтверждает: не бывал еще в Уренгое. Светофор здесь пока один. Тоже своего рода достопримечательность. Висит на перекрестке, который по оживленности движения напоминает московский. Только увертываешься не от «Волг» и «Москвичей», а от «ЗИЛов», «Татр», «Магирусов»...

У железнодорожного переезда еще раз убеждаешься, что главная фигура на северном транспорте — водитель. Наверное, только в Уренгое и увидишь такое: тепловоз притормаживает до скорости пешехода, пропуская машины. Последний «уазик» нахально проскакивает в десятке метров от локомотива.

Непорядок, конечно. Но хотя железной дороге Сургут — Уренгой, связавшей город с Большой землей, скоро два года, вид тепловоза здесь еще не очень привычен. Тем не менее значение железной дороги, особенно для строителей, трудно переоценить.

— Благодаря ей мы впервые стали стабильно получать грузы и строить ритмично круглый год, — сказал мне заместитель генерального директора объединения «Уренгойгаздобыча» Эдуард Бегларов. — Раньше осваивали за год двести миллионов рублей капложений, сейчас — до семисот. Раньше детали жилых домов шли из Ленинграда с пятью — семью перевалками. Теперь в Ленинграде погрузят, здесь выгрузят — и все. Трест «Ленуренгойстрой» впервые вышел на плановую цифру по вводу жилья и наверстывает отставание...

В прошлом репортаже из Уренгой «Смена» рассказывала об интересной идее, которую предложил штаб ЦК ВЛКСМ: построить сверх плана комсомольский девятиэтажный дом. И как только я разыскал начальника штаба Тенгиза Шелию, первый же вопрос: как дела с домом?

— Будет комсомольский дом! Нам начальник ленинградского строительного главка так сказал: выделите вам комплект деталей, если найдете фонды на материалы. Обратились в министерство, там помогли с фондами. Сейчас уже и документация пришла, дом включен в титульный список этого года. Работать будем методом народной стройки, а квартиры получат лучшие комсомольцы... Мы тут штаб создали по строительству комсомольского дома. Между прочим, — Тенгиз прятет улыбку, — главный инженер «Главуренгойгазстрой» Владимир Михайлович Игольников — мой заместитель по этому штабу. Он-то и предложил: сделаем стройку образцовой во всех отношениях — по темпам, по качеству.

Поговорить нам толком не удается: надрываются телефоны, двери штаба почти не закрываются — идут и идут добровольцы с комсомольскими путевками. Люди в Уренгое нужны, но появление добровольцев, кажется, далеко не всегда радует Шелию. Побыв в штабе каких-то полчаса, понимаю — почему.

...Робко входят две девушки — с виду прямо подростки. Приехали с комсомольскими путевками из северного Казахстана. Учились в институте на мелиораторов, после второго курса почему-то бросили — и в Уренгой. Спрашиваем, что умеют делать. Ничего... Шелия звонит кому-то, договаривается насчет жилья для девушек; теперь надо еще найти организацию, которая согласится принять их, направить на учебу. А это сложнее...

...Новая посетительница настроена агрессивно. Ее, поваря шестого разряда, приняли на работу по пятому. Пришла в штаб жаловаться.

— Я высококвалифицированный специалист!
— А пятый разряд — это разве низкая квалификация?

Пожимает плечами.

Пробуем убедить, что администрация имела право принять ее на таких условиях, что через месяц-другой, удостоверившись в ее талантах, вернут шестой разряд.

— Я дома в ресторане работала, — гордо сообщает «высококвалифицированный специалист». Нет, не убили...

...Еще одна пара — он и она — приводит Тенгиза в ярость.

— Ты посмотри, что делают! — Тенгиз через стол бросает мне две комсомольские путевки. — Нет, напишу я в киевский горком — кого посылают? Послушай, что говорят: она лет пять назад комсомольский билет потеряла, а он в 26 лет решил, что вышел из комсомольского возраста. Билетов нет — путевки есть! И что мне делать — сразу персональные дела заводить? Да им и не нужен был комсомол, они о нем вспомнили, когда в Уренгой захотелось подзаработать! Но почему комсомольские путевки выдают?

Отбушевав, Тенгиз снова тычется к телефону — хочешь не хочешь, и эту пару надо куда-то пристраивать. Денег на обратную дорогу у них, как водится, нет...

...Дипломированный бухгалтер просит устроить куда угодно на стройку, только не по специальности — заработать надо, а в конторе что получишь?

...Два друга из теплых краев никак не могут усвоить, что три года работы на Севере еще не гарантируют квартиры на родине: «Нам же обещали!»

Все это — в один день, даже в один час. Уренгою нужны рабочие руки, но ему нужны в первую очередь профессионалы. Между прочим, «обустройство» одного человека здесь обходится в 20 тысяч рублей. Слишком большая роскошь в здешних условиях начинать подготовку профессионалов с нуля. Везде, кажется, это знают, но... комитеты комсомола продолжают присылать людей, не умеющих ничего делать, присылают по своим путевкам и тех, кто давным-давно из комсомольского возраста выбыл.

Немалая часть дня и у Тенгиза и у его заместителей Алексея Хмелева и Юрия Шишмакова уходит на крайне неблагоприятную работу: пристраивать к делу людей, которых ни одна организация брать не хочет, где-то выбивать им жилье. А что еще остается делать? Будь один-два таких — одолжили бы на обратную дорогу, но если идут десятками?..

Доставляют хлопоты и свои предприятия. Один из

многих случаев: трест «Уренгойпромстрой» «завербовал» в Одессе тринадцать рабочих, а когда те приехали — приняли на работу одного. Остальные пришли в штаб ЦК: устраивайте нас... И устраивают, исправляя чью-то безалаберность, бездумность. Но сколько времени и нервов это стоит, можно узнать, только побывав в штабе. Легкость, с которой выдают комсомольские путевки абсолютно неподготовленным людям во многих областях Украины, в Краснодарском крае, Молдавии, Чувашии, Туркмении (здесь особенно часто нарушается порядок выдачи путевок), в Уренгое оборачивается немалыми трудностями.

— Лучшая форма призыва — ударные отряды, — убежден Тенгиз. — Это даже хозяйственники поняли. В Уренгое сейчас работают пять Всесоюзных комсомольских отрядов, несколько республиканских. Пусть как отряды они растворяются в трестах, но люди-то остаются. Мы научились хорошо принимать отряды. Хорошо — по бытовым условиям. Есть другая проблема... Всесоюзный отряд имени Гагарина мы поселили в благоустроенном общежитии. Но «забыли» позаботиться о нормальном фронте работ. Отряд месяц поработал — два простоял. Фронт работ обеспечить — вот что главное! Но если б мы не занимались тем, что ты сейчас видел, может, и времени и сил у комсомола хватило бы на более серьезные проблемы?..

Проблемы... Их действительно много в молодом городе. Уренгой рос на глазах у сменовцев. Часто прилетая сюда, мы не то чтобы не видели многих трудностей, но все же были склонны считать их неизбежными болезнями роста. Главное — Уренгой рекордными темпами прокладывает трубопроводы, строит установки комплексной подготовки газа, увеличивает добычу топлива... На этом фоне многие проблемы города могли показаться быстро преходящими.

Тесен деревянный домик аэропорта? Так вот же рядом строится новый!

ЕРЖЖИ ТЕМПА...

Очереди на почте, в магазинах? Вот-вот введут в действие новые.

Остро не хватает жилья? Скоро придет железная дорога, наберут силы строительные тресты.

Но чем больше вырастал город, тем резче выпирали «острые углы». Гигант сбросил распашонку, а «детские болезни», похоже, переросли в хронические. В последний приезд это особенно почувствовалось.

...Встретил старого знакомого, Петра Землянку. У него приятные хлопоты — квартиру получил.

— Стал вещи складывать — кошмар! Вроде ничего и не было, а такая гора получилась. Вот иду в бригаду за подмогой.

— Значит, прижился в Уренгое прочно?

— Знаешь, мне теперь возвращаться на Землю было бы как-то страшновато... Привык я тут.

С Петром мы знакомы давно, еще с семьдесят восьмого, когда в Уренгой прибыл первый Всесоюзный отряд, а в его составе и боец Землянка. Сейчас работает плотником в комсомольско-молодежной бригаде Александра Тимохина.

— Он у нас два дня в неделю — Петр Сергеевич, смеется Тимохин, — в остальные просто Петя. — Пояснил: Председателем стройкома его выбрали, два дня дается ему на профсоюзную работу. Кстати, Петр Сергеевич, завтра одевайся теплее. — Так Тимохин всех предупреждает, кому на улице работать придется.

А пока повел меня Петр по этажам строящегося дома. На последнем, пятом этаже, шел монтаж панелей, а на четвертом уже работали плотники: двери подгоняли, косяки, плинтусы, окна.

— Плохо это, что монтажникам на пятки наступаем, — разъяснил Землянку. — Кончим этот дом, а потом два месяца будем стоять, задела никакого нет.

Мы шли из квартиры в квартиру, и Землянку показывал качество монтажа. Щели между панелями, в которые свободно проходила рука. Дверные проемы, будто не отлитые в пресс-формах, а выломанные

в стене. Кривые кирпичные перегородки... Брак монтажников исправляли вручную: ставили опалубку, заливали дыры бетоном.

Бригадир комсомольско-молодежной бригады монтажников Стас Лещука долго искать не пришлось: нас ведь разделял всего один этаж.

— Да что там говорить, — сказал Стас, — правильно обижаются на нас плотники. Детали мы получаем с Надымского ДСК. И в дороге их ломают и заведомый брак отгружают. Наши ребята были как-то по делам в Надыме, зашли в накопитель — ну, это вроде склада готовых деталей. Смотрят — на панелях крупными буквами написано: «Брак — Новый Уренгой». Для нас, значит, отобрать постарались... Еще ни одного дома мы не получили в комплекте. Вот для этого дома не поступило санкабин. Выкладывали их из кирпича, как сумели. Нет тонких внутренних перегородок — приходится ставить большую панель, а потом вырубать дверной проем с помощью отбойного молотка и кувалды. А это, сами понимаете, не лобзиком выпилить... В общем, подсчитано, что на этом доме у нас тридцать процентов дополнительных ручных работ. И на всех надымских домах на сорок процентов больше ручного труда, чем на домах ленинградской серии.

Поразительный факт: при всем этом «пятиэтажки» в Уренгое строятся, по утверждению бывалых бригадиров, раза в полтора быстрее, чем на Большой земле! За счет чего? Только за счет поистине самоотверженного труда строителей...

На «ленинградских» домах порядка больше. Дома поступают из Ленинграда в комплекте, и качество их значительно выше. Но и здесь общая для всего Уренгое проблема. С начальником участка Александром Дзюбиным мы не без труда пробрались через глубокую траншею, опоясывающую дом.

— Видите, дом под крышу подводим, а дорожно-строительное управление еще только траншеи под инженерные сети роет. Вспомните тут на одном пятачке, мешаем друг другу... Вчера их трактор наш «Урал» сломал. Прокладывали свои трассы — разворотили нам подкрановые пути. Если строить по уму, то все это надо делать заранее.

Тут Дзюбин посмотрел на часы и спохватился:

— Пора бежать на совещание.

— По какому поводу совещание?

— Да вот хотят единственный въезд на стройку перерубить. Окажемся как на острове. А как тогда панелевозы на площадку попадут? По воздуху?

Дзюбин ушел, а я остался наверху строящегося дома. Было о чем задуматься... Отсюда открывался красивый вид на новый, большой микрорайон пяти- и девятиэтажных домов, выросший за какие-то два-три года. Где-то вдалеке бульдозеры «вели наступление» на вагон-городок. (Только за два месяца из временок было переселено в благоустроенные квартиры более ста семей.) Но трудно, ох, как трудно дается каждый метр жилья. Что это — объективные, неизбежные трудности или результат недалекости, нераспорядительности?

Хотя Эдуард Григорьевич Бегляров и говорил, что железная дорога здорово выручает, что строить стали ритмичней, но настроение у него было не вполне оптимистичное.

— Сейчас у нас полностью готовы несколько коробов жилых домов — примерно 25 тысяч квадратных метров. Но сдать их и заселить не можем: там еще не подведены инженерные сети — тепло, вода. Отстают и дороги... В этом году мы исчерпываем все резервы южной части города по жилью: строить здесь больше негде. Надо начинать осваивать северную часть — там идеальная площадка для строительства. Но сначала надо провести туда дороги, водопровод, построить мост через речку, котельную. Причем делать это уже сейчас, чтобы в следующем году мы смогли начать освоение северной части. Но и здесь «Главуренгойгазстрой» задерживается. Нужно ввести дополнительные мощности, силы. Иначе всем нам придется очень трудно.

...Подсчитывал ли кто, во что обходятся временные решения?

С нетерпением ждали, когда построят новый аэропорт. Но уже в день открытия стало ясно, что новые «воздушные ворота» не более чем распашонка на гиганте. С телевизором, но без водопровода, канализации, с единственной стойкой регистрации. Когда северная непогода отменяет все вылеты-прилеты, ожидание в порту превращается для пассажиров в сущее мучение. В тесном зальчике не то что сесть — встать негде. Поверьте — на себе испытано...

Почта получила новое помещение в общественном центре — тесное, грязноватое.

Открылись новые магазины, «отобрав» немало квартир в жилых домах...

Нет, мы не хотим представить, будто все так уж плохо.

За последний год вступило в строй подсобное хозяйство, вышел на проектную мощность молокозавод, да и новоселий стало больше. Но быт новоуренгойцев еще достаточно неуютен: все-таки гражданское строительство намного отстало от промышленного.

В прошлом году на газовом месторождении впервые было построено четыре установки комплексной подготовки газа (обычно строили одну-две в год). Это стало возможным благодаря внедрению блочного метода строительства.

Так почему же в самом городе по-прежнему растрачиваются силы и средства на временяки, не ищутся кардинальные инженерные решения?

Геннадий Дмитриевич Олейник много лет работал в Нефтеюганске; а недавно избран первым секретарем Новоуренгойского горкома партии. И разговор наш, естественно, начался с вопроса: были ли схожие проблемы в Нефтеюганске?

— Были, но не в такой острой степени. Ведь Нефтеюганск не развивался такими быстрыми темпами. Давайте сравним. В Нефтеюганске число жителей выросло до 70 тысяч за шестнадцать лет. В Уренгое же за три года — в том и другом случае я имею в виду рост с момента предоставления статуса городов — стало 50 тысяч. То есть Уренгой растет втрое быстрее.

— Но, наверное, не только в этом причина?

— Нет, конечно... Мало и плохо мы строим. Организация труда на стройках не выдерживает никакой критики. Да и других проблем хватает. Дело в том, что возникающие вопросы надо решать своевременно. Когда их накапливаются десятки, решать становится очень трудно.

— С чего же планируете начать?

— Нельзя хвататься за все подряд. Нужно сконцентрировать силы на неотложных задачах, определить приоритеты, исходя из социальной значимости проблем, и решать их по очереди. Если конкретно, могу назвать пять первоочередных задач.

Первая: разгрузить школы. Только за полгода в городе прибавилось шестьсот учащихся. Школы работают в две смены, на пределе. Кроме строящейся сейчас школы, надо ввести еще одну.

Вторая: здравоохранение. Я вчера был в больнице. Она рассчитана на 130 мест, лежат там триста больных. По углам, в коридорах...

Третья: узел связи. Город должен иметь нормальную связь со страной.

Четвертая: общественный транспорт. Вы, наверное, сами уже знаете, что рейсовые автобусы ходят плохо, нерегулярно.

Пятая: аэропорт...

— Геннадий Дмитриевич, признаться, ожидал, что вы сначала назовете проблему жилья.

— Конечно, и дома будем строить, но надо понять, что и инфраструктура города важна не меньше. Город — как человеческий организм. Заболит в одном месте — и общее самочувствие ухудшается. Так что сейчас мы определяемся: где еще можем перетерпеть, подождать, а где необходимо безотлагательные меры. Думаю, многие проблемы мы в состоянии решить своими силами.

...Удастся ли штабу ЦК в Уренгое сделать стройку комсомольского дома образцовой? Показать, как можно и должно строить на Севере — грамотно, качественно, экономно? Строить не только дома — магазины, поликлиники, школы... Гигант на Севере стал взрослым, и пора уже ему избавляться от «болезней роста»... Но ясно и то, что молодому городу только собственными силами не справиться с многочисленными трудностями. Казалось бы, общая обстановка благоприятствует строителям — нет, к примеру, ведомственной неразберихи: здесь есть единый заказчик — объединение «Уренгойгаздобыча» Мингазпрома СССР. Подрядчиков, правда, два — главки «Главуренгойгазстрой» и «Главзапжилстрой», но все же оба они относятся к одному ведомству — Миннефтегазстрою СССР. К нему мы и должны обратиться главный вопрос: почему обострились проблемы Новоуренгой и что будет сделано для их решения?

ПУБЛИКАЦИИ «СМЕНЫ» ОБ УРЕНГОЕ:

«ДВА УРЕНГОЯ»,

№ 1—81 г.,

«ЧТО НОВОГО В УРЕНГОЕ»,

№ 10—82 г.,

«И ТОГДА МИР

УСЛЫШАЛ: УРЕНГОЙ!»,

№ 21—82 г.

И

как же она обрадовалась, когда на следующий день позвонил Алексей! Ей так хотелось поговорить хоть с кем-нибудь откровенно. Но с кем?

- Ты счастлив?—спросила она.— Счастлив, что женат?
- Ого, какие вопросы интересуют нашу невесту,—усмехнулся Алексей.— Брось о счастье думать, детка. Счастье—это миф. Лучше расскажи, как жизнь молодая, что новенького на горизонте?
- Ты можешь быть серьезным?

- Нет.
- Да ну тебя! Неужели всегда только и треплешься языком?
- Детка, мужчина разговаривает с женщиной только для того, чтобы скрыть свои намерения.
- И ты?
- И я.
- А зачем?
- В этом-то и весь секрет. Секреты, между прочим, просто так не разглашаются.
- Знаешь, мне почему-то хочется взглянуть на твою жену. И на твоего сына.

Счастливы они?

- Конечно. Только они не понимают этого.
- Почему?
- Жена, например, пилит меня, что мало денег зарабатываю. Это, во-первых. Во-вторых, что не учусь дальше. В-третьих, что у меня безалаберный характер. В-четвертых... Ну, и так далее...
- А сын?
- Сын Алик дуется, что я не купил ему пневматический пистолет.
- Ну, это ерунда...
- Для тебя. А для него, глупца,—целая трагедия. Нет, не понимают они своего счастья. Жить. Просто жить. Вот счастье.
- Амебы тоже живут.
- Амебы, детка, не сознают, что живут. А твой лучший друг Алексей сознает. И он счастлив! Запомни это, Алёнка! Ведь ты невеста, скоро будешь вить семейное гнездо...
- Я хочу увидеть тебя.
- Seriously?
- Я хочу понять, какой ты. Ты такой в телефонных разговорах или ты вообще такой?
- Я вообще такой. Ей-богу.
- Я хочу сама убедиться. Какой ты? Мне нужно увидеть тебя.
- Да я же буду приставать к тебе.
- Как это?
- Ну, ты что, маленькая? Я мужчина, ты женщина, встретимся—начну приставать.
- Зачем?
- Как зачем? Закон жизни. Как говорится, зов природы.
- Нет, я так не могу,—сказала Алена.
- И я не могу. Между прочим, скажу тебе откровенно: не люблю я с вашим братом возиться.
- С кем это?
- Ну, ты же невеста. Девушка небось. То да се... Это такая морока—не приведи господь.
- Ты что, боишься влюбиться в меня?

Алексей от души рассмеялся:

- Влюбиться? Да я просто боюсь тебя!
- Боишься меня? А сам смеешься,—не поняла Алена.—Странный ты какой-то...

Невозможно с тобой разговаривать всерьез.

- А ты представь себе меч. Представляешь?
- Меч? Странно... Ну, представила.
- И представь, что этот меч между нами. Между мной и тобой. Разве можем мы встретиться?
- Ничего не поняла...
- Ты хоть десять-то классов окончила?
- Я тебе дурой кажусь, да?
- Не дурой, а, мягко скажем, непросвещенной.
- Я хочу увидеть тебя. Мне нужно. Неужели ты не понимаешь?
- Да ты же невеста. Скажи спасибо, что я, а не кто-нибудь другой оказался на моем месте.
- Мне нужно поговорить с тобой...
- Ты что, глупая? Я же сказал: у меня принцип—с девушками я не встречаюсь.

Между нами меч, понимаешь? Меч, между прочим, жизни рушит.

- А если бы я была женщиной?
- Слушай, ты мне всегда казалась нормальной. Вполне, так сказать. Ты не с приветом случайно?
- Испугался?
- Честно скажу: женщин с приветом я остерегаюсь.
- Господи, глупый...—вздохнула Алена.—Просто плохо мне. Понимаешь? У меня же ни одной родной души на свете...
- Нет, раньше ты мне определенно больше нравилась... Может, тебя жених наказывает ремнем? Так ты скажи, я с ним разберусь по общественной линии. Как слесарь-сантехник при домоуправлении Министерства иностранных дел.
- Опять ты за свое...
- А что? Женихи—народ свирепый. С ними надо ухо держать востро.
- Ты мне позвонишь? Или я тебя уже насмерть налугала?
- Насмерть меня напугает только смерть. В крайнем случае бабушка, вставшая из гроба. На худой конец—стая волков...
- Алексей... я хотела тебя спросить... А я не могу тебе позвонить?
- Э, нет, детка, исключено. Я о счастье семейным беспокоюсь. О душевном покое.
- Пожалуйста, позвони мне. Позвонишь?
- Позвоню. Конечно. О чем разговор.
- Опять ты смеешься. Дай слово, что позвонишь. Ну?
- Даю честное-пречестное слово пионера—позвоню.
- Ну, хорошо, я тебе верю... Смотри не обмани!

Вечером вместе с Петром Алена поехала в ресторан «Прага»—посмотреть банкетный зал, где будет проходить свадьба. Зал им понравился, самое главное—он понравился Алене. Она никогда раньше не была в «Праге», и его тяжелые старинные залы, резные подсвечники, ворсистые ковры, особый дух торжественности и избранности произвели на Алену впечатление. Алена с благодарностью взглянула на Петра: все же он молодец, что решил устроить свадьбу именно здесь, он как бы заранее угадал, что Алене должно тут понравиться... Неужели он может

угадывать ее прихоти и желания, о которых она сама имеет смутное представление? В первый раз она подумала о его любви к ней не с раздражением, а с благодарным удивлением и даже некоторой завистью.

- Давай поужинаем здесь?—предложил Петр.— Посидим, осмотримся. Представим, как у нас тут будет все скоро...
- А можно?
- А почему нет? Ресторан открыт, зал работает.

Они сели за столик не рядом с пальмами, а в самом углу, чтобы был побольше угол обзора. Алена чувствовала в себе некоторую взволнованность, что-то неясное, тревожное бродило в ней, и она бы сама не могла сказать, что именно, какие именно это были чувства—радости или напряжения, сумбурные ожидания непонятно чего или просто душевная смута...

- Угости меня, пожалуйста, шампанским,—попросила Алена.
- О, шампанского сколько душа пожелает!—обрадовался Петр. Он видел, что с ней что-то происходит, глаза ее сияли, и хотя сияние это было лихорадочным, а взгляд—рассеянным, он радовался. Алена словно пробудилась от спячки, и это было так непохоже на нее за последнее время, когда она бывала вместе.

От шампанского она начала тихонько смеяться. Возьмет бокал, посмотрит сквозь него на свет, сотни пузырьков трепетно полыхают в пенящемся огне шампанского, сделает два-три глотка, снова смотрит, а потом начинает смеяться—легко, весело, но со странным надрывом, который нет-нет да и прорвется сквозь смех...

В этот вечер Алена выпила шампанского несколько бокалов. Никогда прежде она не выпивала столько.

- А где ты меня посадишь? Где я буду сидеть? Вон там?—Она показывала рукой за перильца площадки, которая несколько возвышалась над залом. Там же, на площадке, стояли и пальмы.
- Если хочешь, конечно. Поставим там длинный стол, а потом...
- Погоди. Я буду сидеть там, хорошо? Я буду в белом-белом платье. А мне можно заплакать?
- Раньше даже обьчай был—невеста всегда плакала.
- Правда? А почему она плакала?
- Ну, прощалась с юностью. С родителями. С матерью. С беззаботной жизнью.
- Вот и я буду прощаться... Я заплачу—ты не обидишься? Не подумаешь, что я дура? Что я маленькая? Все меня считают глупой. Маленькой. И ты.
- Я? Нет. Ты взрослая. И умная. И я люблю тебя.
- Неужели ты в самом деле любишь меня?
- Ты сомневаешься?

Георгий БАЖЕНОВ

ТЕЛЕ

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

- Ах, Петр, Петр... Не пойму я, никак не пойму, что это такое—любовь?.. Только молчи, не говори мне ничего... про родство там, еще про что-нибудь... не надо... Я не понимаю, не понимаю, что такое любовь.
- Поймешь.
- Ты думаешь?
- Уверен. Любовь одного переливается в другого, от другого—в третьего. И так вечно. Вечная цепь любви.
- Ух ты, Петруша, матрос ты мой, поэт и философ, как ты красиво говоришь! Прямо заслушаться можно...

Он не обращал внимания на иронию и насмешливость тона, она просто оборонялась, хотя сама не знала от чего. Какая-то преграда ощущалась в ней самой, внутри, которую она не могла преодолеть, и вот наступала на других... Или оборонялась? И то и другое вместе.

- Может, хватит на сегодня шампанского?—осторожно спросил он.
- Шампанского? Конечно, хватит. Хотя нет. Почему бы нам не погулять сегодня? Ты что? Ты против?
- Я не против. Просто тебе плохо будет.
- А может, я хочу, чтобы мне плохо было? Хотя вру. Ничего мне не хочется. Ты можешь меня покатавать на такси?
- Конечно.
- А почему ты меня редко приглашаешь к себе? Ты меня боишься, да?

Петр удивленно рассмеялся:

- Тебя? Боюсь? Да ты что, глупенькая!.. Просто неудобно там. Голо. Вот приедем в Мурманск, в мою родную, однокомнатную... Вот там заживем...
- Ты что, в самом деле уверен, что в Мурманске нам будет хорошо? А вдруг я задохнусь от тоски?
- От тоски люди задыхаются здесь. А там—никогда.
- Почему это?
- Да там жизнь, понимаешь? Некогда скучать и ныть. Жизнь и работа. Там совсем другое дело.
- Тебя послушать—там прямо рай небесный. На самом деле все так же, как здесь. Я уверена. И жизнь и люди везде одинаковы. Планета-то одна—Земля.
- Что спорить? Приедем—посмотрим. Ты еще сама будешь смеяться над своей уверенностью...

Когда они сели в такси и помчались по вечерней Москве, Алену быстро укачало, и, склонившись на плечо Петра, она тихо задремала. Петр сидел не шелохнувшись, боясь неосторожным движением потревожить сон Алены. В эти секунды он испытывал к ней ни с чем не сравнимую нежность и готов был сделать для нее все что угодно, лишь бы была нужна в его жертвенности...

- Я хочу к тебе,—сквозь дрему пробормотала Алена, когда машину несколько встряхнуло на одном из поворотов.
- Мы едем ко мне,—успокоил Петр.

И она опять спала на его плече, а он сидел не шевелясь, в неудобной для себя позе, только бы ей было хорошо и спокойно.

Когда приехали, Алена первым делом пошла в ванную—ей и в самом деле стало плохо, как и предсказал Петр. Она долго лежала в горячей воде, иногда, правда, вставала, окатывала себя холодным, чуть не ледяным душем, а потом снова ныряла в ванну—после душа ощущение от горячей воды было такое—кипяток. Лежала, полускрыв глаза, почти дремала, трезился что-то хорошее, южное, томно-жаркое... У Петра был прекрасный шведский шампунь (вообще нужно сказать, что разных шампуней, лосьонов, пахучих одеколонов и всевозможных кремов в ванной было больше чем достаточно). Алена долго, с наслаждением мыла голову шампунем, он пах нежной хвоей, и от него—вот странно—веяло даже прохладой.

Рисунок
Олега ВУКОЛОВА

ФОННЫЙ РОМАН

Алена ныряла с головой в ванну, раскрасневшаяся, распаренная, умиротворенная, потом выныривала, весело отфыркивалась, брала в руки изящный по форме—в виде индийского кувшина—флакон, поливала на голову густую искрящуюся зелень шампуня, и вскоре все ее розовое тело скрывалось в пенистой изумрудной массе, и Алена смеялась тихим счастливым смехом...

Из ванной она вышла ослабевшая, с горящими розовостью щеками, с повязанной на голове голубой косынкой; поверх рубашки надела длинный, до пола, махровый халат Петра—мягкий, удобный; закуталась в него, как в тогу, стояла перед Петром, улыбалась.

— С легким паром!—сказал он и осторожно приобнял Алену.
— Спасибо.
— А я кофе сварил.
— Ох, лучше бы чаю...—Она в изнеможении опустилась на диван, прикрыла глаза; на лбу у нее и на подбородке поблескивали росинки влаги.
— У меня индийский есть. Сейчас вмиг заварим,—успокоил Петр.
— Не знаю почему,—сказала она, открыв глаза и улынувшись Петру,—но я чай больше люблю. Особенно после ванны. Хочется пить долго, много... Никуда не спешить, ни о чем не думать, просто сидеть, пить, наслаждаться...
— Сейчас, сейчас...

Петр заколдовал на кухне над газовой плитой, а Алена, томным движением руки потянувшись к магнитофону, нажала на черную блестящую клавишу. Запел Элвис Пресли. Все пластинки, несметное число которых Петр подарил Алене, были у него переписаны на магнитофон, так что и здесь, у Петра, и там дома, у Алены, звучала одна и та же музыка, Алене это нравилось, нравилось и Петру,—музыка была тем первым, о чем они заговорили тогда, три года назад, когда познакомились в Парке культуры и отдыха.

Слушая музыку, наслаждаясь покоем, теплом и уютом глубокого мягкого дивана (о, эти глубокие старинные диваны!), Алена пододвинула к себе телефон, набрала номер.

— Мама, добрый вечер. Ты одна?
— Нет, с папой. А что такое? Ты где?
— Я у Петра. Передай, пожалуйста, папе, сегодня я останусь здесь.
— Да, но...
— Понимаешь, я очень устала. Только что помылась в ванной. Не ехать же домой на ночь глядя. С мокрой головой. По всему городу...
— Конечно, конечно, но...
— У меня все хорошо. Не беспокойтесь.
— Алена, извини, с тобой хочет поговорить папа...
— Ну, что еще?
— Добрый вечер, дочка. Что случилось?
— Ничего не случилось. Мы ездили с Петром в «Прагу», смотрели зал, где будет наша свадьба. Потом заехали к нему. Я очень устала, помылась у Петра. Сижу вот мокрая, в халате, сейчас будем пить чай... Я останусь сегодня здесь.
— Конечно, конечно. О чем разговор. Правильно сделала, что позвонила.
— Ну, до свидания, да?—спросила Алена.
— Как там Петр? Ты не можешь позвать его к телефону?
— Он занят, готовит на кухне ужин.
— Та-ак... Ну хорошо. Тогда передай Петру: я ему верю, как сыну.
— К чему такой высокий слог?
— Я тебя прошу—передай.
— Хорошо, передам.
— Вообще-то ты могла и домой приехать.
— Распаренная? С мокрой головой? Чтоб простыть и слечь?

— Можно было и дома помыться...
— Папа, в конце концов я выхожу замуж или готовлюсь в монастырь?
— Не груби, не груби отцу. Молода еще! Позови-ка лучше Петра.
— Говорю тебе, он занят.
— Та-ак... Ну что ж. Не забудь передать ему: я верю в него, как в сына.
— Передам. До свидания!

Из кухни с подносом в руках вышел Петр. Легким парком дымился фарфоровый заварной чайник. На блюдах с золотой каймой две тонкие, почти прозрачные, тоже фарфоровые чашки. Сахарница с витой дужкой. Серебряные ложечки. Тонко порезанный хлеб. Ломтики сервелата. Все изящно, со вкусом.

Поднос Петр поставил на круглый стол, который стоял перед диваном. И стол, и диван, и массивный платяной шкаф, и громоздкий, неуклюжий буфет—все, конечно, дисгармонировало с сервировкой подноса, однако в этом была и своя прелесть. Прелесть в смешении вкусов и стилей.

— Кому это ты звонила?—спросил Петр, ставя перед Аленой чашку с блюдцем.
— Родителям. Тебе, кстати, большой привет от них.
— Спасибо.
— Папа велел передать, он верит в тебя, как в сына.
— Еще раз спасибо.

Алена говорила несколько насмешливо, а Петр отвечал вполне серьезно.
— Между прочим, я сказала им, что сегодня остаюсь у тебя.

Петр внимательно посмотрел на Алену.
— Ты хочешь остаться у меня?
— А что, разве нельзя?
— Нет, почему. Конечно, можно, но... Ты ведь никогда раньше не оставалась.
— А сегодня останусь.
— Да, но Григорий Александрович... Людмила Ивановна...
— Григорий Александрович верит тебе, как сыну. Это тебя успокаивает?
— Не пойму, ты шутишь или серьезно?
— Господи, я устала. Я помылась. Я хочу чаю. Ну что еще нужно сделать, чтобы мне перестали задавать idiotские вопросы?
— Ну, хорошо, хорошо, не злись... Тебе покрепче?
— Да. Самого крепкого.

Когда он разливал чай, она воскликнула:
— Как вкусно пахнет! Какой аромат, боже!
Петр улыбнулся:
— Знаешь, где я научился заваривать чай? В Индии.
— А-а, в той стране, где ты засматривался на женщин?
— Не засматривался. Любовался.

Вскоре, несмотря на круто заваренный чай, Алена начала клевать носом. Петру это показалось очень трогательным. Только что смеялась, столько чаю крепкого выпила—и надо же, засыпает прямо за столом.

— Ты пересядь вот сюда, на стул. А я пока на диване постелю...
Она кивнула; с полузакрытыми глазами пересела на стул, при этом толкнула стол, так что чашки едва не скатились на пол; если б Петр их вовремя не поддержал, быть бы фарфору мелкими осколками (изысканную эту посуду Петр возил с собой)...
— Ложись.

Не раздеваясь, в халате Алена юркнула под одеяло, натянула его до подбородка и, казалось, тотчас уснула.

Петр включил торшер, выключил большой свет и некоторое время просто сидел на стуле, смотрел на Алену, чуть-чуть улыбаясь краешками губ. Потом отнес посуду на кухню, осторожно, чтоб особенно не шуметь водой, помыл ее, разложил в сушилке над мойкой. Не забыл взять тряпку, сходить в комнату и протереть стол. Что еще?

В коридоре, напротив входной двери, хозяйка квартиры сделали когда-то небольшую антресоль. Среди многих вещей там хранилась и раскладушка. Умывшись, почистив на ночь зубы, Петр осторожно высвободил раскладушку из антресоли и, стараясь не скрипеть пружинами и не бряцать крючками, начал устанавливать раскладушку. Причем не в комнате, а на кухне.

— Ты что там?—пробормотала Алена.
— Спи, спи...—успокоил ее Петр.
— Ты хочешь на раскладушке?—Она приподнялась на диване.
— Да, да. Спи...—прошептал он, продолжая устраивать себе постель.
— Я так не хочу,—сказала Алена.—Я же приехала к тебе, а ты... Подожди ко мне. Он какое-то время колебался, потом подошел.
— Сядь рядом,—сказала она.
Он сел. Она протянула к нему руку:
— Знаешь, я ничего не знаю... Я не понимаю ничего... Но почему ты не хочешь со мной? Наверное, это очень глупо со стороны...
— Но ведь мы еще...
— Если ты не будешь со мной, я тебя возненавижу. Ведь я осталась у тебя... Все решено.
— Алена, скоро свадьба. Зачем нам...
— Вот именно—скоро свадьба. Какая разница... Ведь ты же не сбежишь никуда?
— Ну что ты...
— Ну вот видишь.
— Но твои родители... Они верят мне.
— Как они узнают?
— Я так не могу. Ты потом поймешь все.
— В конце концов это просто оскорбительно...
— Глупая. Наоборот.
— Тогда я сейчас уеду. Да, да! Вызови мне такси. Я уеду!
— Ну, к чему эти глупости?..
— Да пойми ты! Я ничего не знаю в этих вещах... Но просто-то ты можешь побыть со мной? Мне страшно.
— Просто у нас не получится.
— Ты холодный, безжалостный индюк! Хотя бы пожалел меня. Сидишь тут... Мне страшно! Я что, не такая какая-нибудь?
— Ты лучше всех!
— Ты просто успокаиваешь меня.
— Зачем? Я люблю тебя! Ты самая лучшая. Самая любимая...

...Потом, когда она уснула, Петр долго лежал рядом, не в силах побороть в себе страшную тоску, которая неожиданно навалилась на него. Пять лет назад бросивший курить, он ощутил непереносимое жжение в груди, изнуряющую сухость во рту—так сильно хотелось закурить. Какого-нибудь самосада бы сейчас, покрепче, хотя бы одну затяжку... Он не понимал, что с ним такое. А тоска давила и давила сердце, она была сродни ощущению, когда редко-редко, но все-таки наваливалась бездонная мысль: вот я умру когда-нибудь, и меня никогда, никогда, никогда не будет... И когда мысль хотела пробраться в это «никогда», постичь его, хватить разом, вот тогда и обливалась душа сильнейшей, ни с чем не сравнимой тоской—дыхание схватывало... И вот сейчас опять... Но почему же сейчас?.. Он лежал, боясь сделать малейшее движение, чтобы не разбудить Алену, и в то же время все существо его было за тысячу миль отсюда, душа и мысли улетели далеко, и даль эта устрасала, напоминала бездну, в которую придется-таки провалиться, но как же так... почему... за что... и неужели никогда больше... Никогда!

Он ничего не понимал в себе. И когда стало совсем невмоготу, он не встал, а как бы скатился с дивана, сделав полный оборот, спружинил на руках на коврик, который лежал у дивана, и, не просто боясь, а страшась, как бы Алена в самом деле не проснулась, тихо-тихо подкрался к стулу, где лежала его одежда, натянул брюки, майку, рубашку, а потом на цыпочках, босой прокрался на кухню. Там, в шкафу, в дальнем углу, среди иностранных сигарет он хранил на всякий случай обыкновенную пачку «Примы», которую не просто курил когда-то, а обожествлял. За крепость. За простоту. За то, что пробирала до самых печенок: уж жгла нутро, так жгла—без дураков.

Подержал пачку в руках. Распечатал. Достал сигарету. Сунул в рот. Ну что? Ну и черт с ним! Чиркнул спичкой...

Такое же состояние, помнится, охватило его однажды на танкере. Вышли из Бомбея в открытые воды—сначала в Аравийское море, затем в Индийский океан... Тогда Петр очнулся среди ночи в каюте со странной тоской в груди, тоска давила, душила, даже дышалось трудно. До утренней вахты оставалось часа четыре, но Петр не мог больше спать, вышел из каюты в надежде сбросить с себя наваждение. Ночная гладь океана была устраслающая; горячие крупные звезды, перевернутый, опрокинутый ковш Большой Медведицы, ни шороха, ни всплеска в округе многих миль, пустынная, крошечная тьма и дыхание бездонного, безграничного океана. Петру стало страшно, хотя он мало чего боялся в жизни, во всяком случае, моря не боялся никогда. Ему стало страшно не чего-то, а вообще страшно,—почувствовал себя маленькой, затерянной песчинкой в безмерном мире, в крошечной тьме, в бесконечности времени и пространства. Он вернулся в каюту, закрыл дверь на запор, хотя закрываться на танкере обычно не принято—мало ли что может случиться,—закурил, как всегда, крепкую «Приму» и начал метаться по каюте из угла в угол. Обостренным чутьем он как бы улавливал в воздухе какую-то тревожность, даже трагичность, которая в эти минуты совершается в жизни—в его личной жизни, а не в жизни всеобщей, тоска гнула его, корежила душу, но понять или осознать нельзя было ничего.

От тоски этой он в ту ночь чуть с ума не сошел. И только позже, когда пришвартовались в родном Мурманске, он кое-что понял в своих муках.

В ту ночь, когда душила его тоска,—он высчитал это,—именно в ту ночь ушла от него жена. Она не просто ушла, а ушла к лучшему его другу—Коляне. И его и ее он навсегда выгел из своей жизни, но что от этого изменилось? Предательство осталось предательством.

Неужели есть сила в мире, какая-то стихия в пространстве, которая пронзила огромное пространство, втекла в жилы Петра, встряхнула его, навалилась тоской, подняла с кровати, заставила бродить по ночной палубе танкера, садить сигарету за сигаретой?!

Что это было такое? Что подняло его тогда, что толкнуло его в те минуты в каюту?

Вот и теперь Петр мерил шагами кухню, дымил «Примой», играл желваками, и душила его похожая тоска. Но как же так? Откуда сейчас-то эта тоска? Отчего? Ну, тогда—ладно, было предательство, предали, растоптали, в самое сердце ударили, а теперь-то? Теперь-то в чем дело?

Петр ничего не понимал. Может быть, сегодня, сейчас не кто-то иной, а он сам совершил предательство? Но какое? Алена его невеста, совсем скоро станет женой, он знал твердо—никогда

не бросит ее, тем более теперь, когда она так наивно, хотя и достаточно настойчиво (он слегка улыбнулся) доверилась ему (вот странно-то),—да разве он посмеет после этого сделать что-нибудь плохое по отношению к Алене?! Да никогда в жизни!

И тем не менее—тоска. Такая тоска...

И что-то не то... Не то...

Он пытался разобраться в себе, определить первопричину, докопаться до сути... Ну да, конечно, была, была в нем мечта—заветная мечта!—хоть для одного человека в жизни оказаться святым! Он думал—все и все погрязли в грехе, жизнь заполнена ложью, предательством, лицемерием, и ему хотелось хотя бы раз, хотя бы однажды в жизни оказаться для другого человека непорочным, чистым. Была у него жена, но на Алену—за все три года знакомства—он никогда не посягал, не приставал к ней, если уж говорить на языке мужчин. И не потому, что она не нравилась ему, не потому, что не было желания—и нравилась, и желание было,—но просто хотел хоть одного человека ни в чем не разочаровывать и ни в чем не разубеждать. Пусть она знает, что есть на белом свете и такие мужчины, как Петр,—честные и бескорыстные, есть правда, есть любовь, нежность, забота, многотерпение, и тогда наверняка она ответит ему тем же; воспитание не в словах, а в поступках, в действии, и он знал, что пока не совершил ни одного неправильного шага по отношению к Алене,—разве это не зачтется ему? Не зачтется в будущей семейной жизни? Разве счастье—это не плод двоих? Разве это не усилие? Разве не кропотливая работа души?

Но откуда же тогда сегодняшняя тоска? Отчего?

Ведь такая же, точно такая, как тогда, на танкере... крошечная ночь, горячие звезды, устраслающее молчание океана... Какая была тогда тоска!

Неужто и сегодня свершилось какое-нибудь предательство? Через два дня позвонил Алексей.

— Я уж думала, вдруг не позвонишь...—с некоторым упреком в голосе попеняла Алена.—Неужто ты такой занятой, что даже пять минут не можешь для меня выделить?

— Для тебя нужна вся жизнь. А что такое пять минут?

— Ой, не болтай! Знаю я тебя... Все-таки, ей-богу, ты не похож по разговору на простого сантехника из домоуправления.

— Сантехник—это для отвода глаз. Я же говорил тебе: по натуре я художник, в душе артист, а в жизни слесарь. Всего-навсего.

— Если бы ты знал, как мне хочется взглянуть на тебя. Хотя бы краешком глаза.

— Я же тебе говорил: приставать буду.

— Ну и что?

— Как что?—удивился Алексей.—Я знаю, какой горячий мужик? Меня можно в печь вместо дров класть—моментально вспыхиваю.

— Ой, испугал!..

— И вообще запомни—у нас с тобой роман телефонный. Я на тебе остроумие оттачиваю. Ум упражняю...

— Значит, я для тебя что-то вроде подопытного кролика?

— Что-то вроде.

— Да, вежливостью ты не отличаешься.

— Какой есть.

— Ну скажи хотя бы, выходить мне замуж?

— Выходить. Обязательно. Лично тебе—пора. А то ты вон как на незнакомых мужиков бросаешься.

— А зачем выходить?

— Станешь женщиной—поймешь.

— Ой, женщиной! Ну и что в этом хорошего? Я уже женщина—дальше что?

— Врешь ведь?

— Если хочешь знать, я и женщиной-то стала из-за тебя.

— Ну, ты мне эти дела не шей,—строго, но шутивным тоном проговорил Алексей.

— Я серьезно.

— Слушай, ты потом и рожать станешь. Опять я виноват буду?

— Ты!

— Да ты что?! Ты эти фокусы брось, детка!

— А помнишь, ты мне говорил: у тебя принцип.

— У меня много принципов. О каком именно речь?

— Ты сказал: у меня принцип—с девушками не встречаться.

— Да, есть такой принцип.

— Ну вот. Я и решила: все равно скоро свадьба, бояться нечего. Я ночевала у жениха.

— Поздравляю. Но что из этого?

— Как что, глупый? Теперь ты можешь встретиться со мной.

— В каком смысле?

— В любом. Теперь ты можешь не бояться меня.

— Я тебя и так никогда не боялся.

— А ты говорил: боишься. Твои слова: «Не люблю я с вашим братом возиться. Это такая морочка—не приведи господь...»

— Слушай, ты как прокурор... Твои слова, ваши слова, наши слова... Ты их на магнитофон, что ли, записываешь?

— Да ты пойми: мне ничего не нужно от тебя. Просто хочу увидеть тебя. Посмотреть, какой ты.

— Нет, ты определенно с приветом. Я этого не учел. Да какой я? Как все. Как тысячи других.

что-то—все, проехали. Вернуться вспять нельзя. Отрезано. Жизнь—это штука единственных поступков, на века.

— Алеша, глупый... как ты не поймешь, я хочу увидеть тебя. Я о-очень хочу увидеть тебя.

— Как ты себе это представляешь? Ну, нашу встречу?

— Да как... просто увидеться—и все.

— Ну, где—на улице, в метро, на вокзале, у памятника, под часами? Я, знаешь, что-то отвык последнее время по подворотням прятаться...

— Алеша, у меня есть идея.

— Так, померкни солнце, замри пространство!

— Мы можем встретиться у моего жениха.

— О, боже! Сколько раундов меня ожидает? Семнадцать? По три минуты каждый? Или, может, по пять?

— Каких раундов?

— Ну, он же бить меня будет. Твой жених. Учить жизни. Семнадцать раундов по три минуты—почти час сплошных ударов молотом. Кстати, я слесарь, а не профессиональный боксер.

— Но его же там не будет. Ты что?!

— Спасибо. Ты заблаговременно отравил его ядом порзы.

— Зачем? Я просто скажу ему, чтоб он приехал сюда.

— Куда?

— К родителям. А сама поеду к нему. У меня есть ключи от его квартиры.

— Все, вербуй тебя в свою систему. Из тебя выйдет отличный агент. Кстати, если жених неожиданно вернется, куда ты меня прятать будешь?

— Да он никогда не вернется. Если я ему скажу: жди меня дома—он будет ждать, что бы ни случилось. Он верит мне, понимаешь?

— Тебе не жаль его? Не жаль разрушать его веру?

— А что я такого делаю?

— Ну, конечно, в наше время обманывать мужчину—это просто хороший тон.

— Да ни в чем я его не обманываю. Просто встречусь—и все.

— И не боишься, что я буду приставать?

— Не боюсь. Чего мне теперь бояться?

— Да я же страшный, как тигр. У меня вместо рук—когтистые лапы, а сзади хвост. Три метра длиной...

— Опять ты за свое. Я с тобой серьезно...

— Слушай, а ты не можешь устроить так, чтобы я сначала с женихом познакомился? А потом уж с тобой?

— Зачем он тебе? Чудак, право.

— Он мне нравится.

— Ой, не смей!

— Честное слово. Я хочу дружить с ним. Я хочу быть ему самым верным другом.

Псом собачьим. Я буду служить ему, так он мне нравится.

— А хочешь, я тебя на свадьбу приглашу?

— Инкогнито или в качестве почетного гостя?

— Да как хочешь.

— Видишь ли, если я стану другом твоего жениха, то тебе несдобровать. А если стану твоим другом—несдобровать ему.

— Это нечестно. Ты мой друг. Это я с тобой познакомилась, а не он.

— Ах, до чего же это милая штука—телефон! Хоть бы нашелся какой-нибудь поэт—пропел ему оду! Каких только тайн не слышали телефонные уши! Чего только не вынесли они со времени своего создания!

— Алеша, ну хватит языком трепаться... Ну правда...

— Ась?

— Встречаемся мы или нет?

— Будь Гамлет жив, он бы ответил: на этом свете—не знаю, а уж на том—встретимся обязательно.

— Давай послезавтра. Тебя устраивает?

— Погоди, птичка, не спеши. Дай подумать...

— Завтра я сама не могу. Мы едем с женихом кое-какие покупки делать. А послезавтра с обеда я свободна. На работе меня отпустят, не беспокойся...

— А если ты разочаруешься во мне? Ты меня бить будешь?—Алексей усмехнулся.— Бить гантелями жениха?

— Да нет у него никаких гантелей. У него все барахло в Мурманске.

— Где? В Мурманске? Да там же моя сестра живет!

— Знаю. Галя. Которая рождает детей. И ждет мужа-моряка на берегу.

— О, ты опасный человек, Алена! Тебя надо остерегаться. Ты все знаешь, все помнишь.

— Значит, так. Послезавтра во время обеда ты звонишь мне на работу. Договорились? Ключи у меня будут в кармане. Об остальном я позабочусь сама. Да, запиши мой рабочий телефон. Диктую...

— Записал.

— Ну что, пока тогда?

— Пока.

И, уже почти положив трубку, Алена на всякий случай прокричала:

— Так позвонишь? Точно?

— Позвоню.

— Ой, Алеша, смотри! Не позвонишь—я в людей перестану верить.

— Зачем такие глубоко идущие выводы?

— Ты меня целуешь?

— Целую.

— То-то же!—Она рассмеялась и с легким сердцем положила трубку на рычаг.

С Петром происходило что-то непонятное, он помрачнел, посерьезнел, при разговоре отводил глаза в сторону; тайная тоска точила его. Первой заметила это Людмила Ивановна, мать Алены, и не просто заметила, а как бы подвинулась душой к Петру, всегда испытывая к нему внутреннюю симпатию. Она чувствовала тайное родство с Петром. Вот отчего замечала перемены в его внутреннем состоянии.

— А вы знаете, как я выходила замуж?—спросила Людмила Ивановна Петра. В квартире они были одни, Григорий Александрович последние дни пропадал в спорткомитете (скоро соревнования, а он работал тренером по тяжелой атлетике), Алена, естественно, была на работе в райздравотделе. После работы она велела Петру ждать ее дома, у родителей.

Петр вопросительно взглянул на Людмилу Ивановну.

— Совсем не так выходила, как однажды рассказывал Григорий Александрович. Помните?

Петр не очень хорошо помнил, но кивнул.

— Он как-то рассказывал: мол, собрались в студенческом общежитии, стрельнули шампанским, дешевая закуска, танцы под пластинки...

— Да, да, помню...—Петр и в самом деле вспомнил рассказ Григория Александровича.

— Дело-то все в том, что... только, Петр, дайте слово, что никому не расскажете о нашем разговоре.

— Да, конечно, конечно, Людмила Ивановна. О чем речь...

Людмила Ивановна рассказывать не торопилась. Накрыла на стол, заварила свежий чай, поставила домашний кекс.

— Кушайте, Петр.

— Спасибо.

Людмила Ивановна и сама села за стол; лицо ее вдруг показалось Петру обновленным: схлынула вечная усталость, озабоченность, померкшие обычно глаза налились светом, в котором проскальзывали искринки неожиданного озорства.

— А не хотите по рюмочке, Петр? Нет, нет, не водки. Кагора. Слабенького дамского напитка.

— По рюмочке можно.—Петру и самому сделалось легче, свободней рядом с Людмилой Ивановной: впервые он видел ее такой раскованной, естественной. Он даже улыбнулся.

— Та-ак, погуляем сегодня. Сегодня такой день, сегодня можно...

— А что за день?—снова улыбнулся Петр.

— Ох, не спешите, Петр. Все по порядку.

Людмила Ивановна налила по рюмке кагора, они чокнулись, и она сказала:

— Ну, Петруша, поздравьте меня!

— Поздравляю... Только что у вас за праздник? Ей-богу, не пойму.

— Праздник? Молодость вспомнила, молодые годы, Петруша.

— А, ну поздравляю вас, Людмила Ивановна!

В это время раздался телефонный звонок, Людмила Ивановна спросила:

— Да?

— Мам, это я. Привет. Петр у нас?

— Да. Мы сидим с ним, чай пьем. Разговариваем.

— Передай ему, чтобы ждал меня и никуда не уходил. Что бы ни случилось—ждал и никуда не уходил.

— Хорошо, хорошо.

— Ну, пока!—Алена без всяких объяснений положила трубку.

Во время обеденного перерыва Алексей не позвонил. Не позвонил и через час. И через два часа. Выходит, Алена зря отпрашивалась у заведующей: ключ от квартиры Петра лежал в ее сумочке мертвым грузом.

— Что же ты не уходишь, Леночка?—поинтересовалась Нина Васильевна, взглянув на нее с некоторой насмешливостью, которую с трудом переносила Алена.

— Решила закончить срочное, а потом пойду, Нина Васильевна,—ответила Алена.

— Ну, ну, хорошо...—И заведующая вновь улыбнулась как бы ласково, но со скрытой усмешкой. И чего ей надо?

Наконец, Алексей все-таки позвонил. Часа через три.

— Господи, я уж думала, ты провалился сквозь землю!—обрадованно затараторила Алена. Она так искренне обрадовалась звонку, что даже укорять Алексея была не в силах.

— Видишь ли,—сказал он,—раньше никак не мог. Дела.

— Ну, хорошо, хорошо. У меня все готово. Где встречаемся?

— Тут такие дела, птичка. Сегодня я никак не могу. Уезжаю в командировку.

— Как так?—с недоумением вырвалось у Алены.

— И вообще, понимаешь ли... я переезжаю. В другой город. Насовсем.

— Ой, не ври! Ты что? Так я тебе и поверила!

— Серьезно.

— Да врешь ты все!

— Ну, хорошо. Допустим, вру. Допустим, не уезжаю. Остаюсь здесь. Но в командировку-то я уезжаю точно.

— Но почему так срочно? Ты же говорил... ты же обещал...

— Ничего я не обещал. И вообще, птичка, пора заканчивать наш телефонный роман. Побаловались, и хватит. Я устал...

— Но как же? Ведь я...

— Очень просто. Скажем друг другу: «Адьо!»—и повесим трубки.

— Но я люблю тебя.

— Не говори глупости.

— Я не могу жить без тебя. Послушай, я люблю тебя...

— Правда? Не смей меня! Уж если на то пошло, так ты просто вздорная...

— Да ты что?! Что ты говоришь!—задохнулась она от обиды.

— Подвернулся тебе первый попавшийся—и ты уже готова изменить жениху. Да ты мизинца его не стоишь!

— А ты, ты...

— Да как ты собираешься жить с мужем, если заранее готова изменить ему?! Святое-то хоть есть у тебя что-нибудь за душой или нет?

— Да ты же сам...

— Я! Да, я, может, проверял тебя! Я, может, хотел узнать, сколько в тебе чего.

Нет в тебе никакой наивности, грязь и ложь...

— Ненавижу тебя!

— Неужели?..

— Ненавижу!

— Ну, тогда все. Я высказался. Адью!—И он повесил трубку.

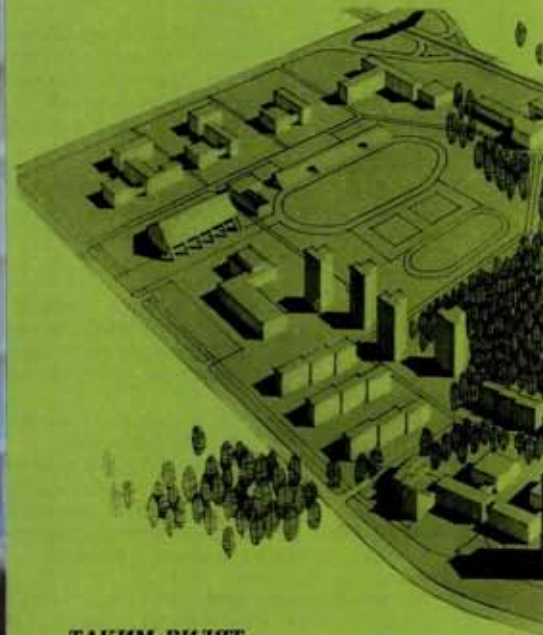
Через неделю должна была состояться свадьба.

Мы закончили публикацию повести Георгия Баженова «Телефонный роман». Как вы могли убедиться, автор не просто описал в ней невеселую жизненную ситуацию, он затронул важные, болевые нравственные проблемы, над которыми стоит серьезно задуматься. Как дальше сложится судьба Алены и Петра, будут ли они счастливы? Смогут ли? Откуда этот жестокий инфантилизм в душе двадцатилетней девушки, вяжутся ли ее поступки с таким давним, но никем не отмененным понятием, как женская честь? Разве так бы поступили, если обратиться к литературе, героини Тургенева, пушкинская Татьяна? А так ли уж прав Петр, решивший из неопытной девочки воспитать «образцовую» жену? Верно ли он понимает моральную ответственность старшего перед младшим? Стоит задуматься и над последним, так неожиданно закончившимся разговором Алены с ее телефонным знакомым Алексеем. Почему вдруг он отказался от встречи? Наконец, кого же винить в случившемся: Алену, Петра, легкомысленный телефонный роман? Или нельзя говорить о какой-то отдельной—мужской или женской—вине, а следует вести речь о другом—о взаимной, общей ответственности за нравственную чистоту человеческих отношений?.. Ждем ваших писем.

ГОРОД ДО

Яковас ШАДЯВИЧУС

расширяться. А в Каунасе училищ не хватало. Это значило, что необходимо строить новые, специально оборудованные здания, набирать в ПТУ все больше учащихся. Предстояло выбрать одно из двух решений: одно традиционное — строить каждое ПТУ отдельно, там, где нашелся бы подходящий участок земли и где каждое здание в отдельности стало бы клеточкой городского организма. Но был и другой путь,

ТАКИМ ВИДЯТ КОМПЛЕКС ПРОФТЕХУЧИЛИЩ В КАУНАСЕ АРХИТЕКТОРЫ.

Привычные словосочетания: академический городок, городок студенческий. Но чтобы городок профессионально-технических училищ да еще разнопрофильных? А между тем именно такой городок вырос и продолжает расти на окраине литовского города Каунаса. На площади в 80 гектаров разместились семь ПТУ (по проекту их десять). Когда проект полностью воплотится в жизнь, здесь будут учиться около восьми тысяч парней и девушек. Сразу уточним, что все училища средние, то есть выпускники их получают аттестат о среднем образовании. (Кстати, именно такой тип ПТУ станет после реформы общеобразовательной и профессиональной школы основным.) Но, разумеется, главное назначение «города мастеров» — профессиональная подготовка. Приходят сюда вчерашние восьмиклассники, а выходят... О, тут стоит сделать глубокий вдох, чтобы попытаться перечислить хотя бы часть предлагаемых специальностей. Штукатуры, электромонтеры, фрезеровщики, пекари, плотники, монтажники, модельщики, художники-оформители, столяры, экскаваторщики, формовщики, кондитеры, закройщики, каменщики, специалисты химической чистки одежды, швеи, ювелиры — прямо-таки ярмарка профессий.

Кто же эту ярмарку задумал и с какой целью? Не удобнее ли строить училища в разных точках города, как это традиционно и делается?

Прежде чем ответить на эти вопросы, позволю себе отступление. Представим себе новый микрорайон на окраине города. Все обычно — несколько десятков стоящих по соседству зданий. Факт чи-

М И М В О З В О Д И Т Ь Г О Р О Д А .

ЭТИ РЕБЯТА УЧАТСЯ НА ГОНЧАРОВ, НО РАЗВЕ НЕ ПОЛЕЗНО ДЛЯ НИХ ЗНАКОМСТВО С РЕМЕСЛОМ СКУЛЬПТОРА?

сто градостроительный. Но вот поселились в этих домах люди, и микрорайон уже становится фактом социальным. Как до работы добраться, если с транспортом туго, а заводы далеко? Где купить продукты, если часть магазинов существует только в проекте? Химистку и ателье открыли, а у кинотеатра только фундамент заложен. Яслей не хватает... Оказывается, именно градостроительное проектирование может предопределять многие конкретные поступки людей (сравните стиль жизни обитателей четырехсотквартирного высотного городского гиганта и одноэтажного поселкового коттеджа). Ведь недаром зодчий Корбюзье назвал архитектуру образом мышления. Все мы в какой-то мере испытываем влияние на нашу жизнь человека за кульманом, который первым, вначале в мире собственной фантазии, а затем в эскизах, рисунках, чертежах увидел дома и города, где мы живем и работаем сегодня, где будем жить и работать завтра...

Два десятилетия назад каунасский городок ПТУ существовал лишь в воображении Нины Шликене, вступавшей на многотрудную стезю профессионального архитектора. Но именно тогда у нее и ее коллег зародилась мысль о создании необычного городка. Вспоминая о том времени, Нина Шликене рассказывает:

— В те годы база профессионально-технического обучения стала активно

ИМЕНА ПТУ

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

который мы и избрали. Было задумано сформировать целый комплекс профтехучилищ. Цели, которые мы перед собой ставили, с архитектурно-технической точки зрения были достаточно конкретны. Хотелось, чтобы ребята жили полнокровной жизнью, немалую часть которой занял бы спорт. Значит, нужны стадион, бассейн, манеж, стрельбище. И везде учащиеся ПТУ должны быть хозяевами, а не пасынка-

ми от общих профессиональных ни были эти «общие» интересы, столяр достаточно подробно рассказывал о специальности токаря или литейщика, керамист—о труде наладчика хлебопекарных агрегатов, крановщик без всякой иронии, заинтересованно говорил о профессии приемщицы комплексного приемного пункта бытового обслуживания.

Разумеется, автор не столь наивен, чтобы полагать, будто будущему токарю не придется получить навыки—хотя бы первые—портного. никоим образом. Дай-то бог крепко, основательно изучить свое собственное, главное дело. Здесь важно другое: общаясь со сверстниками, которые будут трудиться в самых различных сферах по самым разным, далеким друг от друга специальностям, парень или девушка приучаются уважать труд не только собственный, но и другого человека. Потому что для них это уже не просто строка в рекламном проспекте, не непарелью набранное объявление в местной газете, приглашающее в училище всех желающих, а частица жизни хорошо знакомого ровесника.

Говорят, уважение к хлебу. Но оно, это уважение, станет конкретным чувством еще и тогда, когда мы лично будем знакомы с тем, кто этот хлеб растит и выпекает.

Говорим, уважение к плодам чужого труда. Но добрая эта человеческая черта проявится тем рельефнее, чем лучше

СРАБОТАТЬ ПЛАТЬЕ МУДРЕНО.

**В МАСТЕРСКИХ ПТУ № 40
СОЗДАНЫ
ПРЕКРАСНЫЕ УСЛОВИЯ
ДЛЯ ПРОХОЖДЕНИЯ ПРАКТИКИ.**

Сюжет стр. 16.

ми... Теперь, когда построено более половины задуманного, ясно: идея была верна.

Новым ощущением жизни, новым отношением к специальностям, приобретаемым в соседних ПТУ, большим уважением к собственному и чужому труду—вот чем, на мой взгляд, одаривает своих жителей городок. Я познакомился здесь с будущим керамистом, который дружит со штукатуром-облицовщиком, пекарем—неразлучным другом фрезеровщика, поваром и его товарищами—художником-оформителем, токарем, каменщиком. Не будем кривить душой: в разговорах выяснялось, что чаще всего ребят объединяют производственные интересы (учитьвайте возраст!)—посещение кино, дискотек, туристские походы. Но какими бы далеки-

**ПРЕЖДЕ, ЧЕМ СЕСТЬ ЗА РЫЧАГИ
НАСТОЯЩЕГО ЭКСКАВАТОРА...**

Павел ЕМЕЛИН,
специальный корреспондент
«Смены»

СВЕТА ВЫХОДИТ В «СВЕТ»

Райком комсомола
оказался в стороне от
шефства
над трудными
подростками.
Почему?

С погодой повезло. Был конец октября, а тут, в Запорожье, тепло и солнечно, как летом. В такой вечер, даже если ты только что с дороги, не сидится в гостинице. Хочется пройтись по улицам, окунуться в толпу, ощутить ритм здешней жизни.

Прямой, как стрела, проспект уходит за горизонт. Слева огненно дышит «Запорожсталь», справа плещется Днепр, а посредине — красивые, как дворцы, дома, еще зеленые деревья, цветы. И над всем — чистое, ласковое небо. Такое вокруг спокойствие, что не думать бы о суетном, житейском, а так бы плыть и плыть в людском потоке, как по реке.

Но куда деться от той тревоги, что позвала в путь, не давала спать в поезде и, наконец, вывела на улицу вовсе не ради прелестей тихого вечера, а в надежде на предвстречное узнавание.

Спешат люди. Наверное, в этой толпе торопится с работы и та женщина — инженер по охране окружающей среды, чье письмо у меня в кармане.

Нет, в письме говорится не об охране природы — в нем живая, неутраченная боль матери за судьбу своей шестнадцатилетней дочери. «Ребенок отдаляется от тебя внутренне... у него своя жизнь», — приходят на память строчки. И вопрос матери, жаждущей прямого и ясного ответа: «Что же всему причиной, мое упущение или чужое равнодушие?»

Стайкой юрких стрижей прошмыгнула мимо компания подростков — идут, громко разговаривая, хохочут, не замечая, наверно, никого и ничего. Может, и дочка той женщины прошла с ними? Или она среди этих ребят и девчонок в потертых джинсах, что покуривают у киоска, молча взирая на прохожих? А может, это она с таким небрежным видом сидит в кафе, которое тут называют «маленький Париж»?

Собственно, зачем гадать, на конверте есть точный адрес дома, где живет девочка. Но сначала иду в райком комсомола: ведь автору письма и ее дочери нужна реальная помощь.

Леонид Залужный, первый секретарь Орджоникидзевского райкома ЛКСМУ Запорожья, придерживая массивные очки, внимательно читает письмо — шесть страничек убористым почерком.

«Здравствуйте, дорогая редакция! Нехорошо становится на душе, когда читаешь материалы о трудных подростках. Думаешь: все ли сделано, чтобы не случилось преступления? Но вот и тебя коснулось это несчастье. У тебя самой растет трудный подросток, девочка шестнадцати с половиной лет, и прихо-

дится принимать меры, иногда, может быть, крутые, потому что боишься, как бы чего не случилось.

Не всегда хватает времени, опыта, педагогических способностей. Держишь связь со школой, с милицией, с общественными организациями, но, несмотря на все старания, чувствуешь неладное вокруг... Ребенок отдаляется от тебя внутренне, ничем не делится, у него своя жизнь, и не очень чистая. У тебя нет сил вернуть его, и он еще больше замыкается. Потом случайно тебя приглашают в подвал покурить (спулав твой голос с голосом дочери). Дочь на твои расспросы грубит, бежишь к участковому инспектору по делам несовершеннолетних, в школу, рассказываешь... Может быть, тут как раз и делаешь глупость, но ведь это опасный возраст, и тебе надо знать, насколько это серьезно. И вдруг остро ощущаешь свою беспомощность и чужое равнодушие. Равнодушие тех, кто если не по призванию, то уж по долгу службы обязан заниматься детьми.

...Школу дочь не потянула. Мучит сознание, что растешь тунеядца. Теперь главное — устроить ее на работу...»

Первый секретарь оторвался от письма. Через минуту он уже давал поручение Ольге Андреевой, секретарю райкома по работе среди учащейся молодежи:

— Свяжитесь с инспекцией по делам несовершеннолетних, с этой девушкой. Узнайте, где она хочет работать. — Повернулся ко мне и коротко сказал: — Постараемся помочь.

Иного ответа я не ждал. Показалось, что райком комсомола взялся за дело всерьез.

По крутой лестнице поднимаюсь на пятый этаж. Дверь открыла невысокая девушка. Курносый носик утоплен между румяных, туго натянутых щек, из-под нахмуренных бровей блеснуло любопытство.

О письме матери в редакцию Света ничего не знала, но не удивлена ни им, ни моим визитом. (Она, как я понял, уже привыкла к разным визитерам, которые пытались наставить ее на путь истинный.) С усталостью в голосе сказала:

— Мама скоро придет, ждите, если хотите.

В комнате беспорядок, но Света не очень-то смущена.

— Что новенького в столице? — спрашивает она.

За полчаса, пока мы говорили, узнаю, что Светлана не любит учиться, готовить, шить, стирать... А что же любит? Пиво и фантастику.

Позвонила бабушке, где, по всей вероятности, задержалась мать.

— Тебя тут ждут, — строго сказала в трубку, а когда мать спросила, кто, резко оборвала: — Придешь — узнаешь.

Через считанные минуты мать Светы была дома. Залыхавшись от быстрой ходьбы, облегченно вздыхает, увидев меня:

— А я-то перепугалась, думала, опять кто-то из милиции пришел.

— У тебя одно на уме, — недовольно проворчала Света.

Любовь Михайловна растила дочку без мужа. Каждый шаг дочурки сопровождался маминим восхищением и умилением. Когда Света, к примеру, шутя или сердясь, начинала хлестать мать по щекам, та только улыбалась. Постепенно эти «невинные» детские шалости стали сопровождаться грубыми, непристойными сценами. В порыве гнева Света могла схватить мать за волосы, запустить в нее башмаком. «Ее любимой героиней была маленькая разбойница из «Снежной королевы», — по секрету сообщает мне Любовь Михайловна и... улыбается.

Разногласия с дочерью по каждому пустяку она делает предметом обсуждения во дворе, в школе. Кроме озлобления, такая «гласность» ничего не дает. Свете потом стыдно появляться в классе, на улице. Вот она и нашла себе компанию в подвале, где собираются такие же жертвы родительской «педагогике» — непонятые, затравленные.

Целями днями Света валяется в постели, смотрит телевизор, а вечером, когда Любовь Михайловна возвращается с работы, дочка, надев мамино платье, выходит в «свет» — идет с подружкой в пивбар или в кафе. Ее пьянит вечер, свобода, с какой там общаются едва знакомые и вовсе не знакомые парни и девушки. Никаких тебе нотаций, все легко и просто. Ей кажется, что это и есть настоящая, красивая жизнь — «маленький Париж».

Как ни печально признавать, но в первую очередь сама Любовь Михайловна, превратившаяся в домашнюю прислугу у юной бездельницы, виновата в том, какой растет ее дочь. Хотя можно ли беду матери ставить ей в вину?..

И вот мы сидим в кабинете секретаря райкома комсомола Ольги Андреевой. Света недовверчиво нахмурилась, глядит исподлобья.

Ольга, высокая, в строгом темно-зеленом платье, встретила нас радушной улыбкой.

— Жаль, что раньше с тобой не познакомились, — говорит она девушке. — Я тебе вчера звонила, что ж ты не пришла?

— Не могла, — буркнула Света, пряча глаза.

Знаю точно: никаких дел у нее вчера не было. Лень? Не только. Просто Света уже не верит, что кто-то хочет и может по-настоящему ей помочь. Сколько раз слышала она одно и то же: «Ты должна учиться, должна работать». Так ей говорили дома, в школе, в райисполкоме. В течение двух месяцев, чуть ли не каждый день, из цеха, где работает Любовь Михайловна, приходили неизвестные Светлане люди и твердили то же самое. Но пустые увещевания, пусть и самые правильные, ничего не меняли в Светиной жизни.

В кабинет заглянула Нина Федоровна Бурцева, секретарь районной комиссии по делам несовершеннолетних.

— А-а, старая знакомая! — со словами, не выражающими радости, обратилась она к Свете. — Ну что, решила, где будешь работать?

Света, оттаявшая было немного, снова свернулась в комочек, как еж, только глаза посверкивают. Молчит.

У воспитания коварный враг — предубеждение.

В материалах районной комиссии по делам несовершеннолетних есть школьная характеристика Светы, в которой чьей-то решительной рукой подчеркнуты лишь отрицательные эпитеты: «недисциплинированная», «невнимательная» и так далее. Что и говорить, дисциплиной и усердием Света не отличалась: за год пропустила 238 уроков. Впрочем, об учебе разговор особый. А вот какой она, Света, все-таки человек?

Когда в первом полугодии ей хотели выставить «неуд» за поведение, многие одноклассники встали на ее защиту. «Она добрая», — утверждали ребята.

Добрая?! А драки с матерью, грубость?

Но ребята, оказывается, знают и другую Свету. Ту, что, к примеру, несмотря на все запреты, дружила с одной девушкой постарше, а когда та вышла замуж и родила, стала при ней заботливой няней: купала, пеленала новорожденного, гуляла с ним на улице...

Одноклассники старались помочь ей в учебе, но их усилия были напрасны: Света, основательно запустив материал, твердо решила бросить учебу. Вот тогда школа, а там уж и мать Светы ходатайствовали о трудоустройстве горе-девятиклассницы.

В райисполкоме Светлане дали направление на завод, где не оказалось работы, соответствующей ее знаниям и способностям. Да и как может подросток выполнять сложные операции, требующие технической подготовки, если в нем ни усидчивости, ни внимания. Потому и вызывает удивление, как комиссия, рассматривая характеристику с подчеркнутыми «эпитетами», не ушла, где же сможет трудиться такой подросток.

— Мы направили Свету на завод по просьбе ее бабушки, — объясняет секретарь комиссии Н. Ф. Бурцева.

Вот и получается, что в комиссии по делам несовершеннолетних при определении судьбы Светы решающий голос получила бабушка (она санитарка в медсанчасти того завода), а не компетентные люди.

На заседании комиссии был и представитель райкома комсомола. Только почему-то никто из райкомовцев так и не поинтересовался судьбой девушки.

— Может, мне все бросить и заниматься только Светой? — вспыхнула Ольга Андреева. — У нас ведь она не одна такая...

Да, Светлана не единственный и, наверно, не самый трудный подросток в районе. Проведя всего один день в райотделе милиции, я увидел и других трудных, кому постоянное внимание и помощь нужны не меньше, чем Свете. Так же, как она, болтался без дела Сергей Б., черноглазый паренек, руки которого в ссадинах и машинном масле: в тот день он был задержан за угон чужого мотоцикла...

«Может, мне все бросить?..» — словно рефрен, повторяются слова, сказанные

Ольгой Андреевой. Слышать такое от секретаря райкома комсомола более чем странно. Разве судьба подростка его не касается? И разве призыв «дойти до каждого» только слова?

Конечно, у секретаря райкома масса важных дел. Но ведь райком комсомола — это не только его секретари, аппарат, члены бюро, а еще и его актив — несколько тысяч комсомольцев, среди которых наверняка нашелся бы человек, способный помочь Свете.

Ей самой уже в тягость «лежачее» положение, но выход из него она одна вряд ли найдет. «У нее сместились понятия о плохом и хорошем», — вспоминается разговор с заместителем начальника Орджоникидзевского РОВДа Владимиром Евтушенко. — Сейчас ее надо взять за руку и вести». Очень верные слова! Но, к сожалению, опять только слова.

«Не представляем, что с ней делать», — признавались райкомовцы. Для начала, думаю, хорошо было бы понять, чего она хочет, к чему лежит у нее душа. Но впопыхах, между делом об этом не узнаешь. А весь разговор со Светой в райкоме занял каких-то десять минут. «Где хочешь работать?» — а который уж раз спросили ее. А какой она человек — это опять осталось «за кадром». Вот и возникает невольный вопрос: а есть ли в этом райкоме комсомола сколько-нибудь четкая система работы с подростками?

«Взять за руку и вести», — сказал майор милиции Владимир Евтушенко. Да, спору нет, индивидуальное шефство — самое эффективное воспитательное средство, если... Если только оно не остается на словах или на бумаге.

Был шеф и у Светы. Но кто он, где работает, как выполняет свои шефские обязанности, мне не могли ответить ни сама Света, ни в райкоме комсомола, ни в районной инспекции по делам несовершеннолетних. Так и остался неизвестным товарищ по фамилии Осипенко.

Еще факт для размышления: в районе только у трети ребят, стоящих на учете в инспекции по делам несовершеннолетних, есть шефы-комсомольцы.

— Мало у нас энтузиастов, желающих работать с подростками, — сетуют райкомовцы.

А мне в эти сетования что-то не верится...

В штабе комсомольского оперативного отряда завода «Запорожсталь» заместитель командира Саша Титаренко, широкоплечий, кряжистый огнеупорщик, держа в руках бумажки с адресами, при мне ставил задачу членам отряда: проверить, все ли в порядке в семьях, где есть «трудные».

Выходим на улицу, освещенную вечерними огнями. Центр города. У кинотеатров, магазинов, кафе собираются разнородные компании юношей и девушек. Кое-кто чувствует себя слишком волготно. Но сегодня члены отряда идут мимо «горячих точек»: надо выполнять задание, полученное от милиции.

...В этой квартире, куда пришел Титаренко, живут два подростка. Кто они, в чем грешны, даже как их зовут, Саша не знает. Один паренек смотрит футбольный матч по телевизору, другого нет дома. Мать говорит, что Федя, младший, пошел в кино. Но фильм двухсерийный, начинается в восемь вечера. Не слишком ли поздно вернется парнишка? Мать только машет рукой: совсем от рук отбивается, не справиться ей одной с сыновьями.

— До вас, месяца три назад, — рассказывает она, — приходили две студентки из пединститута. Общественницы. Сходили с Федей в парк. — и все, с тех пор больше не появлялись. — Женщина с затанцуй грустью смотрит на нас с Сашей. — Может, и вы больше не покажетесь? Как же мне быть-то?..

Боюсь, ее опасения подтвердятся. Саша Титаренко и сам не скрывает: визит в эту семью для него — чистая случайность. Такие проверки ему самому не по нутру. Хочется романтики, чтобы были

погоны, задержания — так он понимает смысл деятельности комсомольского оперотряда. Есть у него и подшефный, паренек лет шестнадцати, учится в ПТУ, зовут... то ли Виталий, то ли Володя, Саша видит его редко.

Стоит ли ждать большого воспитательного эффекта там, где шефство сводится лишь к контролю? Да и шефство ли это, если шеф придет на пять — десять минут к своему подшефному, выпросит, чем тот занимался неделю, и опять на неделю исчезнет?

Есть и такие шефы, которые все свои усилия тратят на то, чтобы записать подростка в какой-нибудь кружок или спортивную секцию. Записал — и с плеч долой. Исходят из правила: праздность — мать всех пороков. В этом есть, конечно, резон. И спорить, казалось бы, не о чем, ведь занятие каким-то делом всегда лучше, чем безделье и витание в облаках. И все же занятия сами по себе — еще не гарантия от правонарушений и дурных поступков. Никто, пожалуй, так не загружен, как старшесеклассники, но разве мало среди них трудных?

Значит, суть не в занятости как таковой, а в тех нравственных основах, которые закладываются в юные годы и становятся для человека надежным компасом в жизни. С детской беспризорностью мы давно покончили, но остается еще, к сожалению, беспризорность иного рода — духовная. Когда в общении с подростком нет самого важного — ненавязчивого проникновения в его сложный внутренний мир, стремления наполнить мотивы его действий зримым, конкретным смыслом. «Ничего на свете так не очищает, не облагораживает отроческий возраст, не хранит его», — писал А. И. Герцен, — как сильно возбуденный общечеловеческий интерес».

Именно этот интерес, идея общественной пользы лежат в основе успехов летнего труда ребят, деятельности подростковых клубов Ленинграда, Пензы и других городов. Высокая идея окрыляет, раскрывает ребячий талант, укрепляет волю. При умной и умелой работе воспитателей это не редкость, когда из «трудных» подростков вырастают герои труда, ученые, художники, выдающиеся спортсмены.

Надо ли доказывать, что многое в работе с подростками зависит от воспитателей, причем совсем не обязательно профессиональных педагогов. Каждый, в ком есть хоть искорка педагогического таланта, способен стать другом юному человеку, поддержать его в трудную минуту.

Снова возвращаюсь к энтузиастам, на нехватку которых жаловались райкомовцы.

...Первое, что бросается в глаза в штабе оперативного отряда «Луч», — стенд с вырезанной из журнала публикацией о подростках и книжный шкаф с педагогической литературой.

Здесь это не просто внешние атрибуты. Члены отряда тесно связаны с инспекцией по делам несовершеннолетних. Участковый инспектор Олеся Герщенко, недавняя выпускница пединститута, не считаясь со временем, делится с комсомольцами всем, что знает и умеет. Вместе с отрядом она выходит в рейды, а то приглашает комсомольцев на школьные собрания или на встречи с родителями. Человек увлеченный, Олеся буквально заряжает членов отряда своей энергией. Неудивительно, что шефская работа, которой занимается половина «личного состава», тут почетна, престижна; командир отряда электромонтер Саша Щедрин сам мечтает стать педагогом.

Комсомольцы «Луча» общаются с подростками не от случая к случаю, а регулярно и без регламента. Они знают о своих подопечных все: и как дела в семье, и с кем дружат во дворе, в школе. Каковы же результаты?..

Вот только одна история. Сережа Н. не хотел ходить в школу, часто убегал из дома, собрал целый букет совсем не безобидных проделок. Сколько трудов,

времени стоило комсомольцам не дать парнишке скатиться вниз! Однажды привели его в отряд на занятия по самбо. У паренька глаза разгорелись. С этого и началось его перевоспитание. Записался в секцию борьбы и в отряд «Юный дзержинец», который создан при «Луче». Параллельно со снятием парня с учета в инспекции комсомольцы рекомендовали его в члены ВЛКСМ. В армию Сергей пошел комсомольцем.

Почему запомнилась эта история? В ней как в капле воды отражается понимание комсомольцами существа своей работы в отряде: не только следить за порядком, а быть всегда «на острие» ситуации, особенно если она касается подростка.

Не просто общаться членам отряда со своими подопечными. Марина Шрамко, инженер-технолог, рассказывает о своей подшефной. Девочке шестнадцать лет, а она уже прошла через такие жизненные передряги, что и вообразить трудно. Столкнувшись с подло-веру, бездушием, совсем было потеряла веру в людей, в человеческую доброту. Умолчала Марина лишь о том, что именно ее, своего шефа, а точнее, друга, девочка назвала первым хорошим человеком из тех, кого она встречала.

— Знаете, почему наш отряд называется «Луч»? — спросил меня Саша Щедрин.

— Светить, освещать дорогу другим. Верно?

— Есть еще и такой смысл, — улыбается командир. — Наш девиз: «Любовь к людям, увлеченность делом, чистота отношений». Возьмите первые буквы и прочтите — «Луч».

На столе инспектора несколько исписанных разными почерками листов бумаги. Это задание на завтра.

— Районная комиссия по делам несовершеннолетних, — читает Олеся, — просит обратить внимание и принять соответствующие меры... — После каждого прочитанного заявления она спрашивает: — Кто возьмется за это?

— Я, — откликается наладчик Андрей Бобко.

— Я, — говорит сварщик Сергей Кузнецов.

— Я, — встает электромонтер Юрий Стариков.

— Я, — улыбается Марина Шрамко. Шестидесять «я», а вместе комсомольский отряд «Луч», работа которого начинается с любви к людям. Разве это не энтузиасты?! Как бы хотелось, чтобы кто-то из этих ребят пришел к Свете, но...

...Но о ней комсомольцы из «Луча» ничего не знают.

— Это не наш микрорайон, — смущается Саша Щедрин, услышав, что есть где-то рядом с ними такая вот неприкаянная, неустроенная девочка.

Территориальные барьеры не помеха, если деятельность оперативных отрядов направляется единым центром — штабом при райкоме комсомола. В Орджоникидзевском районе такой координирующий орган создан. На бумаге...

— Штаб — это я, — с грустной усмешкой говорит второй секретарь Юрий Жуйков, который пришел в райком на костылях: две недели назад сломал ногу.

— Значит, и штаб сейчас на больничном?

Юрий разводит руками. Свои просчеты в работе с подростками райкомовцы объясняют сменой районного комсомольского актива. Пришли, дескать, новые люди, опыта маловато, не сразу все получается. Так-то оно так, только там, где есть система, традиции, преемственность в работе, эти субъективные моменты не ухудшают дела.

Года три назад бюро райкома приняло специальное решение о закреплении освобожденных комсомольских работников за трудными подростками. Ольга Андреева, работающая в райкоме с тех времен, уверяла, что и сейчас все нормально: подшефный есть, мол, даже у первого секретаря.

Леонид Залужный при этих словах мрачнеет и краснеет. Нет у него никакого подшефного.

— А тот, с велосипедом? — напоминает Ольга.

— Когда мне заниматься с подростком? — оправдывается он. — Дел невпроворот, с собственным сыном поговорить некогда. А формально шефствовать не хочу.

Слушая жалобы Леонида Залужного на нехватку времени, вспомнил Андрея Бобко из «Луча». Производственник, заочник третьего курса техникума, заместитель секретаря цеховой комсомольской организации, отец двух маленьких девочек и ветеран оперотряда, шефствующий над «трудным». Честное слово, как-то неудобно стало за секретаря райкома.

Дело ведь не только в умении распоряжаться своим временем. Я хорошо знал секретаря обкома комсомола, подчеркиваю: обкома! — который шефствовал, и не формально, над одним рабочим паренком. «Зачем, — спрашиваю, — это вам при такой нагрузке?» «Чтобы иметь моральное право спросить с других», — ответил он.

Да, личный пример — весьма убедительный аргумент. Но стоит ли комсомольскому работнику за все братья самому? Ведь он прежде всего организатор, руководитель и в этой роли намного полезнее тем же подросткам, нежели просто как шеф. Если, конечно, не на словах и не на бумаге, а всерьез занимается их досугом, организацией шефства, словом, всеми сторонами жизни ребят.

Никто, кроме его собственной совести, не вправе приказывать Леониду Залужному взять под свою опеку «трудного». Но не секрет, что отношение первого секретаря к тому или иному делу во многом определяет позицию райкома в целом. Так что личные склонности тут неразрывно связаны со степенью **личной ответственности** за порученное дело.

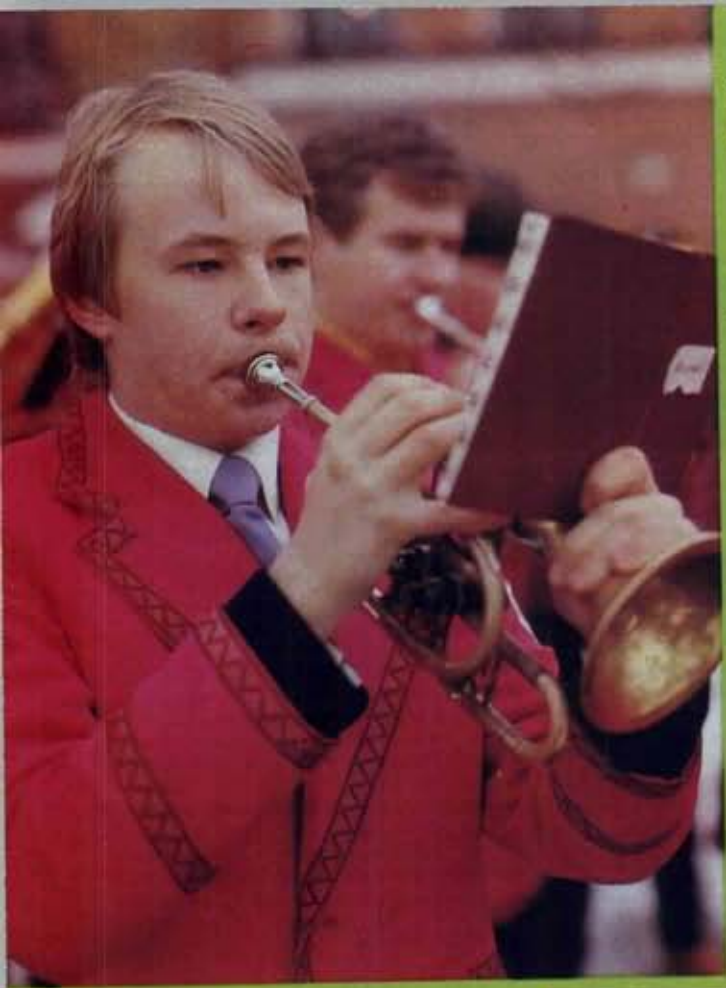
Райкомовцы хотят получить энтузиастов, умеющих подойти к подросткам, сразу, что называется, в готовом виде. А не лучше ли начать с себя, показать пример, как растить таких энтузиастов, прививая им вкус к этой хлопотной, но благодарной работе, всемерно поднимая ее престиж? Шефской работе, обращенной к внутреннему миру личности, тоже надо учиться и учить. Это непростая наука — вести юношу, открывать ему истинные ценности жизни. Попытка понять душу подростка, говоря словами великого писателя, — «дознание, не совсем ничтожное, ибо из подростков создаются поколения».

На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС указывалось, что комсомольским организациям не всегда хватает умения доводить начатое дело до конца, работать с высокой самоотдачей не только в исключительных условиях, но и в обычной, будничной обстановке.

Эти слова целиком и полностью относятся и к работе комсомольских организаций с подростками. Дело это перво-степенной важности. Оно не допускает формализма, расхлябанности, пустословия. В этой работе проявляется зрелость комсомольской организации, ее умение действительно дойти до каждого.

Ну, а что же со Светой? Уже возвратясь в Москву, узнал, что она устроена, согласно ее желанию, в комбинат потребкооперации. После недолгой учебы сможет работать продавцом. Все это неплохо. Только тревога за судьбу девушки не ушла. Света выходит в «свет» — вступает в самостоятельную, взрослую жизнь. Работать она, думаю, научится. А вот научится ли трудолюбию, уважению к людям, честности, доброте?

Протянуть ей руку помощи могут комсомольцы, энтузиасты, которых, как мы видели, в Орджоникидзевском районе немало. Важно только, чтобы их видел и райком комсомола. Видел, направлял, поддерживал.

**ДУХОВОЙ
ОРКЕСТР—
ГОРДОСТЬ
ГОРОДКА.**

**ЮВЕЛИРНОЕ
ДЕЛО
ТРЕБУЕТ
БОЛЬШОЙ
КРОПОТЛИВОСТИ.**

ремонтировали коридоры, классы, кабинеты, красили полы, оклеивали обоями стены...

Будущие портнихи из 56-го ПТУ шили для соседней униформы, занавески, элегантными вымпелами помогли украсить октябрьские колонны. А как заботливо девочки в учебном приемном пункте бытового обслуживания принимают в чистку одежду ребят, их заказы на пошив, на вязание!

Все училища украшены сувенирами, плетеной мебелью, сделанными руками ребят из ПТУ № 52. Попадаешь в музей

училища, и дух захватывает. Просто трудно поверить, что все эти изящные вещи сделаны руками учащихся.

«Помилуйте,— слышу я возражения,— но ведь у каждого из нас немало знакомых в самых разных сферах. Уважение к представителям других профессий— результат воспитания». Все так. Правильно. Но в каунасском городке такое воспитание более предметно, чем в обычных условиях, потому что общение ребят здесь более тесно, они могут чуть ли не ежедневно бывать друг у друга в лабораториях, мастерских и

ГОРОД ПО ИМЕНИ ПТУ

подросток будет знать, каких человеческих усилий этот труд требует.

Наиболее плетягательны для молодежи общие межучилищные мероприятия, на которых можно посмотреть друг на друга, посостязаться в ловкости, изобретательности, остроумии. Вот, к примеру, у будущих строителей из 36-го ПТУ дискотеки долгое время вел паренек из 40-го училища— Витаутас Александровичус. Вел интересно, изобретательно. Его помнят до сих пор. 40-е ПТУ, выпускающее специалистов литейного производства, имеет совсем неплохой духовой оркестр— он постоянный участник празднеств, проходящих у строителей. Торжественно звучит медь труб и на последнем звонке, и на спортивных состязаниях, и на посвящении в учащиеся ПТУ. Но неверно было бы думать, что строители лишь потребляют. Они по-своему не остаются в долгу перед соседями. Скажем, когда выяснилось, что во вновь выстроенном 56-м ПТУ будет проходить всесоюзное совещание-семинар директоров профессионально-технических учебных заведений, действующих на базе предприятий бытового обслуживания, мальчишки и девочки— будущие строители— добровольно пришли на помощь соседям. Они

**НА ЭТУДАХ
В СТАРОМ КАУНАСЕ.**

видеть, чем заняты их товарищи.

Взаимобогащающее общение и педагогов и учащихся ПТУ— это, конечно, преимущество каунасского городка. Но ведь какая бы благодатная почва ни была под ногами, не поднимется колос, пока не брошено зерно. Потому педагоги, комсомольские организации стремятся использовать преимущества необычного расположения ПТУ.

Еще один аргумент в пользу городка ПТУ— демографический. Когда выпускники придут по распределению на заводы и предприятия, скорее всего окажется, что, предположим, в цехах

**ИДЕТ ЗАНЯТИЕ
ПО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЮ.**

училища участвуют 10 школьников каунасской средней школы. Фотокружок ПТУ посещают ребята из той же школы. Об этом заботится руководитель фотокружка преподаватель Владас Габронис. Ученики 42-й средней школы занимаются в кружке по обработке дерева. Без учащихся этой школы не обходятся и праздники будущих строителей. А порой и трудовые будни. Результат: ежегодно по 10—15 выпускников восьмых классов из этих школ приходят в ПТУ № 36.

Не секрет, что в профессионально-технические училища идут не самые успевающие и прилежные школьники, да и мнение об учебных заведениях этого типа у них, как правило, далеко не восторженное. Но когда паренек или девушка видят целый городок ПТУ—с духовым оркестром, стрельбищем, спортплощадками, городок, в котором есть свои художники, строители, крановщики, экскаваторщики и даже специалисты по химической чистке одежды, для них многое предстает в ином свете. И само ПТУ тогда становится не пристанищем, куда поступаешь, если нигде больше податься, а вполне достойным продолжением жизни. У молодого человека возникает чувство, что городок—это место, где он очень нужен, где с нетерпением его ждут.

О том, что учиться в училище интересно, вам скажут и будущий маляр Римас Беркманас, и штукатур Юрате Нореикайте, и столяр Ричардас Балинскас, и керамист Стасе Аткачюнайте, и многие многие их сверстники. Интересно еще и потому, что в училищах созданы прекрасные условия для настоящего производственного труда. Я уже упоминал о комплексном приемном пункте бытового обслуживания, который работает в училище № 56. Здесь можно сдать одежду в чистку, отдать материал в пошив, а пряжу—в вязку. Тут же примерочные кабины с зеркалами. Оплата услуг—по общереспубликанским расценкам. Что может удивить посетителя, пришедшего впервые, так это очень юный возраст приемщиц. Помогали оборудовать необычный класс базовые предприятия: химчистки, ателье, вязальные мастерские. Эти затраты—и немалые—себя оправдывают: на производство после училищ приходят не дилетанты, а профессионалы.

Рассказал о своих впечатлениях о квартале ПТУ в Каунасе, и архитектор вслух стала переживать: вот-де не разбит еще парк, не построены легкоатлетический манеж, бассейны, другие сооружения общественного назначения. Но все это будет...

ЭСТЕТИКА ДЛЯ ХУДОЖНИКОВ-ОФОРМИТЕЛЕЙ—ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ.

БУДУЩИЙ ДЕКОРАТОР АРУНЕ МОЦЕКАЙНИТЕ.

док может похвастаться тем, что здесь полностью выполняется план набора учащихся, а отсев меньше, чем в аналогичных ПТУ республики.

Трудности с кадрами испытывают строительные организации (отталкивают нелегкий ручной труд, зависимость от капризов природы, неритмичность производства). Трудности с набором испытывают и строительные ПТУ. Давайте посмотрим, как заботится о своей рекламе строительное ПТУ № 36. В основной массе здесь учатся молодые жители Каунаса: училище—резерв треста «Кауно статиба» (Каунасстрой). ПТУ выбрало действительно эффективный путь привлечения будущих учащихся. Вот его особенности. В ансамбле и капелле

ТАК ВЫГЛЯДИТ ОДНО ИЗ НОВЫХ УЧИЛИЩ.

«Центролита» подберутся одни парни, так же как и на строительных площадках. Но зато в ателье или на заводах легкой промышленности будут трудиться исключительно девушки. Сейчас в каунасском городке ПТУ учатся около 6 тысяч молодых людей. Примерно поровну парней и девушек. Не знаю, входило ли решение демографических проблем в планы архитектора Нины Шликене, но статистика утешает: в каунасском городке каждый год играют десятки свадеб.

Уж если зашла речь о статистике, отмечу, что негативные показатели (правонарушения, например) в городке профтехучилищ не выходят за рамки общереспубликанских. Что же касается показателей положительных, то горо-

Николай БОЧКОВ,
академик АМН СССР,
директор Института
медицинской генетики АМН СССР,
лауреат
Государственной премии СССР

— Николай Павлович, мы часто говорим: будущее рождается сегодня. И забываем при этом, что наше сегодня — итог длительного исторического развития. И, вероятно, чтобы по-настоящему понять проблемы, которыми занимается медицинская генетика, надо вернуться в ее прошлое. Возьмем хотя бы одну из них — о соотношении биологического и социального в развитии человека. В этом вопросе уже десятилетия «скрещивают копыя» многие поколения исследователей...

— Серьезные генетики никогда не умаляли роли социальных факторов в истории человечества. Т. Морган, один из творцов нашей науки, говорил о двух процессах наследственности: один базируется на «материальной непрерывности», другой — на передаче опыта от поколения к поколению. «Способность человека общаться с себе подобными и воспитывать свое потомство, — писал он, — является, вероятно, основным фактором быстрой социальной эволюции человека». Советский ученый С. Давиденков предложил этот второй процесс даже называть преемственностью в отличие от наследственности буквальной.

Но в понимании природы человека мы не продвинуемся вперед, если будем ограничиваться лишь общими рассуждениями о наследственности и преемственности, о биологическом и социальном. А этим до сих пор грешат отдельные философы. Задача генетики найти конкретные социальные и биологические факторы и самым тщательным образом изучить их взаимодействие.

Здесь большую роль играет близнецовый метод, то есть сравнение близнецов, выросших в различных условиях. Благодаря ему можно определить, с какими свойствами человек рождается, а какие приобретает.

Еще задолго до рождения генетики опытные врачи размышляли над этими проблемами и оставили нам массу ценнейших наблюдений.

В последней четверти XIX века большой вклад в становление генетики человека внес Ф. Гальтон, двоюродный брат Ч. Дарвина. Он заметил, что в процессе развития психических способностей играют роль не только воспитание и обучение, но и наследственные факторы. Ему же, кстати, обязаны своим рождением и близнецовый метод, и «евгеника» — наука, которая должна улучшить человеческий род (в переводе с греческого языка «евгенес» — хорошего рода, породистый).

Рекомендации Гальтона были достаточно просты: людям следует не столько избавляться от патологических генов, сколько повышать в человеческих популяциях количество здоровых генов, генов таланта и гениальности. Путь к этому один: преимущественное размножение более одаренных людей (что и должно быть закреплено законодательным путем). Не случайно свои доклады по евгенике Гальтон читал в основном не врачам, а социологам.

Расцвет евгеники пришелся на первые десятилетия нашего века. В университетах и колледжах США было открыто более 60 кафедр по евгенике. В Европе и Америке вводились ограничения для желающих вступить в брак. Законы, связанные с евгеническими мероприятиями, были приняты в 20 штатах США. Комиссия, в которую входили врач (чаще всего знакомый с генетикой лишь понаслышке), представитель суда и представитель «общественности», решала вопрос: может тот или иной человек иметь ребенка...

Советские генетики и тогда считали, что существуют реальные социальные возможности для улучше-

ния природы человека и уменьшения груза наследственной патологии. Бесспорно, их взгляды не были свободны от некоторых методических ошибок, упрощений и противоречий, но по сравнению с евгеническими идеями, господствовавшими в других странах, они отличались научной строгостью и, если можно так выразиться, демократической интерпретацией фактов. Ю. Филипченко и Н. Кольцов указывали на значение социальной среды для проявления творческих способностей и полностью отвергали насильственный путь улучшения природы человека. Еще в 1923 году Н. Кольцов писал: «Современный человек не откажется от самой драгоценной свободы — права выбирать супруга по собственному выбору... Мы не можем ставить опытов, мы не можем заставить Нежданову выйти замуж за Шалыгина только для того, чтобы посмотреть, какие у них будут дети».

Еще через шесть лет Н. Кольцов ввел новое понятие — евфеники. По его словам, евфеника должна была изучать те условия среды, которые способствуют проявлению положительных наследственных свойств и подавлению отрицательных.

Примерно со второй четверти нашего века интерес к евгеническим исследованиям в нашей стране стал снижаться. Аналогичная картина наблюдалась и в других странах, кроме Германии, где евгеника постепенно начала терять научные черты и вырождаться в печально знаменитую расовую теорию фашизма.

Таков весьма беглый очерк этого неудавшегося направления, признанного обществом и самими генетиками ненаучным и негуманным. Генетика человека пошла по иному пути.

— Каков же этот путь? Какие проблемы волнуют сегодня специалистов по медицинской генетике?

— Прежде всего это познание наследственности человека. Здесь мы обязательно должны пройти несколько этапов. Сначала надо провести своеобразную «инвентаризацию» наследственных признаков, то есть понять, какие признаки контролируются теми или иными генами. В последние годы здесь сделано особенно много.

15 лет назад мы знали только 400—500 генов человека.

Сегодня — более трех с половиной тысяч вариантов наследственных признаков. Мы знаем более двухсот наследственных болезней, которые строго локализованы в определенных хромосомах...

Но если вспомнить, что у человека примерно сто тысяч генов, то все сделанное в медицинской генетике справедливо покажется лишь началом очень длинного пути по «инвентаризации» генов, изучению их первичных продуктов и исследованию взаимодействия между ними.

И здесь возникает совершенно новая задача. Представьте себе, какое число сочетаний наследственных признаков возможно при всех мыслимых взаимодействиях ста тысяч человеческих генов? Какое разнообразие генотипов должно нас окружать! Но в то же время мы видим, что в огромное количество взаимодействий гены просто не вступают. Возможно, природа мудрее наших представлений о ней, и в генетике, так же как в ядерной физике, есть «запретные состояния».

— Разные группы людей несут в себе различные «наборы» генов. Можно ли говорить о предпочтительности того или иного генного набора?

— Всегда надо помнить: определенный набор генов означает всего-навсего определенные нормы реакции человека на воздействия внешней среды. Человек как живое существо может жить, мыслить, трудиться, лишь взаимодействуя с тем, что его окружает. И в этом отношении мы все отличаемся друг от друга — у каждого из нас глубоко специфический набор генов, определяющий биологические нормы его реакции.

Но сказанное ни в коей мере не относится к характеристике человека как существа социального. Человек может нормально развиваться с любым набором генов (кроме, разумеется, патологических состояний). А вот его способности в зависимости от условий социальной среды проявляются по-разному.

Для генетики бесспорно одно: неталантливых людей просто нет. Есть педагоги, у которых много талантливых учеников. Но вовсе не потому, что они набрали себе каких-то сверходаренных ребят, а потому, что смогли раскрыть способности, которые заложены в каждом ребенке.

— О том, как передается генетическая информация, сегодня знают даже школьники. А как она воздействует на развитие организма — это далеко не ясно даже специалистам.

— Почему развитие совершенно одинаковых клеток приводит к абсолютно разным результатам? Почему в совершенно определенное время и в определенном месте происходит зарождение и развитие тех или иных органов? Ответ на эти вопросы — самая волнующая загадка для биологии в целом и для генетики человека в частности. Ведь понимание этих механизмов позволит нам вмешиваться в ход развития человеческих органов в случаях патологической наследственности. То есть научиться лечить наследственные заболевания.

— Сегодня около 5 процентов детей рождается с наследственной патологией, а среди пожилых больных не менее четвертиотягощены «грузом наследственности». С другой стороны, прогресс медицины позволил увеличить продолжительность жизни. А это значит, что люди с болезнью Дауна, гемофилией или врожденными пороками сердца живут дольше. Уход за такими больными требует от общества особого внимания, времени и немалых расходов.

Это порой вызывает к жизни идеи, с которыми трудно согласиться. Например, в качестве методов уменьшения наследственных заболеваний предлагают стерилизацию или искусственное оплодотворение людей.

— Скажу сразу: ни один из них нельзя принять. Прежде всего по этическим соображениям. К тому же подобные методы редко приводят к желаемым результатам, если иметь в виду чисто медицинские показатели.

Далее. Надо помнить, что представления о патологии менялись и будут меняться вместе с прогрессом медицины и социальным прогрессом общества. Понятно, что близорукий охотник на мамонтов просто не мог выжить в первобытном обществе. А сегодня близорукость практически никому не мешает. И когда мне говорят о «грузе» и «помехах» наследственности, то я вспоминаю слова известного английского биохимика Дж. Холдейна, который писал о гемофилии (наследственной болезни, при которой кровь теряет способность свертываться) так: «Какова функция гена гемофилии? Сегодня мы говорим, что он не способен выполнить свою нормальную и необходимую функцию. Но через тысячу лет наши потомки, быть может, скажут: «Функция этого гена состоит в том, чтобы препятствовать быстрому сворачиванию крови. Это создает некоторые неудобства в первое столетие человеческой жизни, но оказывается весьма ценным при пересадках сердца, а в операциях такого рода люди нуждаются обычно после достижения стапятидесятилетнего возраста». Современная медицинская генетика в русле истинной медицины ищет и находит способы помочь людям, страдающим наследственными заболеваниями. Прежде всего это применение современных методов диагностики и лечения. Понятно, важна не только точность, но и своевременность диагноза: чем раньше мы обнаружим заболевание, тем эффективнее будет лечение. Сегодня мы можем выявлять наследственные заболевания еще в дорожном периоде: для ряда болезней разработаны очень простые, пригодные для использования в сети здравоохранения экспресс-методы ранней диагностики. Можно с уверенностью сказать, что мы приближаемся к тому времени, когда рождение больного ребенка будет редкостью.

В целом ряде случаев мы уже можем квалифицированно вмешиваться в ход течения болезни и даже

проводить профилактическое лечение, то есть решать принципиально новую задачу—формировать здоровый индивид при патологическом генотипе. На очереди следующий шаг—введение генов в клетки больного. Правда, время для клинических операций такого рода еще не настало: не разработаны ни научные основы для использования методов генной инженерии в лечении наследственных заболеваний, ни соответствующая техника. Наконец, есть этические проблемы. Но, судя по всему, развитие медицинской генетики идет к точному, прицельному в буквальном смысле этого слова лечению наследственных болезней.

Легко убедиться, что нынешние, а особенно будущие успехи нашей науки выглядят куда более впечатляющими, чем самые головокружительные «проекты» евгеники.

— Николай Павлович! На страницах зарубежной печати мы встречаем рассуждения такого толка: медики спасают жизнь людям с наследственными заболеваниями, которые оставляют потомство, не всегда, к сожалению, здоровое. Все это в итоге приводит к «засорению» человеческого генофонда. А так как естественного отбора в человеческих популяциях уже нет, то дело кончится вырождением человеческого рода...

— Не нужно думать, что наше будущее столь

ческих популяций является миграция, рожденная научно-техническим прогрессом. Стирание границ между континентами и регионами, массовая урбанизация, исчезновение деревьев, внутри которых еще полвека назад в основном и заключались браки, отсутствие религиозных и национальных ограничений при создании новых семей—все это приводит к значительно большему смешению населения, чем это было раньше.

Можно привести много примеров возникновения наследственных заболеваний при заключении браков внутри ограниченной популяции. Но они не обладают силой абсолютного доказательства. Ведь если практика «узких браков» продолжалась многие десятилетия, как, например, в Японии, то это мало сказывается на жизнеспособности рождающихся детей—они «приспособляются» к этому типу брачных союзов.

Если же говорить о современном браке, то вполне возможно, что нынешнее «генетическое смешение» людей будет способствовать уменьшению количества наследственных заболеваний. Не менее

вероятно, что при такой расширенной системе браков будут разрушаться определенные комплексы генов, которые имеют приспособительное значение. Но какие-либо определенные выводы сегодня сделать еще нельзя.

Современный человек живет в среде, где постоянно появляются новые физические и химические факторы, увеличивающие наследственную изменчивость. И их изучение уже стало важной генетической проблемой. Сегодня во многих странах разрабатываются новые методы оценки окружающей среды на мутагенность. Уже разработаны ясные и четкие рекомендации. Так, например, все вновь разрабатываемые лекарства надо проверять на мутагенность и при малейшем подозрении не разрешать их производство. Облучение при медико-радиологических процедурах как для больных, так и для врачей благодаря совершенству современной аппаратуры уже сведено к минимуму. Но более того. Если тщательно рассмотреть все аспекты мутагенеза, то мы придем к парадоксальному, но единственно правильному выводу: умелое использование современных достижений науки и техники может даже уменьшить природный мутационный процесс. Вполне понятно, что такое использование, как и надежная охрана наследственности человека вообще, возможно лишь под контролем общества и государства.

В медицинской генетике появилась новая дисциплина—экогенетика. Сегодня человек окружен множеством веществ, с которыми он не имел дела в ходе своей эволюции, а следовательно, не проходил «отбора» на чувствительность к ним. И вот новая «болезнь века»: у некоторых людей наблюдаются болезненные реакции на лекарства и пищевые добавки, на химические вещества, с которыми он сталкивается на производстве. Суть этих аллергических реакций ясна: под влиянием новых факторов окружающей среды доколе «дремавшие» гены пробуждаются и вызывают болезненные состояния. Сегодня ведется большая работа по созданию методов проверки химических веществ на патологические врожденные реакции. Так что и экогенетические заболевания не представляют принципиальной опасности—постепенно мы научимся бороться и с ними.

И какую бы область медицинской генетики мы ни взяли, сколь бы глубоко ни рассматривали проблемы, над которыми работают ученые, вывод может быть только один: никакая генетическая катастрофа или вырождение под влиянием научно-технического прогресса человечеству не грозит. Опасен не научно-технический прогресс—опасна только термоядерная война...

— В генетике очень четко прослеживается связь научных исследований с этическими проблемами, зависимостью самого научного поиска от этического смысла их конечных результатов. Каким же образом с этой точки зрения должны использоваться возможности, которые открывает медицинская генетика?

— Больные с наследственными заболеваниями и их семьи—это та группа людей, по отношению к

которой возникает немало этических вопросов—и на работе, и при оказании медицинской помощи, да и вообще в жизни. Но сказать так—еще ничего не сказать. Своеобразный характер течения наследственных заболеваний, их тяжесть, пожизненность, их способность передаваться от поколения к поколению—все это требует от нас, врачей, руководствоваться не только одним гиппократовским принципом «Не повреди». Не повреди—да, но не только самому больному, но и членам его семьи, в том числе и тем, кого сейчас еще нет,—будущим поколениям. И не только «не повреди», но и обязательно «помоги». Я имею в виду активную диагностику наследственных болезней у всех новорожденных. Она этически оправдана, если соблюдаются два условия. Первое: всякий предварительный диагноз должен быть непременно уточнен, перепроверен, чтобы исключить даже малейшую возможность ошибки. И второе: надо обеспечить все возможности для диспансеризации выявленных больных, обеспечить их профилактическое лечение, социальную помощь, медико-генетическое консультирование родителей. В противном случае ранняя диагностика болезней всего лишь экспериментальная процедура, никак не облегчающая страдания больного.

Возникают сложные этические вопросы и при самом медико-генетическом консультировании. Представьте себе: консультант сообщает будущим родителям, что у них может родиться больной ребенок. Но должен ли он настаивать на каком-то определенном решении? Ведь окончательное решение могут принимать родители, и только они одни. И этого права у них отнять нельзя. Сегодня самым эффективным способом избежать рождения больного ребенка является дородовая диагностика. Понятно, что абсолютная точность диагноза здесь требование не только методическое, но прежде всего этическое.

Мы думаем, что в будущем методы генной инженерии будут использоваться для профилактики и лечения наследственных заболеваний. В самом их использовании для помощи людям нет ничего, что противоречило бы этическим нормам. Но совершенно естественно, эти методы должны пройти строжайшую проверку, чтобы исключить возможность не только ближайших, но и самых отдаленных отрицательных генетических последствий.

И абсолютно категоричное требование: ни в ближайшем, ни в самом отдаленном будущем методы генной инженерии не должны использоваться для «улучшения породы человека».

Я хотел бы еще раз подчеркнуть: медицинская генетика располагает сегодня всеми возможностями, чтобы не только не оставить нашим потомкам дополнительного груза патологической наследственности, но, более того, приступить к систематическому избавлению человечества от груза наследственных болезней.

— За годы исследовательской работы у вас, естественно, сложились представления о тех качествах, которые требуются от человека, решившего работать в медицинской генетике. Каков, на ваш взгляд, портрет идеального медицинского генетика?

— Нужна любовь к своей науке, которая бы захватила на всю жизнь. Нужны огромное усердие и умение постоянно учиться. Необходимо развивать в себе научную смелость и оригинальность мышления и обязательно—умение работать в коллективе.

Но есть, разумеется, и целый ряд специфических требований. Современная медицинская генетика требует от исследователя не только профессионального владения всем арсеналом методов этой науки, но широких биологических представлений. Идеалом здесь является наличие медицинского и общепатологического образования. Но ведь сама генетика—наука, основанная на статистических закономерностях. В конце концов существует даже математическая генетика. И поэтому знание тех математических методов, которые «работают» в нашей науке, или в крайнем случае понимание того, когда надо обращаться к математику-профессионалу, отнюдь не будет лишним для успешной работы.

Мне думается, что медицинская генетика дает человеку, работающему в ней, еще одну возможность, столь редкую в наш век специализации,—возможность стать гармонически развитой личностью. Достаточно широкое образование, постоянные контакты с самыми различными специалистами, как естественниками, так и гуманитариями, близость медицинской генетики к этическим и общемировоззренческим проблемам—все это делает многих моих коллег необычайно интересными людьми. И, видимо, не случайно многие из нас любят поэзию Пушкина—самой универсальной личности, рожденной нашим народом.

Беседу вел
Сергей ЧЕРНИКОВ.

Фото
Феликса
СОЛОВЬЕВА

НОВАЯ РУБРИКА Молодежная мода

С художниками-модельерами
Вячеславом
и Егором ЗАЙЦЕВЫМИ
беседует
специальный
корреспондент «Смены»
Леонид ПЛЕШАКОВ

Мы встретились в Доме моды, что в Москве, на проспекте Мира, где старший Зайцев работает младшим руководителем, а младший, недавно окончивший текстильный институт, — рядовым модельером. Огромный опыт одного и свежесть восприятия и принадлежность к молодому поколению другого, как я надеялся, могли помочь более полно рассказать, что сейчас главное в проблеме молодежной моды.

— Нам кажется, что в ряду других задач, стоящих перед молодежной модой, главной является духовное начало — эстетическое воспитание молодежи, — начали Зайцевы. — Прививать хороший вкус трудно. В одежде — тем более. Ведь мало показать: это — хорошо, это — плохо. Надо еще и доказать, что такое утверждение не противоречит истине, а потом предложить молодым соответствующие образцы одежды. Причем необходимо научить пользоваться ими со вкусом, иначе даже самый ультрасовременный наряд может выглядеть смешным, претенциозным, вульгарным. Для молодежи ее одежда при всем утилитаризме ко всему прочему является еще и средством обратить на себя внимание, заявить о себе, выделиться. Неудивительно, что она предпочитает в одежде яркие цвета, рискованный, а порой и вызывающий покрой. Возраст, цветущий вид, энергия позволяют ей подобную броскость внешнего вида. Однако это всегда предполагает опасность переступить границу гармонии и логики, впасть в безвкусицу...

— Каким же образом, по вашему мнению, можно помочь в этом деле молодым?

— Прежде всего необходимо вести

чаще дополняются красочным трикотажем: шапками, шарфами, варежками и гетрами. Этот стиль придает нашим движениям легкость и непринужденность.

Второе очень важное направление — классический английский стиль. Он родился, если можно так выразиться, как рабочая одежда лондонских клерков, мелких чиновников. Но оказался столь удобным функционально, что вот уже полтора столетия, видоизменяясь в деталях, остается в целом неизменным, завоевав практически все страны мира. Но его

ЭТИ МОДЕЛИ
СПОРТИВНОЙ
ОДЕЖДЫ
ПРЕДЛОЖИЛИ
МОДЕЛЕРЫ
И. КРУТИКОВА
И Н. ПАНТЕЛЕЙМОНОВА
ИЗ ВИАЛЕГПРОМА.

«Смена» открывает новую рубрику «Молодежная мода». Материалы на эту тему расскажут об основных направлениях современной моды, ее развитии и тенденциях. Надеемся, что публикации журнала ответят на многие вопросы читателей, встречающиеся в редакционной почте. Ваши пожелания к новой рубрике мы обязательно постараемся учесть.
Ждем ваших писем!

Консультирует Егор ЗАЙЦЕВ

Своеобразием современного этапа развития моды является сосуществование и взаимодействие различных стилей одежды. Сегодняшний мир моды — это яркий, красочный, многоплановый фейерверк форм, объемов, силуэтов. На представленных рисунках схематично показаны различные направления, популярные в этом году. В дальнейшем мы уделим более пристальное внимание каждому из них, сейчас же ограничимся кратким обзором.

Ныне доминирующим среди молодежи сти-

лем является спортивный. Это понятно: двадцатый век — век скоростей, новых ритмов жизни, а наша одежда — зеркало времени. Для спортивного направления характерны большие, свободные объемы курток, юбок, брюк, окрашенных в яркие, сочные тона. Главное достоинство такой моды: функциональность, удобство, общедоступность. Широко использование смешанных полусинтетических и синтетических материалов с химическими пропитками, позволяющих экономить натуральное сырье, что обуславливает и невысокую стоимость такой одежды. Одежда спортивного стиля пригодна и для работы и для отдыха.

Сегодня изделия спортивного стиля все

целенаправленное эстетическое воспитание. Как ни странно, мы зачастую пытаемся делать перед молодежью реверансы и одновременно же боимся пойти навстречу ее запросам. Посмотрите, как выглядят многие так называемые молодежные товары массового производства. Невооруженным глазом видно, что в своей продукции фабрикоизготовители старались не отойти очень далеко от обычных «взрослых» образцов, будто подстраховываясь: если обувь или одежда придутся не по вкусу молодым, их смогут купить и носить потребители более зрелого возраста. Отсюда безадресность товаров. Они будто выпущены для какого-то безликого, абстрактного потребителя, без возраста, без вкуса, которому все равно что надеть и обуть. А ведь таких потребителей практически нет. Все ищут что-то такое, что отенало бы их личным запросам, их понятиям о красоте, элегантности, моде. Предлагаемое берут, только когда не находят нужную вещь. Или вообще отказываются от покупки. Неудивительно, что некоторые изделия легкой промышленности зачастую не находят сбыта, хотя имеется значительный дефицит на иные виды товаров.

— Другими словами, необходимо тщательно изучить молодежный спрос и стараться удовлетворять его?

— Пожалуй, более точно эту задачу следует сформулировать несколько шире: необходимо на лучших примерах отечественной и зарубежной моды воспитывать вкус молодежи, убеждать ее, что достойно внимания, а что следует отвергнуть, и, создав таким образом спрос, стараться оперативно насытить рынок необходимыми товарами.

— Насколько я понял, такую задачу можно решить только совместными усилиями художников, легкой промышленности и торговли.

— Разумеется. Причем эти совместные усилия должны быть своевременными, а под «легкой промышленностью» в данном случае надо подразумевать весь комплекс отраслей, обеспечивающих сырьем и оборудованием обувщиков, текстильщиков, швейников. Ведь без ярких и сочных красителей самые высококачественные ткани и кожи будут выглядеть уныло. Без хорошей фурнитуры не создашь современный костюм и обувь. Новые синтетические материалы и современная технология производства требуют специальных клеев, приспособлений, оборудования. Так что эту сложную задачу

одними собственными силами легкой промышленности решить не сможет. Ей нужна помощь химиков, металлургов, машиностроителей...

— Вы сказали, что воспитывать вкус молодежи необходимо не только совместными, но и своевременными усилиями художников, промышленности и торговли. Что вы имели в виду под словом «своевременные»?

— Наверное, всем хорошо памятен ажиотаж, царивший совсем недавно вокруг джинсов. Самые обычные рабочие брюки из хлопчатобумажной ткани стали чрезвычайно модными, престижной и неоправданно дорогой вещью. Конечно, джинсы очень удобны в наш динамичный век. И все-таки они не стоили тех денег, которые за них готовы были уплатить иные модники. А причина — в дефиците. Это он порождает искаженное представление об истинных ценностях. Это благодаря ему модная тряпка становится мерилем престижа. Прошло немало лет, прежде чем наша промышленность освоила производство нужных тканей, наладила выпуск популярных брюк. Сейчас в продаже бывают отечественные джинсы, качеством не уступающие импортным. Но, к сожалению, их тоже не хватает. Оборотистые люди спарывают с них фабричные ярлыки, пришивают «лейблы» иностранных фирм и перепродают под видом заграничных с большой выгодой для себя. Если бы все причастные к ширпотребу организации своевременно и должным образом среагировали на «джинсовую» проблему, ее бы давно не существовало.

Или еще пример. В последнее время у молодежи стало модным носить куртки, рубашки, майки с цветными рисунками или различными надписями. Иностранцы фирмы, выпускающие одежду, быстро приспособились к этому обстоятельству и, умело направив его в нужное для них русло, стали использовать для рекламы своих товаров, а то и «публикации» различных политических лозунгов и всякого рода сомнительных по содержанию сентенций. Когда эта мода докатилась до наших носителей текстильных благословностей, наша промышленность попыталась исправить положение, выпустив одежду с надписями типа «БАМ», «Уренгой», «Спорт». Но нужный эффект достигнут не был. Нет слов, наши великие стройки достойны того, чтобы о них говорили, а занятия спортом заслуживает рекламы. Но, во-первых, нельзя это делать напрямую, «в лоб», и, во-вторых, главное — всякая

надпись, рисунок должны быть выполнены на высоком художественном уровне. Ведь молодых людей интересует не только то, что написано на их одежде, но и как это сделано. Ибо и рисунок и надпись являются в данном случае элементом художественного (или малохудожественного) оформления одежды, декоративной деталью. У нас есть масса талантливых дизайнеров, графиков, живописцев, которые могли бы предложить потрясающе интересные решения этой темы, перенести на одежду не иностранную, а советскую символику. Но своевременно за помощью к ним не обратились. Вот и мелькают иной раз в толпе либо унылые, ничего не говорящие надписи, либо яркие рекламы иностранных сигарет.

— О недостатках нашей легкой промышленности говорится так много и так часто, что представители этой отрасли к подобной критике вроде бы привыкли и на нее не реагируют. В чем тут, на ваш взгляд, главная беда?

— Если коротко: в нерасторопности и отсутствии обратной связи. Самое обидное: мы можем выпускать добротные товары, но они поступают в торговую сеть года через два-три после того, как вышли из моды, и, понятно, устаревшие образцы не находят сбыта. Наша торговля плохо изучает потребительский спрос, а промышленность никак не научится оперативно реагировать на него. В этом отношении предприятия бытового обслуживания значительно ушли вперед. Например, в нашем Доме моды можно не только посмотреть демонстрацию новинок одежды, но тут же купить любой из образцов стандартных размеров, а если размер не подходит, заказать по себе. Эта прямая связь с потребителем быстро и убедительно показывает, какие из разработанных нами моделей пользуются спросом, какие менее удачны. Кстати, у нас разработана большая молодежная коллекция, способная удовлетворить самого взыскательного клиента...

— Но цены...

— Да, цены высокие. Однако наши покупатели понимают: красивая одежда пока стоит дорого. К тому же, если разработанные у нас модели запустить в промышленное производство — для этого они достаточно технологичны, — их стоимость резко снизится, что немаловажно для широкого потребителя, особенно молодого.

— Как бы ни поворачивался разговор о молодежной моде, он рано или поздно

от вопросов эстетики обязательно переходит к вопросам экономики...

— Это естественно, так как экономические и эстетические стороны данной проблемы очень тесно связаны между собой, и, обходя одну из них, нельзя забывать о другой. И если, допустим, мы говорим о воспитании хорошего вкуса, то не должны забывать и о таком важном деле, как формирование разумных потребностей. Красиво и современно одеваться — это вовсе не значит иметь много дорогих вещей. Умение одеться — тоже творчество. И тут самое главное — найти себя, свой образ, понять, что тебе идет, что нет. Сейчас в мировой моде существует множество разных, непохожих друг на друга направлений. Нет диктата какого-то одного стиля, который бы доминировал над всеми остальными. И это хорошо. В таком многообразии предложений можно найти нечто такое, что лучшим образом может выразить твою индивидуальность. К тому же существует определенное взаимное проникновение стилей...

— Но в этом, по-моему, кроется и опасность: можно надергать из разных стилей самое лучшее и выглядеть в результате чучелом...

— Вот именно. И чтобы этого не случилось, нужно научить молодежь хотя бы элементарному пониманию эстетики костюма.

— На VI пленуме ЦК ВЛКСМ затрагивалась эта тема. В частности, говорилось, что центрами по изучению и удовлетворению спроса, а также по формированию разумных потребностей у молодых людей должны стать магазины «Товары для молодежи». Сейчас в стране открыто пока что двадцать четыре таких магазина...

— Это очень хорошо. Но эти магазины на такую огромную державу, как наша, — капля в море. Их нужно во много-много раз больше. Вообще, необходимо, чтобы они были не просто «торговыми точками» с молодежным ассортиментом, а еще и центрами воспитания вкуса. В Венгрии и ГДР, например, в таких магазинах можно послушать музыку, купить какое-то произведение искусства, выпить чашечку кофе. Даже по своему оформлению молодежные магазины отличаются от обычных промтоварных. Нам стоило бы перенять опыт братских стран. Зачем изобретать велосипед? Такие магазины должны располагать в достаточном количестве современными популярными молодежными товарами. Ибо любой дефицит — враг моды.

жизненность объясняется не столько консервированностью самого костюма, сколько консерватизмом нашего мышления. Эта сдержанная, элегантная одежда людей среднего и старшего возраста привлекает своей лаконичностью и опять-таки общедоступностью. Классические костюмы несут нам освобождение от суевы, заставляют двигаться плавно и достойно. Но классический образ не статичен: веяния моды постоянно подвергаются шири-

на лацканов, объем плеч, длина пиджаков и жакетов, силуэты юбок и брюк.

Тема романтизма особенно увлекает нас в начале жизненного пути. Легкие, воздушные платья с большим количеством воланов и оборок, свободные блузоны, струящиеся мелкими складками. — истоки этого стиля находим мы в глубине веков, в призрачной дали ушедших цивилизаций. Так одевались герои и героини наших любимых романов. И сейчас, пропустив сквозь призму сегодняшнего восприятия смысл и формы давних идей, роман-

тический стиль дарит нам особое чувство радости и легкой грусти, таинственной и прекрасной одежды.

Совершенно противоположным романтизму является новый авангардный стиль. Он рожден не эхом ушедших времен, а нашим веком, достижениями научно-технического прогресса, завоеваниями в космосе, появлением новых синтетических материалов. Неожиданные цветовые решения, необычные формы и

объемы, металлические дополнения — аксессуары, символика — вот отличительные черты этого космического стиля — спутника нашего энергичного времени.

Однако при всем многообразии представленных здесь главных направлений моды существует стиль, объединяющий и питающий их своей вечной мудростью и объективностью. Это фольклорный стиль — незабываемый образ народного костюма. Народный костюм формировался в XIV—XV веках. Претерпевая естественные изменения, он пронес через века свои главные достоинства: удобство, простоту кроя, жизнерадостность цвета, функциональность. Спортивный и романтический стили, тема авангарда — все они рождены на основе принципов народного костюма: новые формы, цвета, конструкции — это современная оценка художником многовековой народной мудрости.

У каждого существующего сегодня стиля есть свои поклонники. Может быть, кто-то откроет для себя двери в еще более новое, пока неведомое направление, но никого не оставят равнодушным маленькие праздники, которые дарит нам древнейшее из искусств — искусство одежды. Главное — не заблудиться в этом мире. И свою задачу модельеры видят в том, чтобы помочь многим найти именно свой, отличный от других образ, содержательный и красноречивый.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей эскизы моделей одежды для молодежи. Ваше мнение? Оцените этот поиск, насколько он, на ваш взгляд, удачен, плодотворен, отвечает вашим вкусам.

Джаз как разновидность музыки, в сущности, феномен — исторический, эстетический, социальный. Он несопоставим ни с одним классическим музыкальным жанром, чье развитие совершалось веками. За какие-нибудь 70—80 лет джаз, это талантливое детище негритянского народа, проделал невиданный путь: возникнув в замкнутой социальной среде, будучи поначалу бытовой, чисто прикладной музыкой, он щедро рождал все новые и новые формы, преобразил музыкальный быт современного мира и, наконец, стал в наши дни явлением поистине интернациональным, без которого уже невозможно представить культуру XX века.

Предлагаем вниманию читателей материал американского музыковеда Джеймса Линкольна Коллиера об одной из ярчайших фигур американского джаза, Луи Армстронге.

МАЭСТРО РОДОМ ИЗ ТРУЩОБ

Джеймс Л. КОЛЛИЕР

Луи Армстронг родился в бедности, рос в невежестве. Но, к счастью для него, да и для нас, он родился гением. Гений в моем понимании — это тот, чье творчество выше всякого анализа. Рядовой художник лишь выявляет существующие связи; великий же художник создает новые, удивительные комбинации, показывая возможность гармонического соединения, казалось бы, разнородных элементов. В жизни и в характере рядового художника мы всегда можем обнаружить, откуда он черпал свои идеи, встречаясь с гением, мы зачастую не в состоянии понять, как он пришел к столь поразительным открытиям. Чувство мелодии у Армстронга было исключительным, и вряд ли кто может объяснить, как зародился у него этот дар и в чем заключалось его магическое воздействие.

Армстронг начал играть на корнете довольно поздно — в четырнадцать лет. Не зная нот, за какие-нибудь несколько месяцев он так овладел инструментом, что смог возглавить группу школьных музыкантов. Четыре года спустя он уже был корнетистом в ведущем джаз-бэнде Нового Орлеана. Еще через четыре года он был признан лучшим джазменом своего времени, а ведь ему тогда еще не было и двадцати трех лет. К двадцати

восемью годам он уже сделал серию записей, которые не только решительным образом повлияли на развитие джаза, но и вошли в историю американской музыки.

Луи Армстронг родился в Новом Орлеане 4 июля 1900 года. Дед Армстронга был рабом. Его отец Уилли был поденщиком, большую часть жизни проработал на небольшом скипидарном заводе, где дослужился до надсмотрщика. Мать — Мэри Энн, или, как ее звали близкие, Мэйенн, — была прачкой. В духовном развитии сына Мэйенн сыграла важную роль: любовь матери и сына друг к другу, судя по всему, была глубокой и искренней.

Родители Армстронга разошлись почти сразу после его рождения, и Луи воспитывала Джозефин Армстронг, бабушка по отцовской линии. Он переехал к матери, лишь когда пошел в школу. Жили трудно, как обычно живут в негритянском гетто. Размышляя о характере Армстронга, следует помнить, что он рос не просто в бедности — он был до крайности обделен материально и духовно. Одевался Армстронг лишь в то, что переходило к нему «по наследству»: весь его «гардероб» состоял из брюк да одной-двух рубашек. Питался он скудно и однообразно. Иногда в поисках пищи ему приходилось рыться в мусорных ящиках. Вокруг себя он наблюдал обычную жизнь Сторивилля, где царили беспорядок, пьянство, проституция, наркомания, насилие, слу-

чались и убийства. Повсюду мусор, крысы, вонь, грязь, нищета. Маленький Армстронг рано стал зарабатывать деньги, которых в семье вечно не хватало: был мальчишкой на побегушках, продавал газеты, разносил уголь... Учился он урывками, часто голодал. Удивительно не то, что он стал знаменитым, а то, что он вообще выжил.

Светлым лучом в этом кошмаре была сначала любовь бабушки, оберегавшей его в раннем детстве, а затем — Мэйенн. Мать дала Луи больше, чем мог ему дать отец. Позднее Армстронг с горечью вспоминал: «У отца не было времени учить меня чему-нибудь...» Но, очевидно, материнской любви оказалось достаточно. Луи вырос здоровым и неунывающим мальчишкой, и все вокруг любило его.

Поворотное событие в жизни Армстронга — и одно из центральных в истории джаза — произошло в первый день 1913 года. Новый Орлеан традиционно отмечал этот праздник шумными торжествами и фейерверком. Раздобыв пистолет, принадлежавший очередному «отчиму», Армстронг выстрелил в воздух. На шум явился полицейский и арестовал Луи. Затем он был отправлен в колонию для малолетних цветных «Уэйфс Хоум». Это может показаться довольно жестоким наказанием за столь невинный проступок, особенно в отношении юнца. Но сердобольный судья, очевидно, счел нужным отправить ребенка подальше от Сторивилля.

Поначалу Армстронг скучал по дому, но затем «Уэйфс Хоум» стал ему даже нравиться.

В колонии был медный духовой оркестр и какая-то вокальная группа, кажется, хор. Сначала Армстронг записался в хор, потом попросил руководителя Питера Девиса взять его в оркестр. Армстронг начал с тамбурина, и его необыкновенное чувство ритма так поразило Девиса, что он перевел его на ударные инструменты. Спустя короткое время Армстронг перешел на альтгорн — оркестровый инструмент, похожий на корнет, но с более низким тоном звучания. Армстронг быстро освоил его.

Неизвестно, какую музыку играл тот оркестр и знали ли его маленькие музыканты ноты. Считается, что Армстронг не умел читать с листа. Важной особенностью гения Армстронга было тонкое ощущение гармонии, в то время как многие джазмены слабо ориентировались в теории музыки. Любой профессиональный музыкант наверняка смог бы сыграть все то, что играл Армстронг в оркестре «Уэйфс Хоум», — вся разница лишь в том, что в то время ему было четырнадцать лет и он не имел никакого музыкального образования.

Итак, одаренность Армстронга была очевидна с самого начала. Питеру Девису очень понравился Луи, как позднее он нравился многим, с кем сводила его судьба. При первой возможности Девис сделал его горнистом колонии, затем научил играть на корнете, и в конце

концов Армстронг стал ведущим музыкантом оркестра. Сам Армстронг говорил, что Девис учил его понимать важность правильного извлечения звука, находить верный тон, и эти уроки были очень полезны. Армстронг писал позднее о своем пребывании в «Уэйфс Хоум»: «Эта колония скорее была для меня школой-пансионатом, нежели тюрьмой для малолетних».

Через три года отец забрал Луи из колонии, но он сделал это не из добрых побуждений — просто ему нужна была нянька для детей от второго брака, так как он и его жена работали. Армстронгу это не понравилось, и при первом удобном случае он с радостью сбежал к Мэйенн. Ему было уже почти шестнадцать лет, и он считал себя мужчиной.

За 75 центов в день он нанялся разносить и продавать уголь. Одновременно, когда была возможность, он играл на корнете в барах Сторивилля — 1 доллар 25 центов за вечер плюс чаевые. Так он сделался кормильцем семьи и оставался им всю жизнь.

Его мастерство музыканта стремительно росло. Он организовал с друзьями маленький оркестр, который играл в дешевых барах и на вечеринках. В это же время Армстронг начал появляться в кабаре, где выступал оркестр под управлением Кида Ори, в составе которого играл корнетист Джо Оливер. Подобно другим музыкантам старшего поколения, Оливер проникся расположением к Армстронгу и обучил его некоторым профессиональным приемам. Но истина такова, что учителем Армстронга был сам Армстронг. Общая концепция игры у него была самостоятельной. Реальным результатом общения Оливера и Армстронга было то, что время от времени музыкант посылал Луи играть вместо себя в оркестре Ори. Когда же Оливер в 1918 году уехал на Север, в Чикаго, Ори взял Армстронга на его место. Джаз-оркестр Ори считался одним из лучших в Новом Орлеане, и в свои восемнадцать лет Армстронг стал ведущим корнетистом.

В течение последующих пяти лет он перебивался случайными заработками в различных городских оркестрах, совершенствовал свое мастерство. Играл он также и на старых колесных речных пароходах, которые стали использоваться в качестве плавучих театров. Они совершали дневные или вечерние многочасовые экскурсии, к ночи возвращаясь в порт, либо двигались вверх по Миссисипи, останавливаясь по вечерам в каком-нибудь населенном пункте, чтобы дать представление на берегу. Здесь царил атмосфера карнавала, и музыка была неотъемлемым атрибутом общего празднества.

В 1922 году Оливер пригласил Армстронга в Чикаго. Армстронг приехал и... буквально «выдул» всех музыкантов из города. Он стал работать с Оливером в «Линкольн-Гарденс», спустя некоторое время ему удалось записать первые граммпластинки. Друзья долго уговаривали Армстронга создать собственный оркестр, но он отказывался, не желая обидеть Оливера, которому был искренне благодарен. Ни тогда, ни позже Армстронгу не было свойственно доставлять людям неприятности.

В начале 1924 года Армстронг женился на Лиллиан Хардин, пианистке из оркестра Оливера. У нее было классическое музыкальное образование, но в джазе она не преуспела, хотя и разбиралась в нем довольно хорошо. Лиллиан решила сделать из своего мужа звезду джаза. Она помогла ему освоить чтение нот с листа, уредила оставить оркестр Оливера и перейти работать в кафе «Дримленд». Примерно в то же время Флетчер Хендерсон предложил Армстронгу работу в своем оркестре.

Проработав год с оркестром Хендерсона, Армстронг осенью 1925 года вернулся в кафе «Дримленд» и начал там играть в оркестре, который организовала Лиллиан, за 75 долларов в неделю — баснословный по тем временам гонорар для черного джазмена.

12 ноября 1925 года Армстронг сделал первую запись из серии граммпластинок, известной под названием «Хот файв» и «Хот севен». Эти записи, ставшие важными вехами в истории джаза, вызвали неописуемый восторг музыкантов и любителей в Соединенных Штатах и в Европе и изменили само направление развития этого вида искусства. В течение последующих лет Армстронг играл как солист в группах Тэйта, Карола Дикерсона, а также в группах, носивших его имя.

В 1929 году Армстронг переехал из Чикаго в Нью-Йорк. В последующие семнадцать лет ему предстояло быть главным солистом большого оркестра. Теперь он уже был не просто джазменом из Нового Орлеана, а ведущим представителем нового вида искусства, хорошо известным и почитаемым во всем мире. Отныне его жизнь была полностью отдана джазу. Как всякий популярный музыкант, он много гастролировал. Его энергия поражала всех, кто его знал. Во время депрессии, когда многим музыкантам было трудно найти хоть какую-нибудь работу, Армстронг мог иметь — и имел — контракты на выступления 365 раз в году.

За двадцать лет (после первой записи из серии «Хот файв») он сыграл невероятно много джазовых пьес. Его челюсти, выражаясь музыкальным языком, стали «железными». Столь частая сольная игра на публике выработала у него физическую выносливость, а главное, позволяла ему расти в профессиональном отношении: он мог экспериментировать, мог рисковать. Исполнение сложных технических приемов, овладеть которыми стремились другие музыканты, стало для Армстронга естественным, поскольку он многократно повторял их перед публикой.

И тем не менее жизнь не баловала его. Брак с Лиллиан потерпел крушение еще до его отъезда в Нью-Йорк. В начале 30-х годов он женился еще раз, и опять неудачно, и, наконец, его женой стала статистка Люсилл Уилсон, которая смогла обеспечить ему некоторое душевное спокойствие до конца жизни. В финансовых делах Армстронга также царил беспорядок. В 1933 году, разочарованный и усталый, Армстронг отправился в длительную гастрольную поездку по Европе.

Восторженный прием, оказанный ему в различных европейских странах, оказал на него благотворное влияние. Это видно и по записям, которые он возобновил в 1935 году. Примерно в то же время он поручил вести свои дела Джо Глейзеру, в прошлом антрепренеру и владельцу ночного клуба. На сей раз выбор оказался удачным. Глейзер оставил собственные дела и вплотную занялся карьерой Армстронга, самостоятельно принимая решения по крупным и мелким вопросам. Луи был рад перепоручить ему это — теперь все свое время он мог отдавать музыке. Период с 1935 года до начала войны был весьма плодотворным для Армстронга: он сделал много записей, снялся в десятках фильмов.

Эпоха биг-бэндов длилась до 1946 года, когда вдруг эра свинга стремительно оборвалась. Армстронг вернулся к небольшим пьесам типа дискленд, стал значительно больше петь. Теперь он был более популярен как певец. После 1950 года Армстронг-трубач вряд ли мог сказать миру что-нибудь новое: он уже сказал все. До конца своих дней (он умер 6 июля 1971 года) Армстронг продолжал выступать перед публикой. После его кончины многие поклонники, полюбившие его за исполнение песен «Хэлло, Долли» и «Маки наиф», с удивлением узнали из некрологов, что Армстронг был одним из величайших джазовых музыкантов, которых знал свет.

В чем же неповторимость игры Армстронга? Прежде всего в виртуозном владении инструментом. Его тон во всех регистрах был теплым и насыщенным, как мед. Его атака — мощной и чистой. Там, где многие джазовые музыканты,

играющие на духовых инструментах, демонстрировали на фоне легато нечеткое, расплывчатое стаккато, Армстронг мгновенно извлекал звук острый, как бритва. Его вибрато было широким и более замедленным, чем несколько нервное вибрато Оливера и других музыкантов Нового Орлеана. Хотя по нынешним меркам его владение верхним регистром вряд ли кого-нибудь удивит, следует помнить, что именно Армстронг впервые привнес в джаз игру в высоком регистре и в этом далеко опередил своих современников. Армстронг обогатил палитру джаза уникальными звуками.

Но в конечном счете нас поражает именно его мелодическая концепция.

В музыке Луи Армстронга широко представлен разговорный элемент. Армстронг более остро, чем любой другой исполнитель в истории джаза, чувствовал форму. Родись он в иной культурной среде, из него мог бы выйти прекрасный архитектор или драматург. Его сольные номера — это не набор мелодических фрагментов, связанных только настроением, а нерасторжимое целое, в котором органично объединены начало, середина и конец. И хотя у Армстронга, как у любого исполнителя, бывали минуты слабости, моменты, когда он просто играл на публику, его лучшие работы — это всегда драматические миниатюры.

Армстронг записывался на пластинки как со своим оркестром «Олл старс» так и с другими коммерческими оркестрами. Он снялся примерно в пятидесяти фильмах — это, несомненно, рекордное число для популярного музыканта. Естественно, что Армстронг повторялся, довольствуясь пением и гримасничаньем перед публикой, движимый единственным желанием — нравиться. Армстронг становился похожим на заурядную звезду поп-музыки, и это разочаровывало многих его поклонников. Кроме того, это вызывало неприязнь молодых воинственно настроенных негров, обвинявших Армстронга в том, что он, как «дядя Том», всегда готов «выдать» свою широкую, как рожь, улыбку, чтобы понравиться белым. Армстронг действительно обычно воздерживался от высказываний о расовой сегрегации. Но вряд ли эти обвинения справедливы: Армстронг был и оставался негром.

Он вырос в среде, где умение строить отношения с белыми было не просто вопросом дипломатии. От этого зависело, был ли он сыт, имел ли он кров над головой, наконец, это был вопрос жизни и смерти. Армстронг любил вспоминать напутственные слова знакомого новоорлеанского ресторанный вышибалы, когда он уезжал на Север, к Оливеру: «Всегда имей за собой белого человека, который сможет положить руку тебе на плечо и сказать: это мой черномазый». Сегодня это бесхитростное наставление может привести нас в ужас. Но мы должны помнить, что в то время какой-либо протест со стороны негра был просто немислим. И в своем стремлении заручиться поддержкой белых Армстронг не подделывался под дядю Тома, а трезво выбирал единственный путь, позволявший ему выжить.

Этим объясняется тот факт, что Армстронг почти полностью передал свои дела в руки Джо Глейзера. Говорили, что Глейзер разбогател за счет Армстронга, и, несомненно, так оно и было. Но, с другой стороны, без помощи Глейзера или ему подобно Армстронг вряд ли достиг бы и малой толики славы и богатства, которые он имел. Глейзер подбирал музыкантов для оркестра, формировал репертуар, заключал контракты и в целом руководил профессиональной карьерой Армстронга, избавляя его от массы хлопот. Они были привязаны друг к другу, и Армстронг доверял Глейзеру, как близкому человеку.

Творческое лицо Армстронга мало интересовало Глейзера. Он вынуждал его исполнять популярные песенки, играть в кино примитивные роли ухмыляющегося

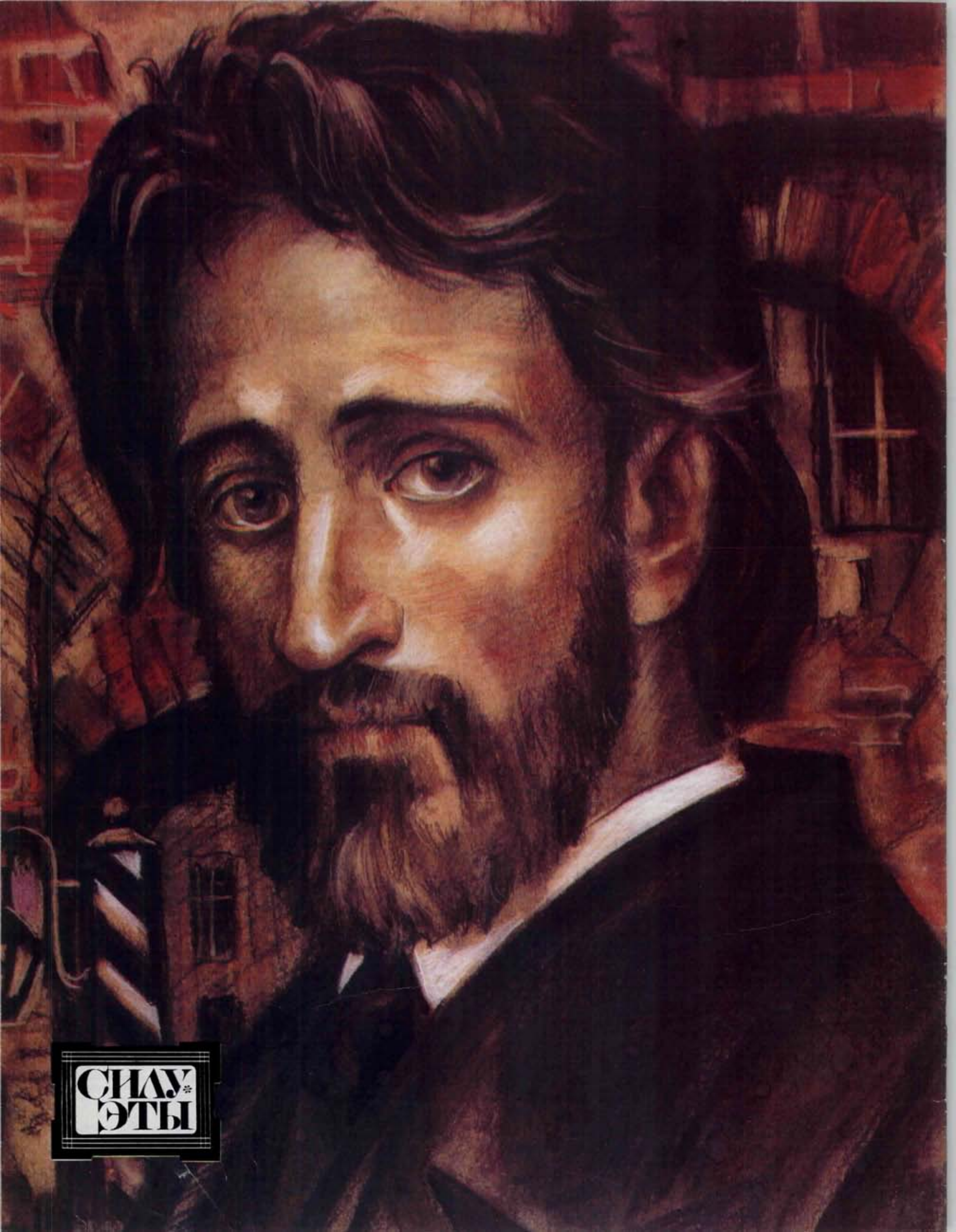
негра, петь вместе с Бингом Кросби по радио банальные мелодии — словом, вынуждал делать все необходимое, чтобы стать знаменитостью. А это давало шанс разбогатеть. Армстронг приостановился в своем творческом росте во второй половине жизни. Как творческую личность его погубили представления Глейзера о том, каким музыкантом ему нужно быть. Нам остается лишь строить догадки, каким бы стал Армстронг, если бы, например, Дюк Эллингтон или Гил Эванс, предложили ему иной путь в музыке.

Но нельзя во всем винить Глейзера. В конечном счете Армстронг отвечал сам за себя. Можно еще раз вспомнить о его происхождении. Образ художника, наделенного божественным даром и держащегося в стороне от низкой толпы, завещан нам романтизмом. Но вряд ли этот образ подходит для всех времен. Еще сравнительно недавно, в XVIII веке, аристократия смотрела на писателей, художников, актеров, музыкантов как на слуг. У Армстронга вообще не было каких-либо четких представлений о позиции художника. Негр-юнонин, он считал себя эстрадным артистом. Работая с оркестром Вандомского театра, он часто исполнял «дежурный» номер — сценку с забавным проповедником, распространенную в негритянском водевиле, в кабаре он разыгрывал комедийную интермедию низкого пошиба — «Муж и жена». Мы должны понять, что человек, гримасничавший в фильме «Хэлло, Долли», следовал традиции, в которой был воспитан.

Но характер Армстронга — это не только продукт его профессиональной среды. Его индивидуальность сложилась под влиянием отношений с матерью, отцом, другими людьми, окружавшими его в юности. Именно в детстве, в юности лежат корни таких его черт, как неукротимое желание нравиться тем, кто хоть в какой-то степени напоминал ему отца. Практически у него никогда не было настоящего отца, да и мать иной раз пренебрегала им, что заставляло его искать расположения незнакомых людей. Он изголодался по привязанностям. Да, именно «изголодался». Изголодался и в прямом смысле: еда всю жизнь была его навязчивой идеей. В своих воспоминаниях он постоянно говорит о еде, подробнейшим образом описывая трапезы тридцатилетней давности. Даже письма он подписывал гастрономически — «Ваш бобовый и рисовый». Когда он впервые уехал из дому и начал работать на речных судах, он сразу же прибавил в весе (его рост был 160 см), и с тех пор он не отказывал себе в удовольствии поесть.

Думается, что и без особых познаний в психологии можно найти объяснение его навязчивой идее. Неудивительно, что большую часть своей жизни он стремился нравиться другим. Неудивительно, что он не раз выдумывал себе «отцов». Таким были: Питер Девис в детской колонии для цветных; Дэйвид Джонс, игравший на меллофоне на речных судах; Кинг Оливер и, наконец, Джо Глейзер. Если бы Армстронгу не удалось расположить к себе этих людей, то ему, возможно, всю жизнь пришлось бы разносить уголь по улицам Нового Орлеана, а джаз развивался бы в совершенно ином русле. Заслуга Армстронга состоит в том, что он превратил джаз из коллективной музыки в искусство сольной игры. Известные солисты появлялись и до него, но тогда соло было лишь случайным элементом в исполнении ансамбля. Феномен Армстронга совершил переворот. Молодые музыканты ясно поняли, что только главный солист, а не просто рядовой участник ансамбля, имел шанс стать знаменитым и прославиться. Как бы там ни было, именно благодаря Армстронгу джаз стал прежде всего искусством солистов.

Перевела с английского
Ольга МЕДВЕДЕВА.

**СИЛУ
ЭТЫ**

ГАРШИН

Владимир
ПОРУДОМИНСКИЙ

Вот уж воистину: однажды проснулся знаменитым!.. Имя его, вчера никому не ведомое, восторженно повторяет читающая Россия; в фотографии, где он недавно снимался, разбирают нарастающий его портрет: молодой человек в серой солдатской шинели, прекрасное лицо, глубокая дума в прекрасных, печальных глазах; всякого, кто хоть раз его встретит, эти глаза останавливают, не отступая, всякому навек запомнятся — «страдальческие», «проникновенные»: говорить о них будут много и неизменно, вплоть до —
Я ничего не знал

прекрасней и печальней
Лучистых глаз твоих

и бледного чела... —
стишок, произнесенных над свежей его могилой; с того дня, как явилась к нему нежданная и яркая слава, всего-то пройдет десять лет и пять месяцев — немного оказалось ему отпущено.

А начинается все с неполных десяти страничек в октябрьском номере журнала «Отечественные записки» 1877 года, озаглавленных «Четыре дня» и подписанных «Всеволод Гаршин».

Продолжается война, русская армия под Плевной, идут бои за свободу Болгарии, за освобождение славянских народов от чужеземного ига, но при этом у царского самодержавия свои виды; разобраться в характере войны, определить к ней отношение не так-то просто. О войне пишут много и по-разному: официальные обозреватели, подчинившие перо этим самым «видам», ретивые борзописцы, воспевающие и призывающие, лихие «собственные корреспонденты», но также пишут о войне люди, жаждущие глубоко осмыслить происходящие события. В «Отечественных записках», в том самом десятом, октябрьском номере, где гаршинские «Четыре дня», — окончание очерка Салтыкова-Щедрина, редактора журнала: очерк о самоотверженности русского народа — и о чиновных господах, у которых под прицелом всего раньше «враг внутренний», о казенных крикунах, о светских болтунах-благотворителях, жуликах, греющих руки на горе народном, очерк о том, что стыдно пить не торопясь кофе и долготычиничать о подвигах, когда на далеких придунайских равнинах и в горах Балканских «мрет поилец-кормилец русской земли», когда «со сцены ни на мгновение не сходит единственное действующее лицо — смерть».

О войне пишут много и разное, но что-то должен был Гаршин свое сказать, прежде никем не вымолвленное, и сказать по-своему, чтобы всякий, эти его неполные десять страничек прочитавший, вдруг остановился, огляделся, задумался, все сказанное перечувствовал, выстрадал, переболел им, чтобы вот эдак — журнал едва из машины, а «Четыре дня», имя автора — у всех на устах.

Подзаголовок в журнале: «Один из эпизодов войны». И впрямь — один из эпизодов, которого Гаршин оказался свидетелем: рядовой Василий Арсеньев, раненый в обе ноги, был лишь на пятый день найден товарищами в густом кустарнике. Он мучился от боли, жары, голода, пил крохотными глотками воду из фляжки, снятой с лежащего рядом

убитого неприятельского солдата, боялся крикнуть, позвать своих, чтобы не попасть в плен. Все это есть и в гаршинском рассказе, но как далеко ушли «Четыре дня» от ужасного и все-таки частного («одного из...») эпизода войны, как углублен, обобщен эпизод при творческом его осмыслении, какой громадный общечеловеческий смысл обрел он в рассказе, и от этого выросли достоверность его и значение!..

В «Отечественных записках» под рассказом помета: «Бела. Август 1877 г.»

Бела — селение неподалеку от места ожесточенных боев; подзаголовок и помета (в пору, когда война не кончена) призваны подчеркнуть документальную точность рассказа, — тем сильнее, оглушительнее размышления над частным фактом: читателя, по привычке к трехзначным цифрам убитых и раненых, за утренним чаем — «кофеем» пробагающего невнимательным взглядом газеты с этими цифрами, — будто током!.. А ведь в реляции об эпизоде могло быть всего-то «убитых — 1». В рассказе открывается цена одной-единственной жизни, точнее, бесценность ее. Так и герой рассказа, очнувшись, видит перед собой несколько травинку, муравья, ползущего вниз головой, кусочки сора от прошлогодней травы («Вот весь мой мир»), но чуть позже он незаметно для себя переворачивается, и перед ним мир необъятный: огромное небо и яркие звезды на нем.

Рядовой Арсеньев уступает в рассказе место другому рядовому — Иванову; фамилия (умышленно, конечно) выбрана самая распространенная и оттого неяркая; впрочем, произносится она, видимо, не совсем привычно, с ударением на «а» — Иванов; когда у Гаршина появляется мужик Иванов, писатель это ударением (на «о») отмечает. Со своим героем Гаршин долго не расстанется: пять лет спустя он напишет рассказ «Из воспоминаний рядового Иванова» — там тот же «барин Иванов» (как кличут его остальные солдаты), «господин студент», добровольно вступивший в военную службу. Судьба гаршинского героя не столь обыденна, как судьба мужика Иванова, но по-своему тоже типична: «смирный, добродушный молодой человек, знавший до сих пор только свои книги, да аудиторию, да семью и еще несколько близких людей, думавший через год-два начать иную работу, труд любви и правды», полагавший, что сумеет избежать существоющего в мире зла, вдруг встречает это зло лицом к лицу.

Вот он, беспомощный, на маленькой, обросшей кустами поляне; рядом разлагающийся труп убитого им человека. «Я никогда не находился в таком странном положении...» Еще был! Все, казалось, обдуманно, решено, и выбор сделан окончательный, единственно возможный, но, как часто у Гаршина (и в нашей жизни тоже!), в момент предельный, у роковой черты человек начинает осознавать все происходящее иначе, по-новому, мыслит глубоко и беспощадно точно. Война, пределом которой представлялась готовность быть убитым («Я представлял себе только, как я буду подставлять свою грудь под пули»), оборачивается еще и необходимостью убивать. И тогда: «За что я его убил? Чем же он виноват?» И следом: «А чем виноват я, хотя я и убил его?» Миражное поле сражения, где люди подставляют грудь вражеским выстрелам, сменяется реальным образом скелета в мундире. «Это война, — подумал я: — вот ее изображение».

Тотчас в памяти Верещагин — «Апо-

феоз войны»: пирамида черепов в выжженной солнцем пустыне; созвучие не случайное: тремя годами раньше «Четырех дней» в ломких юношеских стихах Гаршина о потрясенной обществом верещагинской выставке — острый спор с теми, кто за ловкими фразами о живописной «технике» укрывал подлинный смысл объявивших войну войне полотен:

Я не увидел в них
эффектного эскиза,

Увидел смерть...

А спустя три года герой «Четырех дней», на страшный скелет глядя и с ужасом угадывая в нем собственное завтра, произносит и свой приговор: «Весь мир проклянешь, что выдумал на страдание людям войну!»

Но вот ведь в чем штука: стоит лишь задуматься — а что если Иванов «Четырех дней», такой, как в конце рассказа, прозревший, будет вновь поставлен перед необходимостью того же выбора? Что тогда — больше не пойдет воевать? И тут-то опять ответ неизбежный: ну, конечно, пойдет, снова сам пойдет на войну, как пошел в первый раз. Здесь все дело в особом устройстве личности: не может отсиживаться в тепле и холе (да еще, подобно иным господам толковать о героизме, любви к родине и прочих доблестях), когда другие, волею или неволею, идут, и грудь подставляют, и мрут.

Вскоре после смерти Гаршина Чехов напишет рассказ «Припадок» и в нем, по собственному признанию, воздаст ушедшему товарищу «ту дань, какую хотел и умел». Герой рассказа — «молодой человек гаршинской закваски», определит сам Чехов. И объяснит: «Есть таланты писательские, сценические, художнические, у него же особый талант — **человеческий**. Он обладает тонким, великодушным чутьем к боли вообще». Но только ли чутье, только ли способность, как Чехов пишет, «отражать в своей душе чужую боль»? Молодой человек гаршинской закваски, будь то сам писатель или герой его, не просто чужую боль сильно и остро чувствует, не просто незаживающей раной в своей душе носит — он (и сам Гаршин и герой его) непременно желает еще действовать и, если не имеет сил и умения бороться, чтобы боль эту искоренить, то жаждет, чтобы чужая, тем более общая победа и его коснулась; не может чужую, общую боль-беду не разделить: рядом с несчастным другим ему совместно быть счастливым. Осознание, прозрение — все так; но есть у Гаршина и героев его еще нечто — вот это **«не могу не...»**.

«Мамочка, я не могу прятаться за стенами заведения, когда мои сверстники лбы и груди подставляют под пули...» Это студент Горного института Всеволод Гаршин — матери на другой день после начала войны. Имел право «прятаться» — **не мог!**..

Он и в раннем детстве (близкие вспоминают) под впечатлением разговоров о недавней Севастопольской кампании не играет, а впрямь собирается на войну, в солдат; печальный, подходит к матери протасты. «Что же делать, — говорит он, — все должны служить».

И после «Четырех дней», в которых явил миру прозрение пошедшего на войну молодого человека гаршинской закваски, после «Четырех дней», на вершине славы, размышляя о возможной войне, он снова: «Тогда — дело другое: придется подставлять грудь». Уже все видел, все понял, и страшный скелет в мундире со светлыми пуговицами неотступно мучает воображение, а

«придется подставлять»... Молодому человеку, доказывавшему, что безразлично, отвергая войну, добровольно на нее идти, он отвечал взволнованно: раз мы не научились предотвращать войны, всего безразличнее сидеть дома, когда солдаты умирают...

И помета под «Четырех дней» — «Бела. Август 1877 г.» — не только свидетельство, что рассказ пишется (а точнее, начат) на театре войны: «Бела» — это еще и 56-й военно-временный госпиталь, куда доставлен рядовой из вольноопределяющихся Всеволод Гаршин, раненный 11 августа 1877 года под Аясларом (небезызвестное в истории той войны дело). «Рядовой Всеволод Гаршин примером личной храбрости увлек вперед товарищей в атаку, во время чего и ранен в ногу» — сказано в полковой реляции. А бросился и увлек, говорит в истории 138-го пехотного Болховского полка, в котором служил Гаршин, потому что увидел тяжело раненого солдата своей роты Степана Федорова, увидел — и не мог не броситься, не помочь, сам рядом с тем солдатом не лечь. Чужая боль...

Однажды в болезненном напряжении Гаршин, не в силах созерцать картину бушующей над городом грозы, распахнет окно верхнего этажа, схватит длинный железный прут, один конец направит ввысь, к небу, другой приложит к своей обнаженной груди: ценой собственной жизни он должен спасти всех, рядом с ним живущих, если молния ударит в дом. И так же герой «Красного цветка», едва ли не самого знаменитого его рассказа — пусть безумец, но тот, о котором: «безумству храбрых поем мы песню», — срывает цветок, в котором, как представляется ему, собралось все зло мира, прячет его у себя на груди: зло погибнет, убивая его. Надо подставлять грудь...

...Жизнь у Гаршина недолгая — тридцать три года; творчество — небольшая книжка, и двух десятков рассказов не наберется, да несколько очерков, да несколько статей о живописи, да несколько стихотворений, писанных для себя, — одна небольшая книжка, но про нее, не для утешения, а с совершенной искренностью и убежденностью, сказать можно, что «томою премногих тяжелей», ибо в ней (писателю Глебу Успенскому, другу и современнику Гаршина, слово) «исчерпано все содержание нашей жизни», «все до последней черты пережито, перечувствовано им самым жгучим чувством». Современники почти неизменно отмечали, что говорил у Гаршина «обыкновенные», а ведь у него и убийства, и самоубийства, и война, и безумие; но, должно быть, и то, и другое, и третье — так, как Гаршин это берет и показывает, — представлялось обыкновеннейшей подробностью обыкновенной жизни («убитых — один», и только то!); многие проходили мимо — не останавливались, но вот человек остановившийся, взглянул окрест на обыкновеннейшие факты обыкновенной жизни — и душа его «страданиями человечества уязвлена стала»: под его взглядом травинка, муравей, кусочек сора — не «весь мой мир», а необходимая часть огромного мира, и с каждым человеком, убитым пулей, несправедливостью, деспотизмом, гибнет все человечество. Чехов не случайно, воздавая в рассказе «Припадок» дань умершему писателю, тоже выбирает сюжет обыкновеннейший (и Гаршину близкий — у него два рассказа, героиня которых «падшая женщина»); студент попадает с приятелями в публичный дом и едва не сходит с ума,

задумавшись о судьбе встреченных женщин, вообще о несправедливом общественном устройстве, постоянно, на каждом шагу калечащем и губящем людей. Студент видит то, что и другие видят и знают, но он одарен «талантом человеческим», отличающим «молодого человека гаршинской закваски».

И жизнь самого Гаршина — на первый взгляд очень обыкновенная, хотя были в ней события значительные, яркие, главное же, — была литература, творчество, мучительнейшее счастье творчества: писал он с тревожным напряжением, с вечной неуверенностью (вышло ли что-нибудь путное?), то, о чем писал, всегда было острой, неотпускающей болью, каждая буква, по собственному Гаршину признанию, стоила ему капли крови. И все-таки на первый взгляд жизнь самая обыкновенная: постоянная забота о хлебе насущном, недорогие квартирки, служба (должности все незначительные: конторщиком на складе, секретарем в железнодорожной канцелярии) — на публичном вечере молодежи, студенты встречали и провожали его овациями, он же, боясь поднять глаза, тихим голосом читал какой-нибудь из своих рассказов, ему совестно было, что так мало написал и что пишет так несовершенно. Скромность Гаршина не болезненное ощущение неполноценности, не показное унижение, что «паче гордости», скромность Гаршина, многих его друзей и лучших его современников, — выявление, образ подлинной интеллигентности: нет, скромность не «кратчайший путь к безвестности», как острят пошляки, прав поэт: «цель творчества — самоотдача, а не шумиха, не успех, позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех»!

Гаршин был плотью от плоти той трудовой, по убеждениям живущей российской интеллигенции, для которой понятия «идеалы», «долг», «истина» не звук пустой, не красные словца и которая без идеалов, не отдавая народу долг, не стремясь к истине, жить не умеет. Он учился читать по старым книжкам «Современника», журнала Некрасова, Чернышевского, Добролюбова; он восьмилетним мальчиком читал «Что делать?» («в то самое время, когда Чернышевский сидел в крепости», — строка из автобиографии); гимназистом он был в гуще общественных вопросов, бурно обсуждавшихся в 60-е годы; студентом стал свидетелем «хождения в народ» и молодежного движения 70-х годов; не случайно, конечно, среди его знакомых немало будущих каторжан и политических ссыльных; большинство его рассказов печатается в «Отчужденных записках» Салтыкова-Щедрина, который с первых шагов его принимает, поддерживает и опекает, когда же решением правительства журнал закрыт за «распространение вредных идей» и за то, что «имел ближайшими своими сотрудниками людей, принадлежащих к составу тайных обществ», — «словно любимый человек умер» (Гаршина слова). С детства он петербургский житель (город этот он знает и любит «до малейших закоулков») и в зрелости говорит убежденно: «Петербург есть духовная родина моя». После долгой разлуки оказавшись в столице, он отправляется на Волково кладбище — поклониться могилам Белинского, Добролюбова, Писарева, около этих могил вспоминает Некрасова (тут же похороненного, — Гаршин, только что с войны вернувшись, тоже, хромая, опираясь на палку, за гробом шел): «Природа-мать! когда б таких людей ты иногда не посылала миру, заглухла б нива жизни...» Вот откуда ведет он духовное свое родство!

Один из героев Гаршина (рассказ «Ночь»), человек на редкость благополучный, переживает острейший духовный кризис. Прозрение его в том, что у последней черты он вдруг понимает: собственная его жизнь, собственное благополучие ничего не значат вне общей жизни; он «ставил во всем на первое место себя» — и жизнь свою

погубил; все, что представлялось ему богатством жизни, было на деле бесмысленной ее тратой, его личное благополучие стало его банкротством. «Нужно, непременно нужно связать себя с общей жизнью, мучиться и радоваться, ненавидеть и любить не ради своего «я», все пожирающего и ничего взамен не дающего, а ради общей людям правды...» Герой рассказа, привыкший жить по однообразно и торопливо постукивающим карманным часам, вдруг слышит за окном дальний звон колокола, собирающего людей, видит небо, звезды (а только что мельтешили перед глазами какие-то мелочи, вроде блестящих бронзовых шляпок гвоздей на дверной обивке).

Быть «как все», жить «общей жизнью», впрячься в «общее дышло»... В первый же день войны Гаршин без колебаний добровольно уходит на фронт, потом, уже прославленный писатель, он вынашивает планы — то на службу в провинцию, то офицером в дальний гарнизон, то писарем в деревню. Но в том-то и трагедия, что ни от чего, кроме как от страданий одной собственной совести, «общее дышло» не избавляет, все остается по-прежнему: война, несправедливость, насилие. Нельзя грудь не подставить, когда другие подставляют, здесь для Гаршина и героев его нет сомнений, но как победить зло?..

В рассказе, всем нам с детства знакомом, «Сигнал» встречаются два железнодорожных сторожа, Семен и Василий: Василий рельс отворотил, а Семен на встречу идущему поезду поднял смоченный в своей крови флаг. В рассказе увидели влияние толстовского учения: бунт побеждается смирением. Но смоченный живой кровью сигнальный флаг, остановивший поезд, не преградил дороги злу, губящему жизнь миллионам добрых людей на земле. Тех, кто уцелел в поезде, ждут окопы, «панель», рабский труд, безрадостное детство, унижения, нищета. Гаршин говорил, что теория «непротравления злу» ему ненавистна. Бунтарь Василий, со злом встречаясь, не может за правду не стоять. «Коли всякую скверность на бога валить, а самому сидеть да терпеть, так это, брат, не человеком быть, а скотом», — спорил он с Семеном. Преступление Василия не от жестокости, не от гордыни, а от смятенного непонимания, что же делать, если не хочешь, не можешь терпеть, если убежден, что нужно бороться со злом, если хочешь жить человеком. В мучительном вопросе «Так что же нам делать?» — этим вопросом озаглавил Толстой один из важнейших своих нравственных трактатов — разрыв между прозрением и поступком, действием, между осознанием, ощущением того, что нельзя жить по-прежнему, и незнанием, как жить. В этом вопросе тревожная безотлагательность нравственных исканий своего времени — и предел их.

Грудь подставлять общей беде, плечо подставлять под общую тяжесть, жить «как все», связывая себя с общей жизнью, для той поры, право, не так-то и мало и не так-то просто. Жить по совести — значит прежде всего не заглушать ее простым и соблазнительным рассуждением: раз-де путь к общему счастью неведом, следует позаботиться о благополучии собственном. Гаршин знает, что есть это другое толкование «общей жизни», жизни «как все».

Годы расцвета капиталистического предпринимательства, время хищников, «все вокруг, самый воздух — и тот, кажется, тащит»; вокруг заботы о домах и дачах, рысаках, богатой обстановке, покупке картин и антикварных ценностей, о хороших «кусках», которые необходимо ухватить: «все берут с жизни, что могут», — разглагольствует нажившийся на спекуляциях инженер, герой рассказа «Встреча». На первой странице рассказа — картина огромного, залитого лунным светом моря. Но вот море — на чертежах, превращенное дельцами в источник наживы (строится мол, который обходится народу в миллионы и

никогда не будет построено). В финале — модель моря, изготовленная хищником-предпринимателем: громадный аквариум, наполненный всякой живностью, где все «жрут друг друга и не конфузятся», «съедят — и не помышлят о безнравственности». Нельзя отдавать море хищникам, нельзя позволить им сделать из него чертеж для ограбления себе подобных и безнравственный «аквариум»! Для «добраго молодого человека», стоящего на распутье, выбор однозначен, говорит Гаршин: можно — «как все» — рвать «куски», «не помышляя о безнравственности», можно — «как все» — подставлять грудь на поле боя.

Но можно — как некоторые — сложить голову на эшафоте. Время героической и обреченной борьбы народовольцев. В архиве сохранился неотделанный рассказ Гаршина «Незнакомец» — автор выслушивает исповедь человека, взорвавшего дом своего отца, важного господина, одного из «хозяев жизни», — в этом доме царил зло. Человек мечтает о прекрасном дне, когда все богатые особняки мира взлетят на воздух. «Я пожал ему руку, и мы разошлись», — кончается рассказ. Разошлись, но — пожал руку!

До прекрасного дня далеко, а пока они действуют и гибнут в одиночку. «Нужно только работать дружнее, и победа за нами», — взывает к обитателям тюрьмы-оранжереи гордая пальма, героиня гаршинской сказки. Одинокую ветку отрежут, «но что сделают с сотней сильных и смелых стволов»? Ей нет отрыва — она тянется вверх одна. Ломаются железные решетки, рассыпаются стекла, но желанная свобода оборачивается грязным небом, ледяным ветром, колючим снегом. Конец сказки показался многим чрезмерно пессимистическим. Но разве неизбежный роковой исход останавливает живущих рядом борцов, удерживает их от героической «работы»? Тут опять то же: если пальму, изнедавшую снег и ветер, снова засадят за решетки оранжереи, — смирился ли? Или не может за решеткой жить, не может не тянуться вверх, железо ломая? Нет, недаром многие смелые борцы приняли гаршинскую сказку.

«Это была эпоха, когда в России начались беспорядки, когда покушение следовало за покушением, а это влекло за собой казни, повальные аресты и жестокие приговоры, более тяжелые, чем смертная казнь», — подводил итог революционер и писатель Степняк-Кравчинский в предисловии к переведенному на английский язык рассказам Гаршина (а перевела Этель Войнич, автор «Овода»). Многие из погибших были близкими и дорогими друзьями Гаршина. Он не одобрял их методов борьбы. Но что другое мог он им предложить для того, чтобы сразиться с темной силой, душившей жизнь всей страны? Если они и были неправы, то не были ли в тысячу раз более неправы те, кто наблюдал за отчаянной борьбой, не пошевелил пальцем, чтобы не скомпрометировать себя? И кто из этих сторонних наблюдателей мог утверждать, что он достаточно сделал для того, чтобы снять с себя обвинение в равнодушии?»

...20 февраля 1880 года молодой человек по имени Ипполит Млодецкий, близкий к народолюбцам, выстрелил из револьвера в генерала Лорис-Меликова, вельможу, обладавшего громадными полномочиями, фактического тогдашнего диктатора России. Диктатор остался невредим, преступник схвачен и приговорен к смерти. Узнав о грядущей казни, Гаршин лишается покоя, да просто ли покоя: есть, пить, спать, беседовать с друзьями — все невозможно, немыслимо, если рядом, на Семеновском плацу, завтра утром наденут на человека петлю. Гаршин отправляет письмо диктатору: оставьте казнь, молит, требует он, «простите человека, убивавшего вас». Письма Гаршину мало: ночью, накануне казни, он является к Лорис-Меликову домой, каким-то образом добивается свидания. Вельможа («волчья пасть» и «лисий хвост», говорят о нем современ-

ники) всячески успокаивает посетителя (известный писатель!), чуть ли не обещает пересмотреть дело (через несколько часов преступника повесят). Опасность для Гаршина огромная: малейшее подозрение в связях с «революционной партией» — и участь его решена. Но не может не... Так герой рассказа «Из воспоминаний рядового Иванова», написанного три года спустя, хватает за руку офицера, занесшего над солдатом кулак:

«— Слушайте, Иванов, не делайте этого никогда!.. Вас за подобные вещи могут из дальних слов расстрелять!

— Все равно. Я не мог видеть и не вступиться...»

Душевная болезнь вырвала полных два года из недолгой творческой жизни Гаршина. Он уже болен, и тут на его имя неожиданно приходит письмо от Ивана Сергеевича Тургенева. «Каждый стареющий писатель, искренне любящий свое дело, радуется, когда он открывает себе наследников», — пишет ему Тургенев. «Вы из их числа». Тургенев убежденно отдает Гаршину «первое место между начинающими писателями». И прибавляет: «Это же мнение разделяет и г. Л. Н. Толстой».

К Толстому в Ясную Поляну бросился Гаршин, потрясенный неудачной своей попыткой заступиться за приговоренного к смерти. Они встречаются 16 марта 1880 года. Гаршин до конца жизни будет помнить счастливую ночь, когда с глазу на глаз беседовал с Львом Николаевичем. Но и в жизни Толстого встреча с Гаршиным — навсегда доброе воспоминание. В эти годы духовные искания всей жизни Толстого начинают «обращать плотью», закрепляются в слове, в его философско-нравственных сочинениях. Неспособность жить благополучно, жить для себя в мире жестокости, насилия, несправедливости зовет его к мучительному поискам иных основ общественного устройства. Вскоре после встречи с Гаршиным Лев Николаевич запишет в дневнике разговоры вокруг: «Вешать — надо, сечь — надо, бить по зубам без свидетелей и слабых — надо, народ как бы не взбунтовался, страшно...» И прибавит: «Кто-нибудь сумасшедший — они или я». В такую пору встреча с человеком гаршинской закваски, с самим Гаршиным для Толстого дорога и желанна.

Способность творить возвращается к Гаршину лишь летом 1882 года: это лето по приглашению Тургенева он проводит в Спасском-Лутовинове. «С первых чисел мая я уже в деревне...» — зазывает его Тургенев. «Я и в прошлом году рассчитывал на то, что авось вы у меня погостите; а уже в нынешнем вы наверное мне не откажете. Воздух там отличный, гулять есть где — спокойствие и тишина полные... Словом все, что нужно для того, чтобы окончательно поправиться и работать». Тургенев не придет в любимое Спасское ни в первые числа мая, ни позже. Он вообще больше туда не придет. Лично познакомиться с «наследником» ему не суждено. В письмах он ободряет Гаршина, побуждает его к работе, а в те же дни в послании к поэту Полонскому печально пророчит: «Когда вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу — родине поклонитесь, которую я уже, вероятно, никогда не увижу». Чуть более года спустя Гаршин напишет, возвратившись с похорон Тургенева:

Исчезнут все венцы, престолы,
Порфиры всех земных царей,
Но чистые твои глаголы
Все будут жечь сердца людей...

А пока он в Спасском-Лутовинове, и все здесь — дом, сад, аллея, холодный пруд, в котором отражаются устремившиеся к небу старые деревья, поля, рощи, овраги, поросшие серебристым кустарником берега извилистой речки (все давно знакомое по тургеневским романам, рассказам и повестям), обстановка комнат, где предмет всякий помнит хозяина и словно таит его присутствие, письменный стол в кабинете.

полки с книгами, старые журналы с меткой «ВБ» (некогда они принадлежали Виссариону Белинскому)— все здесь, воздух самый, все толкает к перу. Он снова начинает писать, будет писать еще шесть лет, понемногу, с перерывами (и всякий раз отчаяние, что навсегда перестал!), но болезнь окончательно не отступает, то и дело возвращается, упрямо сживает его со свету. Болезнь неизлечима...

Жизнь каждое мгновение бьет «по тем же самым ранам и язвам, какие давно уже наложила та же жизнь на мысль и сердце»,— объясняет Глеб Успенский в статье «Смерть В. М. Гаршина». «...Один и тот же удар по одному и тому же больному месту, и непременно притом по больному, и непременно по такому месту, которому надобно «зажить», поправиться, отдохнуть от страдания; удар по сердцу, которое просит доброго ощущения, удар по мысли, жаждущей права жить, удар по совести, которая хочет ощущать себя». Ну как ему уцелеть, когда не умеет, не может «прятаться за стенами», во что бы то ни стало должен подставлять под удары сердце, мысль, совесть...

«Я начала думать»,— говорит о себе героиня в первой же строке рассказа «Происшествие». Это—начать думать!—формула завязки большинства гаршинских рассказов. О чем бы ни писал Гаршин, он в конце концов размышляет над одними и теми же жгучими вопросами об утверждении добра и борьбе со злом, о жизни единичной и общей, о стоящей перед каждым необходимостью нравственного выбора. Он мучается, страдает, не знает ответа, но знает: вопросы эти нужно задавать «каждый день, каждый час, каждое мгновение», нужно, чтобы они не давали людям покоя, заставляли думать людей, будили их совесть.

Герой рассказа «Художники» молодой живописец Рябинин не желает, не может залечивать «прекрасные раны», посвятить свое искусство «воспроизведению изящного в природе»—он одержим стремлением с помощью искусства нести в мир новую нравственность и тем изменить мир. Он пишет «Глухаря», рабочего-заклепщика, который, сидя в котле, удерживает грудью заклепку и принимает на себя удары молота: «постоянно повторяющийся, страшный удар обрушивается на котел». Изобразить такое на холсте, наверно, невозможно, но совесть Гаршина требует, чтобы мир слышал эти бесконечно повторяющиеся удары, чтобы содрогался и корчился с каждым ударом, чтобы перед картиной Рябинина делалось «за человека страшно». Видя того, кто постоянно подставляет грудь под удары, люди должны задуматься о неблагополучном мире, в котором живут. «Я вызвал тебя... из душевного, темного котла, чтобы ты ужаснулся своим видом эту чистую, прилизанную, ненавистную толпу,—обращается художник к своему творению.—Приди, силою моей власти прикованный к полотну... Ударь их в сердце, лиши их сна, стань перед их глазами призраком! Убей их спокойствие, как ты убил мое...»

«Его погубила не грубая сила русского деспотизма, а моральные страдания, порожденные условиями, которые создал этот деспотизм»,—напишет Степняк-Кравчинский.

Последние дни Гаршина озарены великой радостью: он успевает прочитать «Степь» Чехова; счастливый, повторяет он всем и всюду, что в России появился писатель, который оправдает великие надежды русской литературы.

Гаршин недолго прожил и немного написал, но все им созданное исполнено великой любви к людям, ненависти ко злу, решимости бороться с ним во имя того дня, когда «распадутся железные решетки», когда «весь мир содрогнется, сбросит с себя ветхую оболочку и явится в новой, чудной красоте».

«...Лицо почти героическое, изумительной искренности и великой любви сосуд живой». М. Горький

Лев
ПРОЗОРОВСКИЙ

ПОВЕСТЬ

ОХОТНИКИ ЗА ПРОШЛЫМ

12

Как ни дружна была весна, но на Балтике она не та, что на Черном море. Неторопливая, шагает с оглядкой, любит кутаться в облака. Промелькнули всегда остро памятные для маленьких городков кумачовые огни Первомая, к изумрудной сочности сосен прибавилась молочная зелень молодого кустарника. Над первыми цветами загудели шмели и пчелы.

Загудел и человеческий улей на пляже. Солнце уже припекало, но вода еще не согрелась, и пока только отдельные смельчаки отваживались купаться. Женщины, зайдя в море по щиколотку, набирали в пригоршни воду и обдав ею плечи, руки, грудь, тут же с визгом выскакивали на теплый песок. Мужчины бросались в воду с разбега, падали плашмя, на секунду исчезали в радужных брызгах и выбегали, шумно отфыркиваясь.

Возле красивого зеленого киоска, где торговали минеральной водой и мороженым и где в прошлом сезоне в хорошие дни обычно располагался Руйкович, теперь его место занял другой. Это был довольно длинный сухопарый молодой блондин в солнечных очках, черных шерстяных трусах и белой мятой неказистой каскетке. Звали фотографа Павлом Ивановичем. Главного врача санатория «Дайна» добродушную Анну Васильевну Павел Иванович вполне устраивал. Во-первых, он владел искусством цветной фотографии, во-вторых, окончил техникум физической культуры и имел разряд по баскетболу. К тому же, как про себя отметила Анна Васильевна, он «имел непьющий вид». Плохо только, что Павел Иванович был начисто лишен музыкальных дарований, как он сам о том сообщил с некоторым огорчением. Но он приехал с женой, а жена у него—аккордеонистка, работала в коллективах художественной самодеятельности. При условии, если питанием в санатории они будут обеспечены оба, Павел Иванович соглашался работать вдвоем за одну зарплату. Единственное, чего он твердо требовал, это чтобы жилое помещение, которое им даст санаторий, было из двух комнат. Маруся недавно перенесла операцию, еще не окрепла, ей нужна отдельная комната. Собственно, слабое здоровье Маруси—главная причина, почему они приехали на все лето сюда.

Утром Маруся и ее муж выводили отдыхающих к морю на физзарядку. Затем, после завтрака, Павел Иванович появлялся на пляже уже один. Он, как было сказано, располагался у киоска, метрах в ста от моря. Ставил в изголовье большой парусиновый пляжный зонт, стелил подстилку. В ожидании клиентов читал книгу. Справа от себя он ставил витрину с образцами фотографий, и рядом с ней—аппарат на штативе, прикрытый от солнца тряпкой.

Понемногу пляж оживал, и тогда среди отдыхающих появлялся Алеша, лейтенант Лактионов. Он «диким способом» снял койку у какой-то хозяйки и проводил все дни у моря, красуясь в широкополой «сочинской» шляпе из тонкого белого войлока, в сетло-коричневых очках. На зависть многим отдыхающим, Алеша удивительно быстро загорел. С собой он всегда носил подстилку, английский детектив с бандитом на цветной обложке и термос. Сразу видно, опытный «дикарь». Если его приглашали, Алеша ловил тарелочки, подключался к играющим в волейбол. А так как «зона активного отдыха», отмеченная щитом с изображением длиннорукого детеныша, бросающего мяч, начиналась почти от киоска, Алеша порой по часу, а то и больше находился рядом. Но в разговор с фотографом не вступал, хотя иногда не без любопытства наблюдал за его работой.

Павел Иванович, хотя и характеризовался главврачом Анной Васильевной как непьющий, все же раза два в неделю перед обедом любил побаловаться коньячком. Он выбрал для этой цели кафе «Лето», подальше от санатория. Там каждый раз среди толпящихся у стойки людей он встречал Алешу Лактионова. Подходил к нему вплотную и, если Алеша делал вид, что не заметил его, Павел Иванович выпивал свои пятьдесят граммов и уходил.

Но однажды Павел Иванович увидел Алешу сидя-

щим с рюмкой за столиком. Тогда, получив свой коньяк, он подошел к столику, попросил разрешения и сел. Выбрав минуту, когда на них никто не смотрел, Алеша сказал:

— Решили открыток тебе все же не давать.

А случилось вот что. Незадолго до этой встречи к Павлу Ивановичу на пляже подошел какой-то старичок в соломенной шляпе и спросил, нет ли у товарища фотографа цветных почтовых открыток с видами разных городов. Павел Иванович отослал старичка в киоск «Союзпечати»...

13

Операция «Культработник» не давала никаких результатов уже сорок дней. Майор Савин, возглавлявший группу, стал перебирать в памяти все по камушку—искал, где была допущена ошибка. И, как ему показалось, нашел. Ошибка была в главном.

Операция была рассчитана на то, что второй агент подойдет к Руйковичу.

А он не подойдет никогда!

Потому что Руйкович—такая же пешка для отвода глаз, что и Бергманис. Больше того, и Руйкович, и нелепые цветные открытки, и какая-то пустынная просьба, за которую будут заплачены хорошие деньги,—все это придумано специально, чтобы чекистов после допроса Бергманиса направить по ложному пути.

Этими мыслями майор поделился с Виталием Иннокентьевичем.

Полковник слушал своего помощника с вниманием и, как показалось Александру Степановичу, даже с удовлетворением, словно майор говорил именно то, чего ждал от него начальник. У руководителей такого уровня, как полковник Сторожев, степень осведомленности о практике западных спецслужб была иной, большей, чем, скажем, у майора Савина, и категории, которыми мыслили эти начальники, были иными. Если Виталий Иннокентьевич слушает так спокойно, значит, он что-то знает. И объяснит.

Но полковник Сторожев начал с вопроса:

— Александр Степанович, если Руйковичем не собирались воспользоваться, тогда зачем же, спрашивается, было проявлять заинтересованность, так подробно расспрашивать о нем Бергманиса?

— Вот этого я и не могу понять,—ответил майор Савин.

— Прежде всего напомним вам, Александр Степанович, что поиски агента номер два ведутся не по одному нашему направлению. Но нашу операцию я считаю самой перспективной. Агент должен прийти. То, что Руйковича уже нет, для нас и хуже и лучше. Хуже потому, что новый человек—новое недоверие. Но оно должно рассеяться. А лучше потому, что мы не знаем, как еще повел бы себя Руйкович в предложенной ситуации. Хватило ли бы у него порядочности, чувства гражданского долга да и просто мужества.

Хитрость тех, кто готовил переброску агента, не в том, о чем вы говорите, а как раз в обратном. Руйковича они умышленно «засветили» настолько густо, что он как бы автоматически должен перестать нас интересовать. В крайнем случае он подозрителен на «разовую проверку».

А когда все успокоится, вот тогда-то агент на Руйковича и выйдет.

Так что давайте ждать. Это должно случиться вот-вот. А открытки нужно исключить совсем.

14

Кроме открыток, Алеша сообщил Павлу Ивановичу и о другом.

Собственно, ничего особенного не случилось. В управление заповедника «Межаарты» приехал «жигуленок» с молодежью. Три парня и две девушки ввалились в кабинет директора заповедника.

— Нам нужен лесник Розенберг. Как его найти?

Директор, у которого было одиннадцать лесников, ответил, что такого в заповеднике нет и что он вообще не слышал о леснике с такой фамилией.

— Подумайте, может, он уехал или умер?—настаивал, играя ключами от автомашины, один из молодых людей.

— Не знаю,—сказал директор,—я здесь с момента

Продолжение. Начало в №№ 5, 6.

создания заповедника и ни разу не слышал такой фамилии.

— Жаль, — огорченно протянула одна из девиц, — а нам сказали, что он старый бобыль и что у него можно хорошо отдохнуть.

Майору Савину об этом эпизоде сообщили в связи с тем, что заповедник «Межаварты» сливался с лесами пограничной зоны. А Павел Иванович был поставлен в известность потому, что от управления заповедником до Янтарного — двадцать километров. Вдруг услышит эту фамилию?

— Розенберг. Запомни на всякий случай.

— Хорошо, запомню.

15

Погода продолжала радовать всех, кто в эти недели отдыхал и лечился в Янтарном. На участке «активного отдыха» стало еще теплее. Тарелочки и вольеры швыряли теперь свои мячи и тарелки в опасной близости от фотовитрины. Местечко за киоском, почти рядом с парусиновым зонтом Павла Ивановича, облюбовала какая-то молодая компания, две пары. Один из парней, невысокий бородач, оказался заядлым любителем активного отдыха. На нем была голубая каскетка с рекламными буквами по всему околышу, желтая рубашка с напечатанной на груди женской головкой, и — мечта всех модников! — белые кроссовки фирмы «Адидас».

Он не обращал никакого внимания на фотографа, но, когда однажды перед обедом на пляж заглянула жена Павла Ивановича Маруся, бородач сразу ее «засек». Почти не загоревшая молодая блондинка — это не только пикантно, это просто трогательно. Выбрав время, когда Павел Иванович полез с очередным клиентом в море, молодой модник присоседился очень быстро.

— Ваш знакомый? — кивнул он в сторону моря.

— Муж, — ответила Маруся.

— Счастливцев, — вздохнул бородач. — Он вас недо-стоин.

— Откуда вам знать? — улыбнулась Маруся развязно-сти парня.

— А я к нему уже несколько дней приглядываюсь. Скучная личность. Вот до него тут был. Талантливый человек!

— Напрасно вы так! Мой Павлик очень хороший. Умный, добрый. Сынишку любит.

— У вас есть сын? — удивился бородач. — Где же он?

— Остался в Перми.

— Ах, вы из Перми? Значит, у вас тут нет никаких знакомых?

— У меня почти никаких. А у мужа много. И приезжих и местных... Но для чего это я вам рассказываю, незнакомому человеку?

— Незнакомому? Это можно исправить. — Он вскочил на ноги, сдернул каскетку и поклонился, кривляясь. — Виктор.

— Виктор! — вдруг окликнула его девица из их компании. — Куда ты пропал? Мне скучно.

— Бегу! — громко ответил парень. Бросив на прощанье Марусе: — Мы еще встретимся, — побежал к своим.

На всякий случай Виктора проверили. Рижанин. Живет здесь в кемпинге, вместе с другом, у которого своя машина.

Погода в Прибалтике часто меняется. Через несколько дней, когда вдруг утром с моря ударил холодный ветер и на пляже было почти пусто, бородач, гуляя, подошел к Павлу Ивановичу, который читал книгу, прикрывшись от ветра зонтом. Бородач сел рядом.

— Что, похоже, сегодня работёшки не предвидится?

Павел Иванович, оторвавшись от книги, бросил на спрашивающего равнодушный взгляд и снова уткнулся в книжку.

Парень вытащил жесткую пачку «Лорда», красно-белую, с золотой короной.

— Закурим?

— Спасибо, не курю, — отказался Павел Иванович, явно не желая вступать в разговор. Но парень не смутился.

— Долго жить будешь. — Молодой бородач был назойливым. Он придвинулся еще на полметра. — Я на днях с твоей женой познакомился. Она кое-что рассказала. И вот гляжу теперь на тебя и удивляюсь: такая хлебная должность, а ты не пользуешься.

— Это мое дело, — сухо ответил Павел Иванович. — Пользуюсь, сколько надо.

— Рацион нужен корове, а человеку нужен весь мир, — глубокомысленно произнес молодой бородач, не отрывая взгляда от Павла Ивановича. — Я в Янтарном не первый год отдыхаю и видел, как тут рвал куски Вадик. Не слышал про такого?

— Нет, — равнодушно бросил Павел Иванович.

— Руйкович его фамилия.

— О Руйковиче слышал. — Павел Иванович впервые за все время оживился. Чтобы характер внезапно

вспыхнувшего интереса не вызвал подозрений, он закончил ядовитым тоном человека, живущего по строгим правилам: — Это тот, который сидит?

— Дурак, потому и сидит, — не смутившись, продолжал напирать бородач. — Что-то там украл в санатории... Зачем? Он же имел большие бабли со знакомств.

— Каких знакомств?

— Одиноких мужиков знакомил с одинокими дамочками... Конечно, не со всеми подряд, сам понимаешь. — И бородач подмигнул.

— Сводничал, значит?

— Думай как хочешь. Но дело не в этом. Дело в том, что я у него тоже пасся. А теперь все отрезано. Жена говорила, что у тебя много местных знакомых. Помоги, хорошо заплачу!

— А как же я могу помочь? — спросил Павел Иванович. Бородач понял, что фотограф сдаётся, и продолжал, перейдя на полупшепот: — Я точно знаю, что три птички и сейчас живут в Янтарном. Фамилии и адресов у меня нет. Самому не найти, это дело тонкое, как ты понимаешь. Словом, одна из них продащица, не то Валя, не то Лида, приехала сюда прошлым летом. Вторая — скульпторша, лет двадцати пяти. Ее нетрудно будет отыскать. А третья — бобылка, живет где-то на отшибе. Отличительная примета — в прошлом году к ней залезли воры, хотели обчистить, но она вовремя хай подняла. Интересна тем, что у нее можно погудеть целой компашкой.

— Постой, постой, а к чему ты мне все это?

— К тому, чтобы ты через знакомых искал. За каждый адрес получаешь четвертную комиссионных. Усек?

Видя, что фотограф колеблется, бородач ловко сунул ему в книгу три десятирублевки.

— Это аванс. Остальные сразу, как получи адреса и имена.

Вдруг он вытянул шею, вскочил. Это бородач увидел девицу из своей компании. Девица враскачку шагала по мокрой полоске песка у самой воды, держа в руках босоножки.

— До завтра! — крикнул бородач, исчезая.

В тот же день в кафе «Лето» Павел Иванович незаметно передал Алексе Лактионову заклеенный почтовый конверт, в котором лежало подробное описание контакта с бородачом. Так было условлено — краткие сообщения передаются устно, длинные — письменно, в объёмном почтовом конверте.

16

— Ну, вот, Александр Степанович, думается, что в руках у нас теперь есть нить. Но главное сейчас не в том, куда она ведёт, главное, чтобы она не оборвалась. Что вы успели сделать за эти сутки?

Разговор этот происходил в кабинете полковника Сторожева. Несмотря на два раскрытых окна, верещание птиц в густой листве клена, который рос рядом с домом, несмотря на легкую, несколько даже небрежную одежду полковника — без пиджака, галстук ослаблен, — несмотря на все это, в комнате чувствовалась обстановка штаба. Той точки, куда ручейками стекаются оперативные донесения, откуда идет управление боем. Полированный стол, черно-никелевый блок связи, опечатанный сейф, календарь, книжный шкаф.

И — медленные шаги по кабинету.

Материалы, с которыми пришел к полковнику Сторожеву майор Александр Степанович Савин, были не просто результатами наблюдения за группой пляжных бездельников, а еле заметными и поэтому имеющими большое значение вехами на подступах к притаившемуся противнику. В терминах «бой», «противник», «штаб» нет никаких преувеличений. Действительно, шел бой. От обычного он отличался двумя особенностями. Этот бой проходил в тишине и не имел передышек.

— За сутки удалось установить личность «бородача» и одного парня из его компании. — Майор Савин заглянул в блокнот, куда заносил все, еще не ставшее официальным материалом следственного дела. — Серфик Виктор Леонидович, двадцать восемь лет, живет в Риге. Приехал в кемпинг неделю назад на машине «Жигули» вишневого цвета. Машина с вильнюсским номером. Ее владелец Константин Жбанов работает на заводе цветных телевизоров. Кем, пока не выяснено. Не установлена личность третьего из друзей — он на весь вечер куда-то ушел с девушкой.

— А как с адресами, которыми интересуется бородач? — И майор и полковник, не сговариваясь, с первой минуты, так же как до них и Павел Иванович с Лактионовым, стали именовать Виктора Серфика бородачом. Пока он был единственным лицом, проявившим себя в действии.

— С адресами дело обстоит так. Лейтенант Лактионов быстро узнал все три. Продащица Валя Вилцане, девятнадцати лет. Приехала в Янтарное по направлению, после окончания техникума торговли. Снимает комнату на частной квартире. Затем скульптор Ольга Микульска, двадцати восьми лет, живет

здесь четвертый сезон, все эти годы снимает одно и то же помещение частным порядком. Много работает. Готовится к республиканской выставке. И третья — Бирута Маркевич, шестидесяти лет. Живет одна, получает пенсию за мужа, погибшего на войне. Приторговывает ранними овощами со своего огорода. Есть женатый сын, живет отдельно, где-то в другом городе.

— Любопытно!

— Виталий Иннокентьевич, я думаю, что все это просто-напросто проверка фотографа. Бородач знает все адреса и через два-три дня, услышав их снова от Павла, даст ему уже другое, nastоящее задание.

— Все возможно, Александр Степанович, все возможно. — Полковник еще больше ослабил галстук, как будто ему было душно, и продолжал, размышляя, шагать по кабинету. — Но эта версия — первая, которая приходит в голову. Она, так сказать, лежит на поверхности. Она банальна, и уже по одному этому, в сложившейся ситуации весьма сомнительна. А что если бородач знает два адреса, но не знает третьего? Чтобы подойти к ответу поближе, мы должны срочно узнать следующее: почему продащица Вилцане приехала именно в Янтарное — только ли подчинившись распределению или еще и по личным мотивам? Почему Микульска четвертый сезон живет в Янтарном, когда в Паланге есть отличный Дом художника, где ей как участнику республиканской выставки всегда предоставят место? И, наконец, почему в компании молодых затесалась старуха Маркевич?

Пусть Павел протянет с ответами хотя бы три дня — это не должно вызвать подозрений: человек приезжий, сам еще толком ничего не знает, а старается лишь в надежде на хороший гонорар. Кстати, как он держится?

— Очень спокойно.

— Вернемся к делу. Что вы думаете о совпадении: вишневые «Жигули» в заповеднике и вишневые «Жигули» в кемпинге Янтарного?

— Я уже сделал в блокноте пометку, Виталий Иннокентьевич. Проверить не составит большого труда. Мы, не беспокоя молодых людей, запасемся их фотографиями и, покажем директору заповедника. Перемешаем карточки с другими лицами, пусть выберает.

— Если автомобилисты будут опознаны, в деле появится еще один участник — лесник Розенберг. Кое о чем я уже договорился. В Латвии и Литве проверят архивы соответствующих министерств. Если даже он умер, какие-то документы остались. Но есть и другое — по нашей просьбе товарищи в Тюмени нашли бывшего литовского партизана Антанаса Марцинкявичуса и допросили его.

— Я, Марцинкявичус Антанас Игно (Игнатович), 1914 года рождения, член КПСС с 1945 года, вдовец, постоянно проживаю в гор. Тюмени. Родился и до 1978 года жил в гор. Янтарном. По существу заданного мне вопроса могу сказать следующее.

Наш партизанский отряд был создан вскоре после разгрома гитлеровцев под Сталинградом. Я был назначен начальником штаба отряда. Ввиду слабой вооруженности и отсутствия связи с паневежскими партизанами мы ограничивались отдельными актами диверсий против оккупантов: нападения на мотоциклистов, минирование шоссе, поджоги складов и т. д. Так продолжалось до лета 1944 года. К этому времени на территории Литвы уже действовало объединенное партизанское соединение, связанное с народными мстителями Белоруссии и штабом партизанского движения в Москве.

К осени на запад потянулись первые части, которые Гитлер отзывает для обороны рейха. По главным автомобильным магистралям двигались стрелковые, артиллерийские и танковые полки. По боковым дорогам, в частности, приморским, шли вспомогательные службы, госпитали, тыловые штабы и т. д. До того, как такой части вступить в какой-либо приморский городок, его тщательно готовили, — прочесывали соседние леса, угоняли население, сжигали отдельные хутора, в которых могли бы найти защиту партизаны.

Перед самым освобождением Риги — это было 10 или 11 октября 1944 года — в Янтарное вошла какая-то небольшая, но очень строго охраняемая часть. Пленный, которого мы захватили ночью, рассказал, что она находится в непосредственном подчинении штаба всей группы армий, действующих в Прибалтике. За день до прибытия части в городок приехали эсэсовцы на мотоциклах, стали охотиться за людьми. Но люди уже ушли к нам, в лес. На весь городок, кроме старости, осталось четыре старика, десятка два мальчишек-подростков да лесник Розенберг. Охраняемая Розенбергом лесная территория кончалась у городской черты, поэтому он жил в Янтарном, правда, на отшибе, на самой окраине. Мы Розенбергу не доверяли. Мать у него была немка, и, когда в начале войны в Прибалтику пришли гитлеровцы, он стал носить фамилию матери, хотя до этого у него была другая фамилия. Какая — мне неизвестно. Как показали дальнейшие события, опасения насчет Ро-

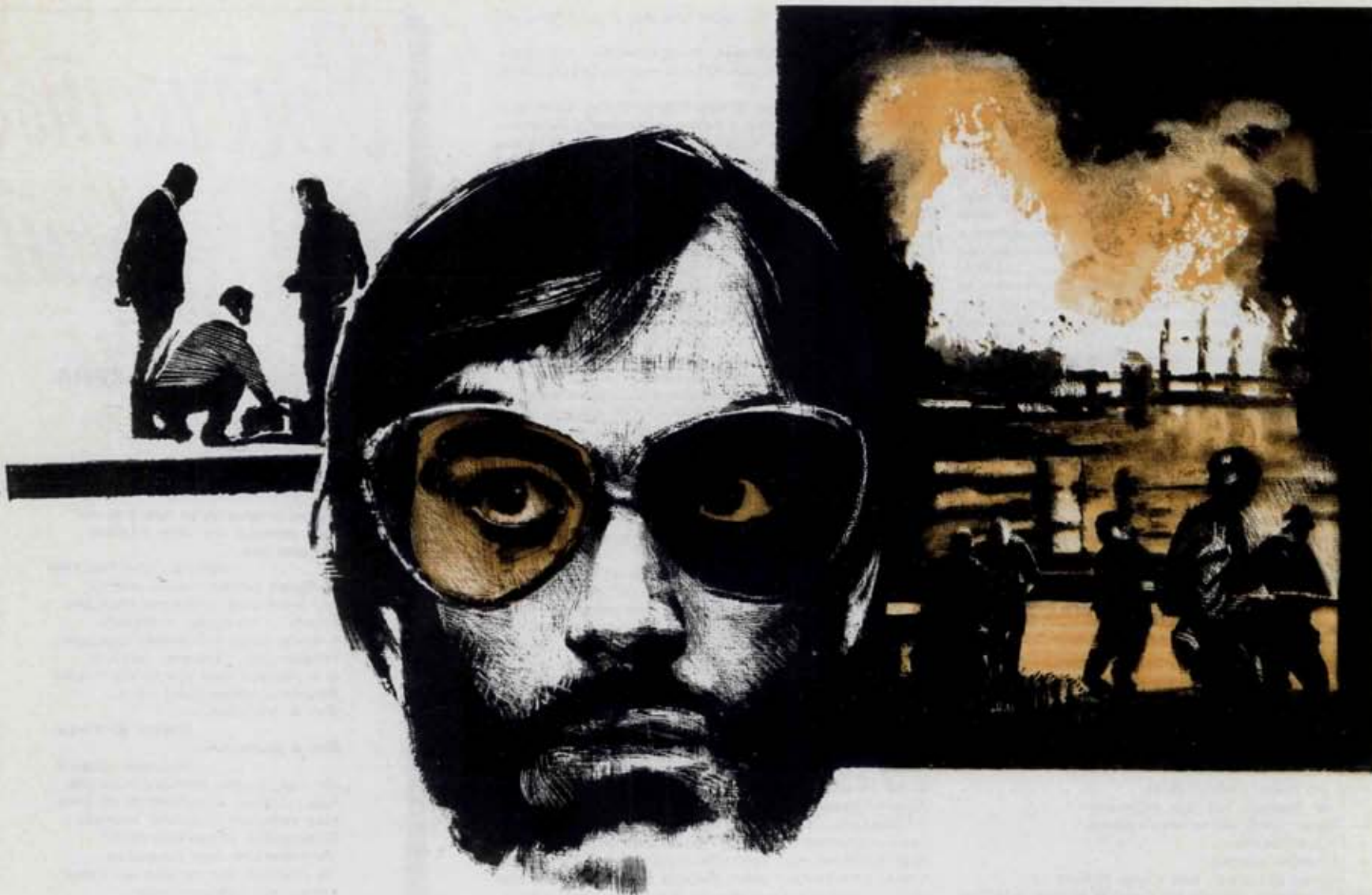

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

зенберга не подтвердились: он знал местонахождение нескольких наших баз — одна даже была расположена на его участке, — но гитлеровцам эти места не назвали, иначе бы они пришли к нам.

Эсэсовцы-автоматчики обыскали весь городок, застрелили стариков, которых нашли, а затем устроили облаву на детей. Удалось поймать 14 мальчишек. Их посадили в крытый грузовик. Староста стал спрашивать: — а что сказать родителям, когда они вернутся из леса? Офицер, руководивший этой акцией, смеясь, ответил: Скажи, что мы их эвакуировали в безопасное место. Эти слова слышал Ионас Гедравичус, мальчишка, который прятался на чердаке, в двух шагах от фашистов. Он же слышал, как офицер приказал по-немецки Розенбергу, — садись, показывай дорогу, где нет партизан. Это было днем. Розенберг побледнел, испугался, но сел третьим к шоферу, и они уехали. Больше мы наших мальчишек не видели. Розенберг вернулся в городок к вечеру. Партизанам уже сообщили обо всем случившемся. Мы, когда стемнело, пришли к Розенбергу, благо дом его стоял на отшибе. Увидя нас, он замахал руками: Уходите скорей! Сейчас ко мне должны приехать фашисты, будут здесь жить. Когда мы спросили его насчет ребят, он заплакал и сказал: Я ничего не знаю, немцы высадили меня на дороге.

Мы отошли от дома, спрятались в лесу, стали наблюдать. И действительно, вскоре на шоссе показались желтые фары — к дому Розенберга двигались три машины: головная и замыкающая «оппель-капитан», а средняя — небольшой автобус, глухой, без окон. Двор у Розенберга был просторный. Все три машины свободно разместились в нем. Немцы, поставив у машин часового, вошли в дом. Всего вместе с часовым их было шесть человек.

Нас было пятеро. Командовал группой я. Создавалась обстановка исключительно удобная для внезапного нападения. Я принял решение: всем скрытно подойти к забору, снять часового автоматной очередью, а когда встревоженные гитлеровцы выбегут из дома, уничтожить их гранатами, поджечь машины и быстро уходить.

Но мы не успели ничего сделать, потому что в это время нас нашел связной из штаба отряда. Он передал мне приказ командира: всем уходить в лес, в укрытие — в 22 часа на городок Янтарное будет совершен налет советских штурмовиков. Это срабо-

тало наше донесение, посланное накануне, о прибытии в городок специальной части, усиленно охраняемой эсэсовцами.

На моих часах было 21.30. Мы ушли в лес и вернулись, когда взрывы бомб прекратились. Дом лесника Розенберга горел. Немцы суетились, бегали по двору. Начали что-то выгружать из автобуса, один даже стал копать лопатой землю, потом они вручную откатали «оппель», который загорался выезд, погрузили в него два каких-то ящика. Тут мы дали несколько очередей, и они успокоились.

Я долгое время думал, что Розенберг погиб во время бомбежки или при пожаре. Но летом 1978 года случайно встретил его в Янтарном, на базарной площади. Хотя Розенберг сильно постарел, изменился, но я узнал его сразу. Я хотел подойти к Розенбергу и расспросить, каким чудом он остался жив.

Но он, узнав меня, нырнул в толпу и скрылся. Вот все, что я могу сообщить.

К сему
Антанас Марцинкявичус.

17

— Привет, старик! Ну, как наши дела?

Оторвавшись от молодой веселой компании, которая, распевая песню, двигалась развернутым фронтом по пляжу, бородач подошел к Павлу Ивановичу. Тот, сидя на корточках, рассовывал готовые фотографии по конвертам. Куда три, куда пять, а групповых — и по десятку. Вложив, надписывал на каждом конверте фамилию получателя.

— Ты, друг, больно быстрый, — обернулся Павел Иванович. — Ведь я целый день на работе и, кроме того, сам приезжий. Среди старых горожан знакомых имею мало. Раздобыл пока два адреса — продавщицы и вдовы. Скульпторшу принесу завтра.

— Ну давай хотя бы эти. — Бородач схватил бумажку с адресами, не глядя сунул в джинсы и помчался догонять свою компанию. Не такой реакции ожидал Павел Иванович.

Дело в том, что скульпторша действительно оказалась несколько странной. Как удалось узнать, к ней приезжал член правления Союза художников, ей предлагали комнату в Доме творчества в Паланге, но она решительно отказалась. Заявила, что хочет работать только в Янтарном! Поэтому адрес ее решили попридержать, проверить, как будет на эту

задержку реагировать бородач. А он никак не реагировал. Схватил то, что дали, и помчался.

На следующее утро Павел Иванович вручил бородачу последний, третий адрес. Бородач немедленно отсчитал из своего плотного бумажника сорок пять рублей.

— За честный труд — честный расчет, — сказал он и, помолчав, добавил: — Может случиться, что я к тебе еще разок обращусь.

Как только бородач получил последний адрес, за всеми тремя домами было установлено наблюдение. Но в первый день и во второй ни бородач, ни кто-либо другой по этим адресам не наведывался. А на третий, уже поздним вечером, те, кто следил за передвижением бородача и остальных автомобилистов, доложили майору Савину, что вся компания покинула кемпинг, чтобы больше не возвращаться. Взяли с собой все вещи. У девушек — сумки, у владельца «Жигулей» — «дипломат», у бородача — какие-то объемистые покупки. Компания довезла бородача до железнодорожной станции, посадила в поезд «Калининград — Рига», и вишневая машина умчалась по вильнюсскому шоссе.

В Риге, на перроне бородача «встретили». Это было ранним утром. Бородач взял такси, поехал домой. Уже было известно, что он живет вдвоем с матерью. До обеда бородач не выходил, наверное, отсыпался. В обед выполз на полчаса в кафе. Причем выбрал самое ближнее. И опять залез в свой дом, как сурок в нору.

А на следующее утро майору Савину доложили, что вдова Бирута Маркевич найдена мертвой. Тело обнаружил соседка, которая иногда навещала Бируту Маркевич по утрам.

Майор Савин выехал на место тотчас же.

18

Одинокая вдова Маркевич жила неплохо. Еще подъезжая к дому, майор Савин отметил про себя, что земельный участок у вдовы очень большой. Он был обнесен высокой металлической сеткой, натянутой между бетонными столбиками. «Прямо как на заставе, — подумал майор. — Небось, достала через потребкооперацию, за натуральные поставки, — в хозмагазине такую сетку не купишь». От ограды почти до самого дома тянулись грядки. Большая часть была

занята клубникой местного высокоурожайного сорта «альтшуй». Вовсю зеленел лук, темнели густо-зеленые листья редиса, мелко цвел укроп, над которым кружились бабочки и жуки. С правой стороны дома был фруктовый участок; кусты смородины, две яблони и еще с пяток каких-то деревьев с побеленными стволами — майор плохо разбирался в садоводстве. Слева к дому примыкала теплица. Дом был деревянный на кирпичном фундаменте, покрашенный молочно-зеленой краской. Одноэтажный, но с «хитростью»: высокая острая крыша давала возможность оборудовать под жилье помещение, которое официально считалось чердачным, что вдовой и было сделано. «Надо еще узнать, сдавала ли она комнаты на лето», — почему-то подумал майор. Смерть, да еще женщины, — это никак не вязалось ни с чем! Оставив машину снаружи, он вошел во двор через красивую калитку с похожим на тонкую черную книгу щелкающим замком.

Возле дома майора встретил начальник РОВД, подполковник милиции. С ним рядом стоял строгий мужчина, следовательно из прокуратуры. Третьим был врач, удостоверивший смерть.

Почти не останавливаясь, майор Савин поднялся на крыльцо. Начальник милиции открыл дверь и вошел первым. Майор Савин двинулся сразу за ним.

В светлой передней было четыре двери. Правая вела в кухню, следующая за ней — в туалет, дверь прямо вела наверх, левая — в комнаты. Их было две. Первая — проходная. Эта дверь была раскрыта.

Старая женщина лежала на пороге комнаты лицом вниз, наполовину ввалившись в переднюю. Полуодетая, в розовой ситцевой длинной ночной рубашке. Седые волосы полукругом рассыпались по спине и плечам. Возле лица по полу растеклась кровь. Ее было немного.

— Причину смерти вы можете сказать? — спросил майор Савин врача, стоявшего за ним.

— Пожалуй, не смогу. Я приподнимал женщину. Признаков насильственной смерти нет. На лице и на голове я не заметил никаких следов удара тупым орудием. Ножевых ранений тоже нет — была бы кровь.

- А на полу? Около лица.
- Она разбила нос при падении.
- Значит, она упала неожиданно?
- Скорей всего.
- И лицом вперед?
- Ну, естественно, раз у нее разбит нос.

Врач, видимо, относился к числу людей, которые больше любят сами задавать вопросы, чем отвечать на них. С незнакомым человеком, одетым, как сотни курортников, врач был разговорчив и вежлив больше всего потому, что с этим человеком был вежлив и даже почитателен подполковник милиции.

— Что вы намерены делать, подполковник? — Майор Савин решил врача оставить на время в покое. Сведения, сообщенные им, не дали ровным счетом ничего. Делать скороспелые выводы Александр Степанович не любил. Его профессия, больше чем какая-либо другая, не терпела этого.

— Обычно в таких случаях, — ответил подполковник милиции, — если состава преступления нет, мы труп отправляем в морг, помещение опечатываем и ищем родственников.

— Ну, а в данном случае? — А в данном случае я вызвал криминалистическую бригаду. В квартире этой гражданки кто-то похозяйничал. Я, правда, заглянул только с порога, не хотел входить в комнату до прибытия бригады... Можете аккуратненько заглянуть.

— Нет, нет, я подожду бригаду, — отказался майор Савин. Он опять решил обратиться к врачу.

— А вы не могли бы сказать, доктор, когда, по-вашему, наступила смерть?

Вопрос был задан уважительным тоном, и доктор отозвался соответственно:

— Такое заключение может дать лишь судебно-медицинская экспертиза. А я хирург из курортной поликлиники. Просто живу недалеко отсюда, меня позвали, как только обнаружили тело. Думаю, однако, что с момента смерти прошло не менее десяти — двенадцати часов. Видите, кровь на полу совершенно высохла.

— Вы говорите: как только обнаружили тело. А кто его обнаружил?

— Соседка, — ответил за врача подполковник милиции.

— Где она?

— Там, с той стороны дома, сидит на скамейке с милиционером. Желает поговорить с ней?

— Да. Проводите меня, пожалуйста.

Соседка оказалась словоохотливой сухонькой старушкой.

— Бируточка, покойница, царство ей небесное, была колочая женщина, как ежик, — обрадовавшись, что ее спрашивают, затараторила старушка. — Людей она сторонилась, дружбу ни с кем не водила... Да и будешь колочей от такой жизни — мужа нет, сын пьяница, жену бьет, вещи из дому тащит, исполком каждую вёсну грозит техника прислать, участок заново мерить — у нее, голубушки, участок-то по

старому плану был... Дом новый, а участок — по старому.

— Расскажите, как вы ее обнаружили? — постарался направить словесный поток в нужное русло майор Савин.

— Да мы недавно только построились, наши участки рядышком, утром я в огород выхожу, и Бируточка-голубушка тоже. Я ей говорю «лаба диена», и она мне. А тут смотрю, день, второй — нет Бируточки, не выходит чтой-то в огород. Торкнулась к ней, дверь свободно отворилась, вхожу, а она-то, птичка, бездыханная лежит! — Соседка начала всхлипать.

— Два дня? А вы не ошибаетесь?

— Какое там! «Ошибаетесь» — да по ней часы можно заводить! Каждое утро, ровно в восемь, она уже собирает свой урожайчик: лучку нащиплет, редисочки надергает, укропчика настрижет, в корзиночку аккуратно уложит и засеменит к своим постоянным покупателям — у нее походочка была такая мелкая-мелкая. И быстренькая. Сама-то она ровненькой была, полненькой, моя красавица.

Майор Савин пытался по рассказу соседки представить себе — маленькая, полненькая, но пронзительная. Ему был знаком такой тип людей.

— Некоторые ее спекулянткой считали, — продолжала соседка, — но никакая она не спекулянтка! Хотя, правду сказать, денежку любила. Прежде чем потратит, — побряхтит да подумает раз десять. Кто-то ее за богачку посчитал, в квартиру к ней залез прошлым летом, да не нашел ничего, только все перерыл понапрасну.

— Это она вам сама рассказывала?

— Сама, матушка, сама. Мы прошлый год тут не жили. Только еще строились. Но уже знакомы стали. Помню, как она мне про эту кражу рассказывает, а сама, поджав губки, улыбается. Дурак, говорит, думал меня перехитрить! Меня не перехитришь.

— Скажите, а комнаты она не сдавала? На сезон, на месяц или каким-нибудь парочкам на один день, а?

Соседка энергично отмахнулась.

— Что вы, гражданин, не знаю, как вас величать! Я же говорю, она людей не любила, сторонилась их... А деньги у нее и без того были. Пенсию за погибшего мужа получала, и опять же огород... «Парочку на день» — скажет тоже!

Приехала бригада отдела уголовного розыска — криминалист НТО, фотограф и судебно-медицинский эксперт. Труп сфотографировали и убрали, чтобы отправить в морг. Вместе с членами бригады майор осмотрел обе комнаты. Всюду был беспорядок. Вещи из шкафа и антресолей выгашены, разбросаны по полу. Одеядло и простыня с постели сдернута, матрац в двух местах располозован кухонным ножом. Нож валялся на полу среди вещей. Эксперт-криминалист опылил его тонким металлическим порошком, но следов не было. Нигде не удалось найти ни одного отпечатка пальцев.

Перед тем как покинуть этот дом, майор Савин попросил судебно-медицинского эксперта, сколько можно точнее установить время смерти Бируты Маркевич. Вернувшись к себе, сразу позвонил полковнику Сторожеву. Известие о смерти одной из трех женщин, чьи фамилии знал бородач, было для Виталия Иннокентьевича таким же неожиданным, как и для майора Савина.

— Какие неясности остались у вас после осмотра? — спросил полковник.

— Неясностей много. Главных две: причина смерти и время смерти. К концу дня обещали сообщить.

— Как только узнаете, сразу ко мне, — сказал полковник. — Я буду весь вечер.

Но Виталию Иннокентьевичу не пришлось ждать вечера. Майор Савин в течение дня периодически звонил в патологоанатомическое отделение городской больницы, узнавал: как там вскрытие, скоро ли будет заключение судмедэксперта?

А когда получил да прочитал его, помчался к полковнику почти бегом, хотя по характеру своему терпеть не мог спешки. Доложил как мог спокойнее:

— Виталий Иннокентьевич, заключение врачей готово. Вот оно.

— Ну, и что они лишут? — Полковник Сторожев не торопился взять протянутый майором документ, он с любопытством приглядывался к самому майору. Вид у Александра Степановича был, откровенно говоря, озадаченный.

— Вдова Маркевич умерла ночью, примерно через двенадцать — пятнадцать часов после того, как бородач получил ее адрес...

Полковник заметил, что фраза не закончена, и проговорил с легким нетерпением:

— Ну, продолжайте же, продолжайте.

— ...Причина смерти — сердечный приступ. — Слово бы предугадывая вопрос, который мог быть задан полковником, Александр Степанович сказал: — Она была сердечница и уже два раза лежала в больнице со стенокардией. Справка приколота к протоколу вскрытия.

Теперь и полковник был озадачен.

Продолжение следует.

"Отечество, вот

Людмила ЩИПАХИНА

Родные просторы

*Родные просторы прекрасны!
Как хочешь тот пыл назови,
Но все мы,*

*конечно, страстны
В своей бесконечной любви.
...С ревнивой заботой граждан
Вчера, и сегодня, и впрямь
Клочок нашей Родины каждый
Готовы мы сердцем согреть.
И в память нам врезался тяжко
Войны оттремевшей урон.
Вот в оползне —*

*старая фляжка,
Вот в рытвине —*

*ржавый патрон...
Но там, возле кромки восхода,
Как добрый и доблестный знак,
Над светлой судьбою народа
Полощется огненный флаг.
На верность ему присягая,
Не сводим восторженных глаз!
Какие мы сами — такая
Навек и Отчизна у нас.
И правда, и честь, и свобода —
Вот вечная заповедь дней.
...И в нас*

*растворилась природа.
И мы откликаемся в ней.*

Юлия ДРУНИНА

*Я опять возвращаюсь
На круги своя —
Тянет*

*к школьным,
Казалось,
забытым друзьям.*

*А на сердце бои,
И чужие края,
И житейские бури
Оставили шрам.*

*К тем вернулась,
Кто помнит
ребенком меня —
Тонконового
резвого
стригунка.*

*Я пришла из войны,
Я пришла
из огня,
Возвратилась
к друзьям*

*Через будней века.
Мне неважно,
Кем каждый,
Ей-богу же,
стал, —*

*Разговоры об этом
Еще впереди.
Лишь хочу,
Чтобы
Школьного братства
Кристалл
Никогда не растаял бы
В нашей груди...*

работа и любовь — для чего и надобно родиться».

Татьяна КУЗОВЛЕВА

Человек и космос

Этот страх, эта боль, эта ночь —
Все от света дневного сокрыто.
Мне сегодня подросткую дочь
Срок настал выводить на орбиту:

— Встань на цыпочки,
Руки вразброс,
Взгляд пошли в неземные высоты
И вдохни откровенье берез,
И замри, готовясь к полету.
И решишь — так еще никогда
Не взлеталось тебе

даже в детстве.
Стынут звезды кристаллами льда
И с тобой

и со мной по соседству.

Стынут, надвое зыбко деля
Мир знакомый и мир неизвстный.
И налево — у сердца — Земля,
А направо — свистящая бездна.
Все, чем ты на Земле дорожишь,
Отдаю тебе щедро с собою.
Летний ливень. Рассветную тишь.
Тень листвы над рябою водою.

Ни побед, ни потерь не забудь.
Позабудь суету и обиды.
Чем нежней ты,

тем ярче твой путь.
Чем ты жертвенней — выше орбита.
И в тяжелой космической мгле
Помни,

что бы с тобой ни случилось:

Ты
была
рождена
на Земле,
На земле ты летать научилась.

Помни, что бы ни стало с тобой —
Говорю всем ханжам вопреки я, —
Женской верностью,
Женской судьбой
Утверждаются судьбы мужские.

Мне с тобой расставаться невмочь:
Боль какая и тяжесть какая!
Страх бессонный,
Тревожная ночь —
Все равно я тебя отпускаю.

Звездный космос не знает любви —
Смеха, шепота, слез, поцелуя.
Ты дыханьем его оживи,
Ты открой ему нежность земную.

Состраданьем его надели,
Чтобы речь в нем твоя зазвучала.
И тогда ты коснешься Земли,
Чтобы все повторилось сначала.

Взрослой дочери
Скажешь без слез
То, что выстрадано было мною:
«Встань на цыпочки,
Руки вразброс,
И замри,
И взлети над Землею.

Выше, выше —
Запреты круша,
Мир храня от военного дыма.
Звездный космос,
Мужская душа
Будут живы, покуда любимы...»

Белла АХМАДУЛИНА

Ночь на тридцатое марта

В ночь на тридцатый марта
день я шла
в пустых полях,
при ветреной погоде.
Свой дальний звук
к себе звала душа,
луну раздобывая в небосводе.

В ночь полнолуния не было луны.
Но где все мы
и что случилось с нами
в ночи, не обитаемой людьми,
домишками,
окошками, огнями?

Зиянья неба, сумрачно обняв
друг друга,
ту являли безымянность,
которая при людях и огнях
условно мирозданьем называлась.

Сквозило.
Это ль спугивало звук?
Четыре воли в поле,
как известно.

И жаворонки всплакивали вдруг
в прозрачном сне —
так нежно, так прелестно.

Пошла назад,
в ту сторону, в какой
в кулисах тьмы
событие созревало.

Я занавес,
повисший над Окой,
в сокрытии луны подозревала.
И, маленький,
меня окликнул звук —
живого неба воля и взаимность.
И прыгнула,
как из веков разлук,
луна из туч и на меня воззрилась.

Внизу, вдали, под полною луной
алел огонь
бесхитростного счастья:
приманка лампы,
возожженной мной,
чтоб веселее было возвращаться.

Антонина БАЕВА,
лауреат премии
Ленинского комсомола

Дочери

А ты еще как следует не знаешь
судьбы своей.
И любишь все подряд:
и темный лес, и белый вешний сад,
и по ночам смеешься и летаешь
во снах, в мечтах,
в неведенье своем.
Ты смотришь в ночь без света,
не пугаясь,
не думая, что будет жизнь другая:
пока ты только с юностью вдвоем.
Поешь, читаешь, иногда тоскуешь,
вершишь свои нехитрые дела...
Но выйдет время.
Брякнут удила
в узде судьбы, и все перетолкуешь,
уже сама диктуя ей свое,
через себя саму переступая,
одной любви лишь только уступая...
Своей судьбой и назовешь ее.

Лариса ТАРАКАНОВА

На заре

Кто рано встал, тот многое увидел,
Прибавил к жизни
стройных два часа,
Недобрым словом света не обидел,
Но с легким сердцем делом занялся.
Ни шум дождя,

ни шорох листопада,
Чередование сумерек и дня
Не изменят привычного уклада,
Не сократят рабочего огня.

В благую мысль и в доброе деянье
С приходом утра будут вплетены
Полет дождя, межзвездное сиянье,
Багряный лист,
блаженство тишины.

И два часа,
для живости полезной
Отъятые от сладостного сна,

Удержат свет
над сумеречной бездной,
И жизнь опять покажется длинна.

Валентина КОРОСТЕЛОВА

Ничего не происходит,
Только в рост пошла трава,
Да под вечер хороводят
На пригорке дерева.

Ничего не происходит,
Но, бывшее вспомнив вдруг,
Каждый вечер к нам заходит
Стародавний, добрый друг.

Ничего не происходит,
Только даль светлым-светла,
Что задумано — выходит.
Вот какие, брат, дела!

Ничего не происходит,
Но опять в глазах твоих
Солнце всходит и заходит
Траекторией любви!

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

Рисунок Игоря СУРОВЦЕВА,
Воронеж

Рисунок Владимира ДОБРИНЯ,
Харьковская обл.,
ст. Слатино

Рисунок Виктора ИЖБОЛДИНА,
Воткинск

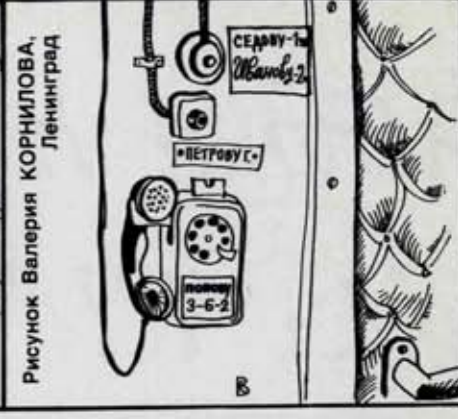

Рисунок Валерия КОРНИЛОВА,
Ленинград

Дорогие читатели!

На предприятиях связи страны ваши письма сортируются с помощью автоматических письмообработывающих комплексов. Поэтому при отправке письма в редакцию журнала ставьте, пожалуйста, в левом нижнем углу стандартного конверта формата 114 × 162 мм в специальном кодовом штампе НАШ ШЕСТИЗНАЧНЫЙ ИНДЕКС (101457). Индекс пишется стилизованными цифрами, чернилами или мастикой шариковой ручки любого цвета, кроме красного, желтого и зеленого. Образцы написания индексов имеются на клапанах конвертов.

На бандеролях, посылках, ценных письмах шестизначный индекс можно писать обычными цифрами перед первым словом нашего адреса: 101457, МОСКВА, А-15, БУМАЖНЫЙ ПР., 14. РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «СМЕНА».

Не забудьте перед вашим обратным адресом на конверте разборчиво указать шестизначный почтовый индекс обслуживающего вас предприятия связи. Без этого индекса мы не сможем ответить на ваше письмо.

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТ

26 шахматная ОЛИМПИАДА

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕЛИЖНОГО

Чистота и экономия

Идея задачи может заключаться не только в игре фигур, но и в красивой матовой картине. Этот принцип является основой чешской школы. Сочетание разнообразных правильных матов и составляет основное содержание задач чешского стиля. Правильной называется матовая позиция, являющаяся одновременно чистой и экономичной. При чистой матовой позиции все поля недоступны королю по одной причине: либо они заняты своими фигурами, либо атакованы по одному разу фигурами противника. Экономичность подразумевает обязательное участие всех фигур (исключение допускается лишь для короля и пешек белых). Правильность матовой картины является как бы художественным воплощением общего для всей композиции принципа экономии. В «экономичном» жанре миниатюр удельный вес правильных матовых позиций особенно велик.

В приведенной на диаграмме задаче А. Галицкого оба главных варианта заканчиваются правильными

Мат в 2 хода

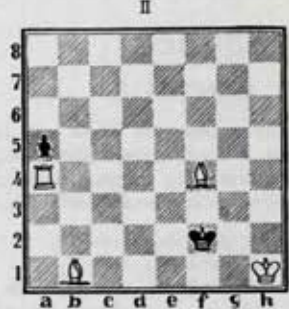
матом: 1. Ld2! (цугцванг) 1... С:d2 2. Фf1×, 1... Kf4 2. Лf2×.

В ответах на сегодняшний день участникам олимпиады необходимо указать полностью все варианты, заканчивающиеся правильными матами.

Седьмой тур

Белые: Крб6, Фа5, Се4, п. а6 (4)
Черные: Кра7, Кб2, п. с6 (3)
Белые начинают и дают мат в 3 хода (2 балла).

Белые: Крh1, Ла4, Сb1, Cf4 (4)
Черные: Крf2, п. а5 (2)
Белые начинают и дают мат в 4 хода (2 балла).

III

Белые: Крс7, Фе4, Лс3 (3)
Черные: Крh5, пп. d3, g6, h7 (4)
Белые начинают и дают мат в 4 хода (3 балла).

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «26-я шахматная олимпиада. 7-й тур». Последний срок присылки ответов (по почтовому штемпелю) — 1 июня.

На вопрос отвечает юрист Михаил КУРИЛИН.

Мы с мужем хотели бы усыновить ребенка. Расскажите, пожалуйста, как это можно сделать.

В. СМОЛЯРЕНКО,
Рига

Уважаемая Валентина Петровна! Для того, чтобы усыновить ребенка, вы с мужем должны подать общее заявление. В заявлении укажите ваш домашний адрес, сведения о семейном положении, месте работы, должности и размер заработной платы. Здесь же указываются и сведения об усыновляемом ребенке. К заявлению прилагается справка и характеристика усыновителя с места работы, краткая автобиография, справка из домоуправления о проживании и жилищных условиях.

Позаботьтесь о документах усыновляемого: нужны копия свидетельства о рождении, заверенная в нотариальном порядке, документы, устанавливающие смерть родителей, или, если они живы, подписка о их согласии на усыновление (если согласие требуется).

В тех случаях, когда усыновляемый передается в семью усыновителей, необходима справка лечебного учреждения об отсутствии у усыновителя и живущих совместно с ним родственников болезней, препятствующих помещению ребенка в семью.

Кроме этого, в заявлении об усыновлении должно быть указано, просит ли усыновитель записать его в качестве родителя усыновляемого и соответственно изменить отчество и фамилию усыновленного ребенка. Можно также просить и об изменении имени, а в необходимых случаях — места и даты рождения усыновляемого. Если ребенку исполнилось 10 лет, то присвоить ему фамилию и отчество усыновителя, а также записать его в качестве родителя допускается только с согласия усыновленного.

Поскольку усыновление преследует цель охраны интересов детей, оно находится под контролем государства. Для усыновления недостаточно одного лишь желания усыновителей и фактической заботы о детях. Помимо этого, необходимо, чтобы усыновление было оформлено юридически, то есть вынесено решение исполнительного комитета Совета народных депутатов об усыновлении.

Органы опеки и попечительства (там, где вынесено решение об усыновлении) обязаны не позднее месячного срока направить копию решения исполкома районного (городского) Совета народных депутатов в органы записи актов гражданского состояния для регистрации факта усыновления.

Права и обязанности усыновителя, как и родительские права, должны осуществляться не в противоречии с интересами усыновленных. Воспрещается без согласия усыновителей, а в случае их смерти без согласия органов опеки и попечительства сообщать какие-либо сведения об усыновлении, а также выдавать выписки из книг регистрации, из которых было бы видно, что усыновители не являются кровными родителями ребенка. Тайна усыновления охраняется законом.

2 шашечная ОЛИМПИАДА

Под редакцией мастера Виктора КРАМАРЕНКО

ТАКТИКА

Известный русский писатель в своем классическом произведении писал:

«...Ежели бы полководцы руководствовались разумными причинами, казалось, как ясно должно было быть для Наполеона, что, зайдя за две тысячи верст и принимая сражение с вероятной случайностью потери четверти армии, он шел на верную гибель; и столь же ясно было должно казаться Кутузову, что, принимая сражение и тоже рискуя потерять четверть армии, он теряет Москву. Для Кутузова это было математически ясно, как ясно то, что ежели в шашках у меня меньше одной шашкой и я буду меняться, я наверно проиграю и поэтому не должен меняться».

1. Назовите фамилию писателя и произведение, из которого приведены эти слова. (2 балла).

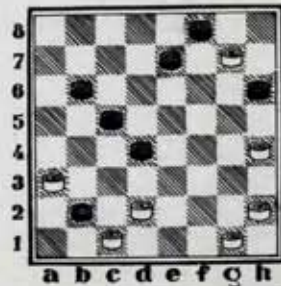
Польский писатель Ежи Гижицкий в своей замечательной книге «С шахматами через века и страны» пишет, что шахматам «Наполеон предпочитал шашки, черная, между прочим, в этой игре пример для своей тактики на поле боя». Недаром он никогда не расставался со своей перламутровой шашечной доской.

Что же такое тактика? Тактика — подчиненная часть стратегии, выполняющая отдельные операции общего плана. Тактика может играть и самостоятельную роль. Тактический удар может определить исход борьбы. Если стратегия основывается на общих принципах игры, то тактика строится на конкретном расчете реальных возможностей, заложенных в данной позиции.

Простые и сложные комбинации, жертвы шашек для стеснения сил противника или для обострения игры, жертва для прорыва в дамки или связи сил противника, использование «роздыха» и другие элементы — все это тактика.

Седьмой тур

2—3. В. Булат (Минск). Публикуется впервые.

В обеих позициях белые начинают и выигрывают (по 4 балла). Последний срок отправления ответов на задания седьмого тура 1 июня (по почтовому штемпелю). Не забудьте сделать пометку на конверте: «2-я шашечная олимпиада. 7-й тур».

Музыка
Евгения КРЫЛАТОВА

Слова
Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО

Ты так же внезапно,
как дождь проливной,
И так же проходишь
всегда стороной.
Ну чем мы не пара?
Ответь, не тая,
Чтоб вдруг мне сверкнула
улыбка твоя.

Звоню тебе часто, но отклика нет,
Комар телефонный пищит мне в ответ.
Ну чем мы не пара? Ведь сердце поет!
От песни до песни — один перелет.

ПРИПЕВ.

Не дарит мне почта приветов твоих,
По этой причине пишу за двоих.
Ну чем мы не пара? Подумай сама!
Обрадуй хоть словом,
хоть строчкой письма!

ПРИПЕВ.

ПРИПЕВ:
О любви все твержу тебе заново,
Но когда зря твердить надоест,
Так и знай: я уеду в Иваново,
А Иваново — город невест!

НУ ЧЕМ МЫ НЕ ПАРА?

КРОССВОРД

Составил Ю. ЛОГИНОВ,
ВОРОНЕЖ

По горизонтали:

4. Ученый, специалист в одной из основных наук. 10. Пролит, соединяющий Адриатическое и Средиземное моря. 11. Прибор, регулирующий напряжение или силу тока. 12. Инструмент для нарезания резьбы. 13. Роман Б. Келлермана. 14. Артист цирка. 15. Крупная степная птица. 18. Точильный камень. 20. Формалист в науке. 21. Вид тары для перевозки грузов. 22. Теплообменный аппарат. 26. Группа островов. 29. Обратная сторона медали, монеты. 30. Зажим для подсоединения провода к электроприбору. 31. Учение о морали. 34. Корнеплод. 35. Единица времени. 36. Придорожная канава. 37. Река в Бирме. 38. Орнаментальный мотив в виде стилизованного цветка. 39. Кавказский музыкальный инструмент.

По вертикали:

1. Врубная машина для узких забоев. 2. Защитный военный ров. 3. Бочонок для воды на шлюпках. 4. Венгерская мера площади. 5. Героиня одного из романов А. Дюма. 6. Пьеса Д. Лондона. 7. Порода охотничьих собак. 8. Многорусские книжные полки. 9. Почтовое отправление. 16. Небольшая печатная машина. 17. Праздничное зрелище из цветных огней. 19. Творческое соревнование. 20. Белорусский писатель. 23. Деталь одежды. 24. Человек, объявлявший народу известия в Древней Руси. 25. Чешский композитор и дирижер XIX века. 26. Опера Г. Майбороды. 27. Виноградный сахар. 28. Газета французских коммунистов. 31. Предварительный набросок рисунка, чертежа. 32. Сплав железа с никелем. 33. Садовый цветок.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 6

По горизонтали:

7. Правдин. 9. Пострел. 11. Мотря. 13. Орбита. 14. Эклога. 15. Холст. 16. Белкин. 18. Фединг. 19. Карабинер. 20. Залас. 21. Фланг. 22. Парадигма. 23. «Пяцы». 26. Школа. 29. «Богемиянс». 31. Лавров. 32. Торшер. 33. Устав. 34. Мултан. 35. Роение. 36. Вагон. 38. Юстиция. 39. Ремесло.

По вертикали:

1. Грим. 2. Хлоя. 3. Дробилка. 4. Цветник. 5. Штеккер. 6. Мемориал. 8. Новолазаревская. 9. Престидижитатор. 10. Домбра. 12. Жаргон. 17. Назаров. 18. Фермент. 24. Алломб. 25. Цивилист. 27. Кошениль. 28. Лорнет. 29. Ботаник. 30. Соловей. 36. Вилы. 37. Неон.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 20.02.84. Подписано к печати 02.03.84. А 09939. Формат 70×108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 10,23. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 891. Заказ № 2302. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

КРАСКИ МАНАНЫ БОБОХИДЗЕ

Когда и как зарождается талант... Кому дано знать это? Может быть, в тот миг, когда ребенок впервые видит мир, освещенный солнцем, огненные брызги которого загораются на листьях, траве, цветах, реют в воздухе; когда он видит глаза склонившейся над ним матери, глаза, как озера, полнящиеся светом и добротой. И тот, кто сможет увидеть весь спектр красок мира, жизни, который не заключается только в зеленом — листья, трава; только в синем — море, небо; только в черном — земля, — становится художником, творцом, поэтом. И увиденное им, познанное, художник вносит в свои произведения, дарит людям.

Картины Мананы Бобохидзе — портреты, фигурные композиции, пейзажи многоголосно звучат цветом. На портретах, написанных ею, люди — живые, узнаваемые и немного сказочные: их глаза огромны и излучают свет. Человек, глядящий на нас с портрета, прежде всего добр и прекрасен душой, романтичен в самом лучшем смысле и ярк. Поэтому

**АВТОПОРТРЕТ
С ЛАНЬЮ.**

для художницы важнее всего глаза человека, зеркало его души.

В галерее портретов Мананы нашли отображение образы многих деятелей искусства, литературы разных времен, народов, возрастов, тех, чье творчество оставило неизгладимый след в ее душе: это Галактион Табидзе, Ираклий Абашидзе, Владимир Маяковский, Андрей Рублев, Сергей Есенин, Ладо Асатиани, Габриела Комлева, Махмуд Эсамбаев и другие. Манана родилась в семье знаменитых грузинских поэтов — Веры Шелладзе и Калэ Бобохидзе, и это не могло не повлиять на ее художническое видение, главное в котором — звучащая красками поэзия. И хорошо понимаешь, проходя по выставке Бобохидзе, останавливаясь подолгу у картин, что любимыми учителями ее были и великий грузин Нико Пиросманишвили, и великий русский Илья Репин, и великий француз Поль Гоген.

Пейзажи Мананы своеобразны. Они не слепки, срисовки с натуры, они отношение художницы к жизни, они символика человеческих борений, состояний души, настроений. То это насыщенный драматизмом, жесткой эмоциональной напряженностью «Дом, в котором я живу», то

ПЕСНЯ.

**ГЕОРГИЯ
СААКАДЗЕ.**

**ТАНЕЦ
ПАВЛИНА.**

МАЛЕНЬКАЯ ВЕРИКО

ДЕВОЧКА.

Ксения ВАСИЛЬЕВА